

150-летию со дня рождения
М.А. Стаховича

Орловский
мудрец,
опередивший время

Третьи «Муромцевские чтения»

150-летию со дня рождения М.А. Стаховича

**ОРЛОВСКИЙ МУДРЕЦ,
ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ**

Третьи «Муромцевские чтения»

Орел 2011

ББК 63.3(2)

С 76

Сборник материалов конференции издан благодаря финансовой поддержке Фонда Фридриха Науманна (Германия)

Под общей редакцией
доктора философских наук, Президента Национального фонда
«Русское либеральное наследие»

А.А. Кара-Мурзы

С 76   **Орловский мудрец, опередивший время** / Сборник научных статей. Орел: ИД Орлик, 2011. 196 с., илл.

В сборник вошли материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося либерального политика и общественного деятеля, уроженца Орловской губернии Михаила Александровича Стаховича. Конференция проводилась в рамках традиционных «Муромцевских чтений». В ней приняли участие исследователи истории российского либерализма из различных регионов России, в т.ч. сотрудники Институты российской истории и философии Российской академии наук.

Сборник статей предназначен для всех, интересующихся проблемами истории российского либерализма.

ББК 63.3(2)

ПРЕДИСЛОВИЕ

8 (20) января 2011 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося либерального политика и общественного деятеля, уроженца Орловской губернии Михаила Александровича Стаховича. В настоящий сборник вошли материалы научно-практической конференции, посвященной этой знаменательной дате и проходившей в г. Орле 27-28 апреля 2011 г.

В сборнике представлены статьи ученых из Москвы, в том числе из Российской академии наук, Череповца, Ельца, Орла, освещающие общественно-политические взгляды и деятельность Михаила Стаховича.

В приложение к настоящему сборнику включены два текста, значение которых для исследователей жизненного пути М.А. Стаховича, а также истории российского либерализма рубежа XIX-XX вв. трудно переоценить. Один из них – «Записки Михаила Александровича Стаховича-младшего», были впервые изданы в Ельце («Елецкие корни», 1996), а затем перепечатаны в журнале «Наука и жизнь» (1999, № 8). Своего рода раритетом является другой источник – речь М.А. Стаховича на «Миссионерском съезде» в г. Орле в 1901 г. Издания, в которых она печаталась – газета «Орловский вестник» (1901, 25 сентября) и материалы «Миссионерского съезда» (Орел, 1902) давно стали библиографической редкостью.

В ходе конференции в Центральной городской библиотеке имени А.С. Пушкина состоялось открытие мемориальной экспозиции, посвященной М.А. Стаховичу, явившемуся одним из основателей библиотеки. Активное участие в торжественном мероприятии, а также в проведении конференции приняли члены Совета Национального фонда «Русское либеральное наследие» во главе с Президентом Фонда Алексеем Алексеевичем Кара-Мурзой.

Спонсорскую поддержку в проведении юбилейных мероприятий оказал Фонд Фридриха Науманна (Германия). Организаторы конференции искренне благодарят руководителя Филиала фонда Сашу Тамма и координатора региональных программ Галину Козлову за всестороннюю поддержку.

Оргкомитет.

СОДЕРЖАНИЕ

С.С. Секиринский	
М.А. Стахович	6
О.А. Жукова, А.А. Кара-Мурза	
В борьбе за свободу совести (о дискуссии вокруг речи М.А. Стаховича на «Миссионерском съезде» в Орле 1901 г.)	27
А.А. Кара-Мурза	
«Стахович против князя Мещерского», или процесс «о двух видах патриотизма»	46
А.А. Кара-Мурза	
Михаил Стахович: русский либерал между реакцией и революцией	51
А.Н. Егоров	
Образ М.А. Стаховича в воспоминаниях современников	73
Д.В. Аронов	
Михаил Стахович и Сергей Муромцев. Российский либерализм – единство в разнообразии	86
И.Я. Мосякин	
Орловщина политическая – листовая страница к алендарей начала прошлого века	92
Н.И. Алымова	
«...по чистой и преданной совести, по убеждениям, по правде...»: М.А. Стахович в Орловском губернском комитете особого Совецания о нуждах сельскохозяйственной промышленности	97
Н.Б. Хайлова	

Либералы-центристы о роли религии и церкви в переустройстве России	109
М.Н. Позднякова К вопросу об общественной деятельности А.А. и М.А. Стаховичей	123
В.В. Вострикова Михаил Александрович Стахович – основатель библиотеки им. А.С. Пушкина в Орле	128
В.В. Вострикова Общественно-политическая деятельность Александра Александровича Стаховича	136
С.В. Краснова Редкий оазис культуры	147
ПРИЛОЖЕНИЯ	162
М.А. Стахович Записки М.А. Стаховича-младшего (писано в Aix-en-Provence в 1921-23 гг.)	162
Речь М.А. Стаховича на «Миссионерском съезде» в г. Орле (1901 г.)	184

М.А. СТАХОВИЧ**«Человек от земли»**

Характеризуя либералов нового поколения, вышедших на сцену политической жизни в начале XX в., А.В. Тыркова отмечала, что среди них было «немало кабинетных начетчиков, правоведов, горожан». Но были и «люди от земли, привыкшие слышать вокруг себя неиспорченную, крестьянскую русскую речь». М.А. Стахович принадлежал к числу последних. Он родился и во многом сформировался как личность в родовом имении Пальна Елецкого уезда Орловской губернии.

Написанные им в эмиграции строки воспоминаний о раннем детстве и юности, крепостном быте и Великих реформах, на первый взгляд, не лишены парадоксов. Оглядываясь в прошлое, он радовался и тому, что, явившись на свет 8 января 1861 г., «застал еще крепостное право», и тому, что «двадцать лет прожил в царствовании Царя-Освободителя, в эпоху великих реформ», вырос в атмосфере эпохи, которой «ни Россия, ни История не забудут...»

В переплетении нравов этих, казалось бы, контрастных эпох, Стахович находил теперь для себя нечто важное и притягательное, возвращаясь к тому бессознательно-безошибочному восприятию жизни, как радости, которая была дана ему с момента появления на свет. «Родившись за шесть недель до 19 февраля <1861 г.>, я крепостного права не помню, но вырос и жил среди бывших рабовладельцев и крепостных; я не знал его юридических ужасных возможностей, ненавидел его понаслышке, но долго не отдавал себе отчета, что тот бытовой уклад, среди которого я рос, то взаимопонимание слуг и господ, которое я так любил и которое влекло меня всегда в Пальну, в деревню, к простому народу, и служить ему, и жить среди него, та атмосфера мирного и здорового сожительства, конечно, не мною создавалась, а я в нее попал и воспринял ее, как

---

¹ Секиринский Сергей Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

бессознательно, но безошибочно, все воспринимаешь в детстве, отрочестве, потом в юности...»

Связь с «землей» помогала Стаховичу сохранять политическое здравомыслие и живой, образный строй мышления даже на трибуне I Государственной думы – «Думы народного гнева» и минутного торжества сухого либерального рационализма. «Я... живу в такой глухой и благоразумной местности, в которой теперь, несмотря на все здесь говоримое, – сообщал орловский депутат бурлящему собранию, – люди, наверное, не бросили своей обычной жизни и занятий, не перестали метать нары, сеять гречиху и просо, и не ждут, затаив дыхание, будут ли женщины в Государственной Думе, останется ли Государственный Совет или нет...» А в ответ на сравнение кадетским депутатом Е.Н. Щепкиным потока раздающихся в Думе свободных речей с вешними водами, Стахович только заметил: «Вся эта вода не рабочая; ее не надо пускать на колеса мельницы. Умный мельник открыл бы затворы и терпеливо бы ждал: пусть себе сольет».

Та патриархальная «атмосфера мирного и здорового сожительства», которую еще застал Стахович в родном углу, своими корнями уходила в историю, хотя ко времени рождения нашего героя она уже была существенно преобразована усилиями его просвещенных предков...

«Noblesse oblige»

«Екатерининский век», оказавшись «золотым» для дворянства, нашел скорое искупление в «золотом веке» национальной культуры. Внуки «битых» служилых людей стали первым поколением русской аристократии, если не по преданию (которого, видимо, не знала Россия), то уж сразу (за одно – два «колена») по изощренной духовности и изысканной «внешности» мыслей и чувств. После того, как Манифест 1762 г., «открепил» дворянство от государства, началось и раскрепощение широкого спектра свойственных служилому сословию видов интеллектуальной и предметно-практической деятельности. Политическая мысль, художественное творчество, хлопоты о местных делах и нуждах, именно благодаря

участию в них вольных дворян, приобретают характер действительно *свободных профессий*.

В то же время скрепы, которыми дворянство изначально было соединено с государством, сохраняли немалую силу. Если власть еще долго видела в помещиках своих агентов, то их сыновья по-прежнему считали за честь послужить власти. Века службы откладывались в коллективной памяти поколений чередой преданий, связывавших каждую дворянскую семью, род, все сословие с родной землей и построенным на ней государством. Со временем, узко сословное представление об исключительной общественной роли дворянства сменялось у его просвещенной элиты стремлением «как-то служить России». «Noblesse oblige» («положение обязывает») рождало глубокое чувство социальной ответственности.

Среди вольных дворян были люди, которые предпочитали чиновничьей или военной карьере, службу по выборам на сословных или земских должностях в своих губерниях и уездах. Нередко эта разновидность *общественного* служения входила в обычай нескольких поколений одного и того же рода или семьи. Культурные дворянские семьи в России вообще были одной из стойких форм сохранения и развития либерально-консервативных ценностей. Стаховичи – из этого ряда.

Дворянский род Стаховичей вел свое начало с XVII в. и был внесен в родословные книги Полтавской, Черниговской, Московской и Орловской губерний. Родоначальником орловской ветви стал Александр Иванович Стахович (1794–1871), офицер гвардейской артиллерии и ветеран наполеоновских войн, в 1818 г. женившийся на дочери елецкого столбового дворянина М.В. Перваго, первого владельца имения Пальна. С тех пор Пальна перешла к роду Стаховичей. Дети Александра Ивановича от этого брака были первым поколением Стаховичей, выросших на Елецкой земле.

Особую роль в создании семейной традиции сыграл дядя и полный тезка героя нашего очерка – Михаил Александрович Стахович-старший (1820–1858). Выпускник Московского университета, талантливый драматург, поэт и переводчик, страстный любитель и собиратель народных песен, М.А. Стахович-старший был близко

знаком с П.В. Киреевским, а по убеждениям и деятельности принадлежал к кружку молодой редакции «Москвитянина», куда входил ряд замечательных литераторов его времени: А.А. Григорьев, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, П.И. Мельников-Печерский и др.

М.А. Стахович-старший – из того поколения, с разносторонней деятельностью которого было связано возрождение либерализма в России после Крымской войны. Наряду с требованиями раскрепощения личности, «простора и гласности», либеральными умами уже тогда завладела идея социальной справедливости, подкрепленная соображениями политического прагматизма и заложенная в проекты освобождения крестьян с землей на основе межсословного компромисса. С началом эпохи реформ, эта идея стала лейтмотивом общественной деятельности Стаховича-старшего на посту елецкого уездного предводителя дворянства, куда он был избран еще накануне Крымской войны...

Если жизнь Стаховича-старшего внезапно и трагически оборвалась в 1858 г. (он был убит с целью грабежа своим бурмистром), то его дух и взгляды, как пишет внучатая племянница героя нашего очерка Мария Стахович, «вдохновляли всех членов многочисленной семьи и... даже определили стиль жизни большинства из них».

Жизнь его младшего брата и отца нашего героя Александра Александровича Стаховича (1830–1913) внешне мало выбивалась из накатанной колеи блестящей дворянской судьбы. После окончания Николаевского кавалерийского училища в Петербурге он служил лейб-гусаром. Получил высокие чины тайного советника и шталмейстера двора Его Императорского Величества. В отставку вышел в 1871 г. Проявил себя и как помещик-предприниматель, став одним из первых русских коннозаводчиков. На Паленском конном заводе, известном всей России, выводили орловских рысаков и чистокровных английских скакунов. Для окрестных крестьян Александр Александрович построил в Пальне школу, больницу и родильный дом.

Человек широких культурных интересов, Александр Александрович более 50 лет состоял в дружбе с Л.Н. Толстым. Ценитель литературы, он был еще и театралом, а также первоклассным чте-

цом-любителем – воспитанником школы Щепкина и Прова Садовского, предпочитая исполнять их репертуар, – произведения Гоголя и Островского. Особенно мастерски читал комедии Гоголя, в том числе и самому автору. Тайной мечтой этого родовитого сановного дворянина и крупного помещика было поступление на профессиональную сцену. Но поскольку по условиям и обычаям времени, подобное превращение было просто невысказанным, то Александру Александровичу приходилось довольствоваться участием в любительских постановках, хотя порой – на самом высоком уровне. Однажды, в Эрмитажном спектакле с участием великих князей и в присутствии самого Александра III он с блеском исполнил заглавную роль в «Царе Борисе» А.К. Толстого. Александр Александрович оставил подробные воспоминания о петербургско-московском театральном мире, проникнутые любовью к искусству и тем, кто ему служил.

Его дети принадлежали уже ко второму поколению Стаховичей, выросших и получивших начальное воспитание в Пальне.

«Стаховический дух»

Трое сыновей Александра Александровича – Алексей, Александр и Михаил, каждый по-своему воплотили «стаховический дух». Самый старший – Алексей Александрович (1856–1919), тоже выпускник Николаевского кавалерийского училища, служил адъютантом великого князя Сергея Александровича и вышел отставку после русско-японской войны в чине генерал-майора. Но его подлинной страстью оказался театр. Он стал одним из директоров-учредителей Московского художественного театра, оказывал ему немалую финансовую поддержку. В его доме в Пальне неоднократно гостили актеры МХТ. После отставки и смерти жены Алексей Александрович сумел, наконец, осуществить мечту, которой был не чужд и его отец: 57-ми лет от роду сбрил бороду и поступил на профессиональную сцену МХТ. Играл роли князя Абрезкова в «Живом трупе», Репетилова в «Горе от ума», Степана Трофимовича в «Бесах», Дон-Карлоса в «Каменном госте». Но после установления большевистского режима от него в театре все отвернулись, его благодеяния актерами были забыты, а ролей ему уже не давали.

Этот блестящий и самобытный представитель старой дворянской культуры оказался незаменим только в качестве учителя хороших манер для молодых учеников Студии МХТ. В феврале 1919 г. он покончил с собой.

Если Алексей Александрович был страстным театралом, то его братья Александр и Михаил оказались страстными либералами. Линии их судеб во многом переплелись: оба избирались земскими гласными и служили предводителями дворянства в Елецком уезде, занимались учреждением школ и общественных библиотек в родном крае, принимали участие в земском движении на рубеже XIX – XX вв.; вместе представляли Орловскую губернию во II Государственной думе.

Но между братьями-либералами были и существенные различия. Александр Александрович (1857–1915) сначала учился в Училище Правоведения, затем, как отец и брат Алексей, – в Николаевском кавалерийском училище. Около девяти лет отдал коронной службе (сначала в гусарском полку, а после выхода в отставку – в должности земского начальника в Елецком уезде). Но уже в заседаниях либерального кружка «Беседа» выступал с радикальным требованием введения конституции, позднее стал членом нелегальных организаций «Союз Освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов», и, наконец, конституционно-демократической партии, избирался председателем ее уездного комитета в Ельце. На его средства одно время издавался кадетский «Думский листок», а в родном уезде – ежедневная общественно-политическая газета «Елецкий край» (декабрь 1906 г.– май 1907 г.) В отличие от своего младшего брата, Александр Александрович успел умереть в России и был похоронен в Пальне.

Для обрисовки духа семьи в целом и особого места, отводимого в ней семейным преданием кадетским увлечениям Александра Александровича-младшего, приведем отзыв его племянника Михаила Алексеевича Стаховича (1889–1967). «Паленские Стаховичи, – писал он, – за исключением, быть может, одного только дяди Саши, человека искреннего, но неуравновешенного, были все монархи-

стами, но того гуманно-либерального духа, который веял в первые годы царствования Александра II».

Самым же ярким носителем «стаховического духа» стал Михаил Александрович Стахович-младший. По отзыву племянника, «высокий, богатырски сложенный, несокрушимого здоровья, с рыжеватой курчавой бородкой, широким низким лбом и небольшими, умными, живыми глазами, он в молодости походил на купца Калашникова, а в зрелых годах – на языческого Пана».

Как свидетельствовал Михаил Алексеевич Стахович, его дядю отличала «необычайная, бьющая через край, какая-то стихийная талантливость... Замечательный оратор, поэт, актер, прекрасный чтец, остроумный рассказчик, везде он был даровит... Говорил он с некоторым пафосом, образно и сильно, следуя завету Пушкина, что "прекрасное должно быть величаво"; любил вводить в свои речи библейские тексты, но это были не просто цветы восточного красноречия, а искренние выражения его религиозного настроения. Каждая фраза его была так ритмично, так красиво преподнесена, что и здесь, радуясь форме, я часто забывал об умном содержании, а оно всегда было дельно и обоснованно. Это не был фейерверк красноречия, рассыпающийся разноцветными звездочками; это был огонь, который и светил, и грел и, когда нужно, жег».

Широкие духовные интересы, прирожденный артистизм Михаила Александровича, как и свойственная ему увлеченность художественно-культурной жизнью страны, органично сочетались с его профессиональной подготовкой правоведа, неутомимой общественной деятельностью и либеральными идеалами. Первым, от кого январским утром 1881 г. ученик Императорского Училища правоведения узнал о смерти Достоевского, был... профессор Уголовного судопроизводства Анатолий Федорович Кони. В двухчасовой блестящей лекции-импровизации он тут же разобрал значение творчества Достоевского, избрав предметом анализа роман «Преступление и наказание», – «и не только в плоскости юридической психологии, а как тонкий литературный критик!»

Семейные традиции также сыграли немалую роль в формировании художественных запросов, склонностей и гуманных идеалов

будущего видного либерала. Одной из таких традиций, благодаря отцу, стала дружба с семьей Толстого. Поддерживая тесные связи со многими выдающимися людьми искусства, Стахович был особенно близок Льву Николаевичу и его семье, а впоследствии стал одним из организаторов торжеств по случаю 80-летия писателя и учредителем музея его имени в Петербурге.

Другим кумиром семьи был Пушкин. Его произведениями в Пальне зачитывались с детских лет. Но речь Достоевского в июне 1880 г. на пушкинских торжествах в Москве, услышанная и *пережитая* юным Стаховичем «вместе с толпой в несколько тысяч человек», как «что-то небывалое, а вместе общее, повальное... – не то землетрясение, не то невиданный взрыв, не то прорыв огромной плотины и водопад экстаза», осталась с ним на всю жизнь. «Произошло что-то непостижимое, но незабвенное, то, как представляешь себе откровение...»

Если в юности Михаилу Александровичу довелось присутствовать на торжествах в Москве в связи с открытием памятника Пушкину, то позднее, в Орле, он уже в качестве предводителя губернского дворянства сам выступил с инициативой открытия в память Пушкина публичной библиотеки.

Отжило ли свой век дворянство?

Великие реформы Александра II, в год начала которых родился Стахович, таили немало сюрпризов для подчас излишне прямолинейных замыслов их творцов. Первым из российских сословий на реформы откликнулось дворянство, уже в 1860-е гг. занявшее преобладающие позиции в земстве и городском самоуправлении обеих столиц. Но дух бессословности, которому в ту пору поклонялись и многие титулованные дворяне, скоро стал уступать в их среде моде на «игру в русских маркизов» (П.Д. Боборыкин), а 1880-е гг. были отмечены всплеском сословных амбиций и избирательной суеты купечества и даже мещанства! Напор на образованных «снизу», со стороны поощряемых идеологией народного самодержавия «простецов», дополнялся захлестнувшим саму интеллигенцию народничеством («народопоклонством»)!. Что же оставалось делать в этих условиях просвещенной и совестливой части дворянства?

К началу 1890-х гг. полку новых либералов в русском обществе прибыло. В истекшее десятилетие, начавшееся уходом с политической сцены последней группировки либеральных бюрократов из поколения реформаторов середины века, в возраст гражданского совершеннолетия вступают ровесники Великих реформ – те, кто родился в эпоху преобразований и кому суждено было составить «ядро» первого в истории русского общества поколения свободных политиков – поколения первоумцев, среди которых был и М.А. Стахович-младший...

В восьмидесятые годы он, как и немалое число его сверстников, вступал «восторженным учеником... самых либеральных толкователей разрастающегося самоуправления» Ю.Ф. Самарина, Б.Н. Чичерина, кн. А.И. Васильчикова и других «старших передовых земцев». Под их влиянием, а также, следуя примеру своего дяди, он, «кроме первых 11 месяцев» своей взрослой жизни, «никогда не служил». Эти 11 месяцев были расплатой за долг в две или три тысячи рублей, сделанный юным Стаховичем еще в Училище Правоведения. «В наказание, – рассказывал в мемуарах Михаил Александрович, – отец приказал мне поступить на казенную службу, а не разрешил поселиться в Пальне. Я поехал в Ковно, где еще были дореформенные суды, и за 11 месяцев перебивал секретарем прокурора Суда, и. о. судебного следователя, потом и. о. товарища прокурора... Но в ноябре 1883 года отец меня простил и разрешил осуществление моей мечты – не служить, а быть общественным деятелем, но работать только по выборам... Жить на людях и для людей...»

И это, как пишет внучатая племянница Михаила Александровича Мария Стахович, «стало реальным содержанием всей его жизни, смолоду и до конца». Правовед выпуска 1882 г., он уже со следующего года избирается гласным земских собраний Елецкого уезда и всей Орловской губернии. В 1892–1895 гг. служит уездным предводителем дворянства в Ельце; в 1895–1907 гг. – губернским предводителем в Орле. В 1902 г. участвует в земском съезде, за что получает Высочайший выговор. Особенно широкий резонанс вызывают его публичные выступления в защиту свободы совести и

прав представителей различных конфессий. Во время русско-японской войны Стахович находится на маньчжурском театре военных действий в качестве уполномоченного от орловского дворянства по санитарной части.

Вскоре для самого Михаила Александровича и людей его поколения впервые наступает период активного участия в открытой политической жизни страны, период, связанный с их деятельностью в качестве депутатов Государственной думы...

Размышляя в эмиграции над причинами крушения либеральных планов преобразования России, Тыркова полагала, что наиболее влиятельные и радикальные среди российских либералов – кадеты, в числе лидеров которых тоже было немало выходцев из старинных фамилий служилого и поместного дворянства, «стремясь демократизировать власть, ...совершенно забывали, что они сами, как господствующий класс, составляют часть власти, которая издавна принадлежала их предкам». В их сознании, уже искаженном ненавистью к существовавшим полицейско-бюрократическим порядкам, по мнению Тырковой, сложился ущербный образ российской власти: «Власть – это самодержавие и только. Это жадный узурпатор, не желающий делиться с гражданами правом участия в законодательстве и в управлении государством. В течение десятилетий в передовом дворянстве отмирало классовое сознание. Это вносило благородный, рыцарский оттенок бескорыстия в их жизнь и деятельность. Но для России, может быть, было бы выгоднее, безопаснее, если бы дворянство крепче держалось за свою руководящую роль, яснее сознавало свое значение для культуры».

Наблюдения Тырковой заслуживают внимания. В силу своего правового статуса, материальной обеспеченности, образованности, сословного кодекса поведения, известной организованности, дворянство являлось не только опорой власти, но и естественной основой независимого образа мыслей и поведения в традиционно-патриархальной среде. Чувство личной независимости и собственного достоинства в дворянине могло проявлять себя в разных формах: от узкого фрондерства до поддержки вполне бессловных принципов. В целом же, для дворянской оппозиционности с поре-

форменных лет было характерно взаимодействие либеральных взглядов и представлений с патриархально-консервативным умонастроением и образом жизни. В результате такого взаимодействия классические формы празднично-открытого, жизнелюбивого дворянского быта насыщались новым общественно-политическим содержанием. Сами же носители новых либеральных идей и ценностей испытывали сильное воздействие этого образа жизни на свои политико-психологические установки и поведение, для которых в целом было характерно стремление к *примирению* доктринальных требований с условиями российской действительности, лозунгов оппозиции с возможностями существующей власти. М.А. Стахович – наглядный тому пример. Широкий альтруизм и либеральные идеалы вполне уживались в нем с чертами русского барина. Как пишет его внучатая племянница, «он действительно жил для других, и будучи предводителем орловского дворянства, и среди деятелей русской культуры и друзей. Он помогал всем, исполняя все просьбы, не забывая никого. Как бы ни был занят, Михаил Александрович был ко всем внимателен, независимо от обстоятельств, даже когда это вовсе не соответствовало его собственным интересам; и даже по отношению к людям простым, которых обычно никто не замечает, да и чужим вдобавок...»

Согласно же более приземленному отзыву его племянника, «всегда веселый и энергичный, радушный хозяин, он любил и умел пожить», пользовался громадным успехом у женщин, денег не считал. И еще в бытность губернским предводителем (т.е. до 1907 г.) спустил все свои средства. Отец выделил его, чтобы не разорить других наследников. Но Михаил Александрович в быту оставался прежним. Его выручали исключительная энергия, талантливость, работоспособность: он любил много тратить, но умел много и зарабатывать, «всегда держась на поверхности». Привычка к широкой жизни, как это ни парадоксально, помогла ему на склоне лет легче перенести эмиграцию: от полной нищеты, по свидетельству племянника, его спасли «несколько ящиков какого-то драгоценного наполеоновского коньяка», припасенные им в лучшие времена. На старости и в изгнании этот коньяк стал его кормильцем!

Общественно-политическая позиция Стаховича закономерно тяготела к «золотой середине». Вспоминая о последних годах царствования Александра II, он писал, что тогда «в огне самых бурных споров и заседаний» еще *«не было того предвзятого, на первый план поставленного принципа оппозиции государственной власти, который так характерно выступает в позднейшей общественной русской жизни»*: «Александра II обожали: народ – за 19 февраля, интеллигентный класс – за великие реформы... Правительство критиковали, но ему верили и, вечно споря, старались сговориться и помогать. Понимали инстинктивно, что бороться можно с правительством, а не с государством, которое должно охранять и которое не может обойтись без первого...»

В ту пору пожеланиям умеренной части либеральной общественности вполне отвечал проект так называемой «конституции Лорис-Меликова». Речь шла о созыве выборных от земств и городов в специальные комиссии для предварительного обсуждения правительственных законопроектов. В случае реализации этого проекта, в принципе одобренного Александром II накануне своей гибели, было бы создано некое подобие представительства с законосовещательными правами. Согласно позднейшему отзыву Стаховича, «это была умная и осторожная попытка повести Россию эволюционным путем к неизбежному в наше время представительному правлению. Конечно, этот новый порядок привел бы постепенно до ограничения самодержавия, к конституции. Но именно в постепенности и заключался бы спасительный для народов путь неизбежной эволюции, а не отвратительный, при ее отсутствии, путь революции». Позиция Стаховича по вопросу о самодержавии и представительстве и в более поздние годы принципиально не изменилась.

Выступая 3 мая 1906 г. в I Государственной думе по поводу кадетского требования создания «ответственного министерства», Стахович заявил: «Я не сторонник, особенно в настоящее время, парламентарного режима для России». С его точки зрения, лишь будущее могло вынести свой вердикт о степени основательности подобных планов, но пока Дума не выказала себя на деле, ее пре-

тензия преждевременна. Иное дело, расширение условий и ускорение реализации права запроса и контроля Думы не только над закономерностью, но и над целесообразностью действий министров. В пользу этой меры Стахович ратовал безусловно.

В думских прениях 5 июня 1906 г. по другому ключевому вопросу тогдашней жизни – аграрному, депутат от Орловской губернии, с одной стороны, категорически отверг даже попытки при решении этого вопроса апеллировать к силе: «Ни к государственной власти, ни к Думе-законодательнице никто, кроме иноземного врага, – говорил Стахович, – не может обращаться с угрозой, как с доводом». Но вместе с тем он, как и граф П.А. Гейден, решительно высказался за увеличение площади крестьянского землевладения. Эту меру Михаил Александрович рассматривал не как вопрос государственной самозащиты перед натиском разбушевавшейся крестьянской стихии, а как государственную необходимость, диктуемую интересами всей страны и самих крестьян. Исходя из трезвой оценки их культурного и экономического положения, он утверждал, что «без увеличения основного капитала», т.е. земли, для них просто будут невозможными «ни самодеятельность, ни развитие хозяйства».

Партия мирного обновления, в создании которой в период работы I Думы депутат Стахович сыграл одну из главных ролей, допускала принудительное отчуждение частновладельческих земель, но исключительно в интересах укрепления *частной* крестьянской собственности на землю, возражая даже против кадетского проекта создания государственного земельного фонда, не говоря уже о программе решения аграрного вопроса, выдвинутой трудовиками и основанной на идее уравнильно-трудового землепользования.

Либерализм, власть, революция

В свое время одним из самых сильных впечатлений Стаховича-правоведа стало убийство Александра II. Михаил Александрович рассказывал: «1-го марта 1881 года, будучи на рысистом кругу Семеновского плаца (было воскресенье), мы вдруг услышали какие-то толки, что Государь... убит. Я помню, как мы выскочили из беседки, вскочили на какого-то лихача, велели лететь в Зимний дворец, не-

смотря, что он нас предупредил: "Господа! Своей первой очереди я дешевле четвертой (25 рублей) не продам". Мы обещали, но по пути сказали, почему так торопимся... Когда мы подъехали и расплачивались, он нам вдруг сказал: "Не нужно денег, я вам заплачу четвертную, если вы меня к Нему проведете... Пусть лошадь пропадет!" Лошадь мы доверили городовому, а извозчику посоветовали молча идти за нами... Я потом много раз ходил по Зимнему дворцу и на приемах, и на балах, и показывая его иностранцам, и представляясь... Но никогда, конечно, я так не бежал, не переспрашивал, не метался, покуда мы не дошли до фонаря (спальни Государя). Он уже отходил... Дыхание свистело, а врачи с растерянными лицами шептались у стены. Рождественский (придворный протопресвитер) что-то шептал и широко крестил неподвижное тело Александра II, Царя-Освободителя, любимца своей страны. Я помню, как все метнулись в угол, и вошел с искаженным отчаянием лицом огромных размеров человек, а маленькая женщина настойчиво гладила его рукав... Это был уже Александр III и Императрица Мария Федоровна... Потом старый безголосый А.А. Суворов вышел (помню, как камер-лакеи спешно отбивали замазку с окна) на балкон и объявил народу, что Император Александр II почил в Бозе, что воцарился сын его, Император Всероссийский Александр III. Конечно, он сам себя не слышал, не только никто не слышал его на площади... Но толпа росла стремительно, притекая отовсюду, и когда через какие-нибудь полчаса новый Император вышел и сел в сани (сзади оказался уже императрицын синий лейб-казак!), сани шагом едва пробивались по дворцовой площади, народ кричал ура! и разные сочувственные возгласы, а новый Государь даже не оглядывался, не только не кланялся, а сидел, дрожал и рыдал...»

Эта яркая зарисовка из мемуаров, написанных в 1921–1923 гг., представляет особый интерес в связи с тем, что в ней, судя по всему, с наибольшей полнотой выразил себя тот «идеалист самодержавия», каким Стахович запомнился В.А. Маклакову в думский период, и каким он, видимо, начинал свою общественную деятельность еще в восьмидесятые годы. К несчастью, ее начало совпало с наступлением полосы реакции, крепко связанной в памяти рус-

ских либералов главным образом с именем Александра III. В позднейших отзывах о нем и его политике самого Стаховича видно, как борются в этом человеке, уже пережившем крушение всех своих лучших надежд, прежние чувства монархического пиетета с откровенной досадой на плоды деятельности предпоследнего из Романовых: «Это был лучший и честнейший, нет, даже чистейший человек из 160 миллионов своих подданных. Но это был вреднейший царь, погубивший династию Романовых... Талантливые друзья ему бы помогли, но все предпочтения Александра III шли к бездарностям... К.П. Победоносцев, граф Д.А. Толстой, а затем целая школа их учеников и целое войско чиновников-карьеристов выработали и сумели привить недалекому царю совершенно вымышленное обвинение всей России в грехе цареубийства 1 марта. Ее объявили и виноватой, и больной и стали лечить строгим режимом реакции, и стали пичкать все время такими сильнодействующими лекарствами, в которых она совсем не нуждалась, но от которых ее лихорадило все сильнее и сильнее... Этот эффект ненужного лечения выдавали за безошибочный диагноз опытных и любящих врачей и все усиливали дозы. Так было все 13 лет царствования Александра III... Между тем отправная точка была несправедлива и нелепа. В 1881 г. страна любила своего Государя, не сомневалась в преимуществах для себя монархического правления; с ужасом и негодованием отозвалась на отвратительный грех цареубийства 1 марта. В самой России группа анархистов была совсем ничтожная...»

Крупнейшие нравственные авторитеты страны конфиденциально, как Лев Толстой и Константин Кавелин, или публично на лекции, как философ Владимир Соловьев, пытались обратить внимание нового императора на возможность *нетривиального* выхода из сложившейся ситуации – помилованием цареубийц нравственно обезоружить экстремизм, положив тем самым конец перманентному состоянию взаимного ожесточения и террора. Этому благоприятствовало и настроение общества, резко изменившееся после трагедии на Екатерининском канале. «1 марта, – писал Ф.И. Родичев, – убит не только Александр II, – убита революция»; «страшное впе-

чатление», произведенное гибелью императора, «надолго сделало невозможным террористические секты...»

Само ожидание новых казней становилось для многих нелегким нравственным испытанием. Стахович вспоминал, «как тяжело было ожидать объявления дня казни после обнародования приговора. Все были удручены, задыхались от ужаса, хотя никакого сочувствия к преступникам не было. Но гуманитарные веяния в то время были сильны, и общество на них реагировало. Конечно, не одинаково везде: среда, возраст вносили различия в эти отклики, но все выдавало общее участие граждан в страшном государственном событии и расплате за него».

Юному правоведу довелось присутствовать на знаменитой публичной лекции Владимира Соловьева, прочитанной незадолго до казни цареубийц, назначенной на 3 апреля 1881 г. «Теперь, через 40 лет, – писал Михаил Александрович в мемуарных заметках, – я уже не припомню ее содержания. Но во второй части он рядом с категорическим императивом Канта поставил как нравственное требование понятие религиозного абсолюта. И при этом в часовой или более, не написанной лекции, а вдохновенной импровизации речи, он говорил о переживании общественного духа за этот кошмарный месяц; об общем негодовании и возмущении перед отвратительным цареубийством; о подробностях, выясненных на суде; наконец, об ужасе этого ожидания пятиголовой казни. Не только красноречива и благородна была его речь, но она звучала какой-то строгостью и восторгом пророка, когда он доказывал, что казнь не искупит преступления, потому что греха нельзя загладить наказанием, а превзойти его можно только милосердием и жалостью; чтобы действительно стать выше преступников, надо... помиловать. Я повторяю, что уже не помню его выражений, но выражение его лица, общий вид огромной толпы и собственное переживание я помню. Мы были объединены все в это время и негодованием к цареубийцам, и горем о погибшем, всеми любимом Царе. Но Соловьев заразил нас, проник до самой глубины души нашей, заставил почувствовать, что есть правда сильнее всякого зла, выше всякого горя. Что и отдельный человек, и совокупность толпы, и целый народ

могут к ней приобщиться и по ней решить. Это было незабвенное впечатление. И хотя приговор не был перерешен, а Соловьев был отставлен от университета, мы пережили жестокость казни еще не один раз, но вера в подъем человеческого духа, в способность почувствовать веяние правды вечной над всеми делами людей осталась у нас, конечно, и не один раз в жизни отзывалась в наших чувствах и суждениях».

Акт помилования, как своеобразный ключ к решению политического вопроса, был возможен только при наличии у нового императора широты политического мышления и доверия к обществу. Но Александр III нашел для себя невозможным проявлять великодушие за счет неотмщенного государя-отца. Сыновний долг возобладал над обязанностями первого государственного лица, а доверия к обществу у него просто не было. Ход правительственной политики после 1 марта 1881 г. обернулся моральной реабилитацией революционного террора, спустя двадцать лет получившего от общества новую индульгенцию.

К началу XX в., как писал Стахович в мемуарных заметках, «под давлением двух реакционных царствований – Александра III и Николая II... ненависть к правительству распространилась на самое понятие государственной власти. Оппозиция была уже не тактическим приемом, а казалась самодовлеющей политической целью... обессилить их, свалить, – хуже не бывает, мол... Умные предчувствовали, что может быть еще гораздо хуже; но сдерживать раздражение перед постоянным..., систематичным и всесторонним преследованием всякого прогресса или освобождения, всякой самодетельности, перед постоянно демонстрируемым пренебрежением к общественному мнению, нуждам и желанию масс стало невозможным. Борьба перешла уже в войну и приобрела стихийный характер. Самую невозможность в будущем бороться со стихийным движением, все нараставшим в народе, создавало правительство».

Вспоминая ситуацию в либеральном движении рубежа 1905–1906 гг., Тыркова писала: «Все в упоении, в опьянении борьбой и конституционными мечтами неслись вперед... Уступки правительства, его неуклюжие попытки ближе подойти к общественному мне-

нию только подстрекали, принимались как доказательство слабости власти... Торопливость стала характерной чертой интеллигентской жизни... Мы воображали, что направляем корабль, а на самом деле нас несло весеннее половодье».

Память мемуаристки сохранила «тяжелый эпизод», произошедший на кадетском съезде в канун открытия I Государственной Думы. Пришло известие об убийстве террористами в Киеве генерал-губернатора, гр. А.П. Игнатьева. «И вдруг сорвалось несколько аплодисментов. Это сейчас же вызвало резкий протест. Аплодисменты сразу оборвались. Председатель высказал резкое порицание тем, кто рукоплескал. Но факт остался фактом. В центре либеральной оппозиции, считавшей себя монархической, отрицавшей революционные методы, нашлись люди, нашлись члены Государственной Думы, публично выразившие одобрение убийцам».

Немного тогда среди либералов было тех, кто бы, если воспользоваться словами Тырковой, «крепко, трезво, до конца продумал, что надвигается на Россию». Позиция депутата-перводумца Стаховича выдержала испытание временем. Он был из тех, кто сразу почувствовал иррациональный характер русской революции. То, что зачастую происходило в России начала прошлого века, Стахович уподоблял самым грозным проявлениям природной стихии, недоступным пониманию непосредственных наблюдателей. «Очевидцы и обсерватории, – говорил Михаил Александрович с трибуны I Думы, – способны описывать ливни, грозы, но никто не может описать извержение вулкана... Как после извержения вулкана, кроме все сжегшей лавы, есть еще стихийная масса пепла, которая все засыпает глубоко и тяжело, и только много лет позднее тщательными, равнодушными и беспристрастными усилиями науки можно восстановить условия этих событий, можно представлять, предсказывать ту жизнь Геркуланума и Помпеи, которая так внезапно оборвалась, – так и все движения народной стихии должны быть открыты и могут подвергнуться исследованию лучших историков не непосредственно вслед за своим событием, а только много позже и после долгого и добросовестного труда».

Из этого следовал вывод и для либеральных политиков кадетского толка: «Когда говорят, что не хотят революции, то обыкновенно забывают, что она не зависит от воли отдельных лиц; она даже не зависит от общей воли, она имеет свойство самовозгорания не только против желания, но иногда против ожидания участников или свидетелей».

В поучение депутатам, Стахович настойчиво проводил аналогию между ремеслом политика и историка, подкрепляя ее ссылкой на авторитет государственных мужей классической древности – римских сенаторов, которые во время вражеского нашествия так спокойно и неподвижно сидели на своих местах, что варвары, взявшие город, приняли их за статуи! Если никто в России, по словам Стаховича, не был избавлен от «наркоза возбуждения», от влияния того «вихря, который с атмосферической силой проносится над страной...», то есть две категории людей, обязанность которых найти в себе силу или обречь себя на неподвижность, которая бы их застраховала от этого воздействия... Это – государственные деятели в настоящем и историк в будущем, когда он станет толковать человечеству значение его великих или ужасных бурь».

Выступая на заседании I Думы 4 мая 1906 г., Стахович решительно высказался за прекращение политических убийств и других насильственных действий. «С прошлым бесправием должно сгнать преступление как средство борьбы и спора. Больше никто не смеет тягаться кровью». Как позднее признавала Тыркова, в поведении преобладающей части либеральной оппозиции, «конечно, была двойственность. За государством она отрицала право убивать, а революционеров за бессудные убийства осудить не хотела. Это было губительное противоречие, правовое и моральное. Многие осознали это только позже. А в 1906 г. гр. Гейден, М.А. Стахович, М.М. Ковалевский, кн. Е.Н. Трубецкой тщетно взывали к народным представителям, уговаривая их вдуматься в эти противоречия. Прекращения военно-полевых судов они тоже добивались, но они считали, что одновременно с этим Дума должна вынести моральное осуждение террору».

И спустя год, во II Думе, Стахович осудил «ложную атмосферу», создаваемую усилиями многих либералов вокруг революционного терроризма, высказавшись против надевания «венца мученичества, мантии героизма» на то, что «в огромном большинстве случаев – только преступление и кровавый грех». Последние слова его думской речи 17 мая 1907 г. скоро сбылись: «Если Государственная Дума не осудит политических убийств, она совершит его над собою!» 3 июня II Государственная Дума была распущена, несмотря на попытки Стаховича и ряда других либералов путем прямых переговоров с Председателем Совета министров П.А. Столыпиным предотвратить ее роспуск.

Участием в качестве депутата от Орловской губернии в работе нижней законодательной палаты первого и второго созывов и ограничился опыт думской деятельности Стаховича. С 1907 г., опираясь на авторитет, завоеванный им в родном крае, он представлял орловское дворянство в более консервативной верхней палате – Государственном совете, где заседал в течение 11 лет, между прочим, вместе со своим бывшим наставником в Училище Правоведения А.Ф. Кони и принадлежал к либеральной, т. наз. «академической» группе.

Как общественный деятель, Михаил Александрович внес большой вклад в становление центристского направления в русском либерализме. Сначала он был одним из деятельных организаторов «Союза 17 октября». В связи с тем, что сам «Союз» в I Думе приобрел репутацию правительственной партии, а в его среде наметились серьезные расхождения, Стахович вместе с гр. П.А. Гейденом и Н.Н. Львовым основал думскую группу, а затем и партию мирного обновления, название которой было предложено Михаилом Александровичем. «Мирнообновленцы» были недовольны как «правым уклоном» октябристов, так и «левым уклоном» кадетов, особенно в аграрном вопросе и в отношении к революционному терроризму.

После роспуска I Думы, в отличие от кадетских политиков, подписавших «Выборгское воззвание» с призывом к пассивному сопротивлению властям (не давать рекрутов в армию, не платить

налоги, не признавать займов, заключенных без одобрения Государственной Думы), Стахович был среди авторов обращения «От партии Мирного обновления» (10 июля 1906 г.), в котором говорилось о конституционности роспуска I Думы и необходимости подчинения воле монарха.

С октябристами мирнообновленцы окончательно разошлись после того, как Столыпин, в целях борьбы с революцией, 24 августа 1906 г. ввел скорые на расправу военно-полевые суды, а лидер «Союза 17 октября» А.И. Гучков публично расценил эту меру властей как «жестокую необходимость». В ноябре, когда комитет партии мирного обновления принял решение о несовместимости одновременного участия в этой партии и в «Союзе 17 октября», Стахович вышел из состава «Союза».

Для него и его товарищей по партии «истинных конституционалистов», было особенно характерно неприятие всякого отступления от конституционных начал, оправдываемого, либо со стороны властей, либо со стороны оппозиции, соображениями тактики, и, прежде всего, «безусловное осуждение всякого террора, как правительственного, так и революционного». Впоследствии Стахович, как и другие мирнообновленцы, вошел в состав «Партии прогрессистов» и стал членом ее ЦК.

После Февральской революции Стахович был назначен Временным правительством сначала генерал-губернатором Финляндии, а в сентябре 1917 г. – послом в Испанию. Приход к власти большевиков превратил посла в эмигранта: Михаил Александрович поселился на юге Франции, в городе Экс-ан-Прованс, где начал писать мемуары и скончался в 1923 г. Похоронен Стахович на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

О. А. Жукова¹
А.А. Кара-Мурза²

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ СОВЕСТИ
(о дискуссии вокруг речи М.А. Стаховича на
«Миссионерском съезде» в Орле 1901 г.)

Всероссийскую известность губернский предводитель орловского дворянства Михаил Александрович Стахович получил в 1901 г. в связи с прочитанным им на «Миссионерском съезде» в родном Орле докладом о свободе совести. В своей речи он открыто высказал неприятие распространенной практики религиозного принуждения и дискриминации иноверцев, закрепленной законодательством имперской России.

Незадолго перед этим, 20 февраля 1901 г. Св. Синод отлучил от Церкви Л.Н. Толстого – близкого друга и наставника семьи Стаховичей. Это не могло не сказаться на настроениях 40-летнего орловского дворянина, посчитавшего своим долгом выступить перед миссионерской аудиторией.

На съезде Михаил Стахович в полемической форме постарался защитить идею, что никакое насилие не способно вызвать любовь к Богу, и лишь полная свобода вероисповедания может благотворно содействовать популяризации и распространению православия. «Меня спросят, – говорил Стахович, – чего же вы хотите? Разрешения не только безнаказанного отпадения от православия, но и права безнаказанного исповедания своей веры, то есть соращения других? Это подразумевается под свободой совести? Особенно уверенно среди вас, миссионеров, я отвечу: да, только это и называется свободой совести... Запретной пусть будет не вера, а дела; не чувства, а поступки, ущербы, изуверство – все то, что

---

¹ Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета, член Совета Фонда «Русское либеральное наследие».

² Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, зав. отделом Института философии РАН, Президент Национального фонда «Русское либеральное наследие».

уголовный закон карает...» Более того, Стахович внес «Миссионерскому съезду» такое предложение («Московские ведомости» назвали этот шаг «бестактностью, чтобы не сказать цинизмом»): «Ни на ком в России не лежит более, чем на миссионерском съезде, долг провозгласить необходимость свободы совести, необходимость отмены всякой уголовной кары за отпадение от православия и за принятие и исповедание иной веры. И я предлагаю орловскому миссионерскому съезду так прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство пригодным порядком!...»

Главным своим аргументом Стахович выдвинул христианское понимание свободы в Духе Св. Признав добросовестность, обдуманность в изложении причин религиозного кризиса собравшимися на съезде, он позволил себе высказать перед клириками сомнение «непосвященного мирянина». Блестящий оратор, обращаясь к священнослужителям, Стахович прибег к форме риторического вопроса: «Не пренебрегли ли Вы, умелые строители, случайно или невольно, краевым угольным камнем?» И здесь в его речи прозвучало то самое неуместное, практически запретное выражение *свобода совести*: «Само вставало передо мною пропущенное в огромной программе, ни разу не произнесенное здесь, среди пылких ученых, многосторонних и искренних прений – вековое слово: *свобода совести*. "Иде же Дух Господень – там свобода". Значит ли это, что где, по нашему, дух не Господень, там не должно быть и свободы? Или может быть это значит, что где нет свободы, там нет и Духа Господня, без которого Православие не может творить *ничесоже*... Где нет свободы для слова, свободы для мнения, свободы для сомнения, свободы для исповедания, – там нет и места для дела веры, там не повеет Дух Господень, там пребудут бессильными все старания, всякое рвение!»

Казалось бы довод исчерпывающий. Но история христианства полна драматических страниц. И теперь уже Стахович, в опоре на научный авторитет французского философа Ф. Гизо, подводит своих слушателей к современному положению вещей в христианской цивилизации. Та религия, которая прежде претерпевала мученичество и гонение под скипетром языческих императоров, теперь жи-

вет под охраной гражданского закона, защищаемая оружием светской власти. «Она живет теперь перед лицом и в присутствии свободы, – цитирует французского мыслителя Стахович. – Она имеет дело со свободною мыслию, со свободным суждением. Ей приходится теперь защищаться уже самой, самой охранять себя, свидетельствовать непрестанно, и противу всякого встречного, свою истину нравственную и историческую, свое право на разум и душу человеческую. Католики, протестанты, жидаы, христиане и философы, все теперь по крайней мере между нами (во Франции), ограждены от всякого преследования; наружное выражение верования равно свободно для каждого. Свобода религиозная, то есть свобода верить, верить различно, или вообще не верить, еще не вполне принята и обеспечена в разных государствах, но очевидно, что она более и более становится всеобщим фактом и станет отныне обычным правом просвещенного мира. Одна из причин, дающих такое могущественное значение этому факту – та именно, что он не одинок; он состоит в связи с великою умственною и социальною революциею, которая после многовекового брожения, разразилась и совершается в наши дни. Дух науки, преобладание демократического начала и политическая свобода – вот существенные черты и неотвратимые влечения этой революции. Эти новые могучие власти могут впасть в громадные вины, совершить громадные ошибки, за которые им всякий раз придется жестоко расплачиваться, но сие уже окончательно утвердилось в современном обществе. Это те отныне господствующие явления, к которым должны будут прилаживаться все политические учреждения и с которыми всем государственным властям нужно будет жить в мире. Христианская религия не избавлена от этого испытания, она преодолет его, как преодолела множество других».

В своей речи Стахович приводит достаточно объемную цитату Гизо. Пафос этой цитаты можно свести к признанию того факта, что современное христианство вынуждено жить в мире многих религий и во внутренней организации своих обществ и государственных устройств допускать иные верования. Память о религиозных гонениях заставляет христиан питать опасения в отношении других ми-

ровоззрений. Поэтому христиане, по словам Гизо, которые приводит Стахович, «с трудом допускают новое социальное положение и с трудом прилаживаются к нему; они на каждом шагу чувствуют себя оскорбленными, раздраженными, испуганными, – от мыслей и речей, раздающихся в обществе. Нелегко перейти от привилегии к общности права, и от господства – к свободе. Нельзя, видно, без особенных над собой усилий покориться свободе дерзкого противоречия и необходимости постоянно защищаться, постоянно одолевать. Действия свободы еще страстнее и чувствительнее в области религиозной, чем в политической; верующим еще труднее сносить неверующих, чем правительствам оппозицию. И однако же они к этому вынуждены обстоятельствами, – они уже нигде, как в свободе суждения и воспользовавшись всей полнотою их собственной свободы, могут обрести нужную им силу, чтобы возвыситься над опасностями и сделать тщетными нападения своих яростных противников».

Практически не вызывает сомнений, что Стахович, просвещенный участник кружка «Беседа», объединившего лидеров земского движения – будущих думских либералов-кадетов и октябристов, заимствует цитату из статьи И.С. Аксакова «Современное состояние и задачи христианства – по поводу книги Гизо: Размышления о сущности христианской религии», напечатанной в газете «День» 15 августа 1864 г. В пользу этой версии говорит и последующая ссылка на мнение Аксакова – либерального славянофила, во многом близкого по взглядам мыслителя и общественного деятеля, которого по праву можно назвать самым последовательным и значительным в истории российской публицистики поборником свободы совести.

Стахович дословно цитирует вывод Аксакова относительно тезиса Гизо: «Если вместо выражения: христианская религия, мы поставим церковь, в смысле иерархического правительственного института и в смысле внешнего авторитета, или же, наконец, и самую религию будем здесь разуметь в том виде и на той степени развития, как она проявляется в обиходном сознании большинства (как духовенства, так и мирян), то нельзя не признать, что Гизо с

поразительной верностью определил настоящее положение дела, настоящие опасности, грозящие торжеству христианской истины, и так сказать, ткнул пальцем в самые болезненные места современного христианского общества. В самом деле, победа может остаться за христианской истиной, только тогда, когда защитники этой истины будут вполне ей верны и будут защищать ее единым соответственным ее достоинству орудием, когда они убедятся, что только в свободе суждения, в свободе совести, и воспользовавшись всею полнотою собственной свободы, они могут обрести необходимую им силу для победы над могуществом лжи и мрака, для одоления своих многочисленных и искусных врагов».

И далее большой фрагмент речи Стаховича, основанной на цитировании Аксакова, воспринимается уже как прямая речь самого оратора: «Что выражается требованием свободы совести? Для кого и для чего оно нужно? Для торжества ли лживых и суеверных учений? Выражается ли этим требованием сострадание к расколу или просто увлечение современными либеральными требованиями цивилизации, прогресса и проч.? Ничуть не бывало. До цивилизации и прогресса нам и дела нет, ибо превыше всякой цивилизации и прогресса – идеал предоставленный человечеству Христом, и требование свободы совести – есть требование свободы для самой церкви, – эта свобода необходима для ее собственной жизни духа, для ее торжества, для ее побед.

Итак, мы видим, что рядом с историей внешних событий есть история внутреннего развития. Иначе и быть не может. Это предвечный закон. Человечество не топчется на одном месте, а растет по слову Апостола «в меру возраста и исполнения Христова». Забывать об этом – ошибка; игнорировать – ложь, которую никакими строгостями не сделать правдой. И оттого-то я считаю, что именно Вам, миссионерам, разносителям вечной правды и заботникам о больных и об отпавших по немощи ума и воли, Вам надлежит, прежде всего, указать на эту старую ересь, на этот Государственный грех, на отсутствие свободы совести в стране – носительнице православия».

Церковь, по слову Стаховича и чтимого им Аксакова, должна сказать Государству решительное нет в его опеке над совестью человека, поскольку отношения души с Богом могут быть только в свободе сознательного выбора образа Истины. Свидетельствовать о Христе она может только в опоре на свободное волеизъявление человека. «Церковь также не может запретить заблуждаться, запретить терять веру, как никто не может сознательно отказаться от истинной веры, которая приносит человеку спасение в ужасе смерти, и свет в потемках истины, особенно в наши дни мучительного, ошалевшего недоумения».

Наступает кульминационный момент выступления. И опять Стахович прибегает к публицистическому таланту Аксакова: «Орудия церкви, говорит Аксаков, могут быть только духовные, свободные соблюсти свободу совести человека в самом послушании веры, в самом плену истины. Если же церковь в деле веры прибегает к орудиям не духовным, к грубому вещественному насилию, то это значит, что она отрекается от своей собственной духовной стихии, сама себя отрицает, перестает быть "церковью" – становится государственным учреждением, т.е. государством, "царством от мира сего", – сама обрекает себя на судьбу мирских царств...

Таким образом, закон гражданский невольно, вместо охранения церкви, только растлевает ее духовную целостность. Если церковь верует в свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она в содействии земной силы. А если нуждается, то не свидетельствуется ли сим недостаток дерзновения веры?»

Стахович предлагает «Миссионерскому съезду» провозгласить необходимость свободы совести, необходимость снятия всякой уголовной кары за принятие и исповедание иной веры. И вновь он ссылается на авторитет Аксакова: «Совращение членов, говорит Аксаков, – господствующей церкви в иноверное учение, – не путем насилия, а свободного убеждения, есть ли само по себе, в существе своем деяние преступное? Совершила ли преступление русская церковь, когда посягнула на совращение католического аббата и французского подданного Геттэ в православие? Скажут ли: нет потому только, что французские законы не считают этого деяния

преступным? Однако же такое совращение признано преступным в России и по государственным законам подлежит тяжкому наказанию. По этим законам отец Васильев, русский священник при посольстве в Париже, совративший аббата Геттэ, должен бы быть подвергнут французским судом заключению в тюрьме или ссылке (Улож. о нак., ст. 187 и 188). Если же это деяние само по себе не преступно, обо было делом не насилия, а мирного проповедования со стороны совратителя и искреннего согласия совести со стороны совращенного, – то почему же при тех же условиях, такое деяние преступно в России, почему допущены разные ему оценки и мерки? Потому ли, что наша вера истинная, а всякая другая вера ложная? Но потому именно, что наша вера истинная – она и должна быть истинной верой, то есть свободным изволением духа, как и учит православная церковь: она не может требовать от своих чад иного убеждения, как искреннего, т.е. вполне свободного, а не лицемерного...»

В речи Стаховича можно выделить и еще один важный мотив – долг христианина-мирянина свидетельствовать об Истине. Как заключает орловский дворянский предводитель, «самый последний и ничтожный из нас не только принадлежит к церкви, но тоже составляет церковь, ту совокупную церковь, которая владеет благодатью, ту церковь, которая есть от Бога установленное общество человеков, соединенных православной верою». Грех раскола, грех сектантства – исторические грехи, которые должны быть преодолены церковным сознанием и самой Русской Православной церковью. Поэтому, подводит итог своему выступлению Стахович, «не именем духовного начальства, не от имени духовенства, а во имя церкви надо высказать, что насилие над совестью бессовестно, что где нет свободы, там нет искренности, что где нет искренности – нет веры правой и неправой».

Консервативные «Московские Ведомости» отреагировали на «орловский инцидент» немедленно. В передовой статье в № 268 от 29 сентября 1901 г. о докладе Стаховича говорилось ни много ни мало следующее: «Факт печально-знаменательный, еще поныне небывалый, и много небывалых бед сулят России такие факты,

возможные только при уже очень далеко подвинувшейся нашей социальной деморализации...» Речь Стаховича, поначалу опубликованная в «Орловском вестнике», была затем перепечатана в столичных «Санкт-Петербургских ведомостях», «Московском обозрении», «Миссионерском обозрении» и т.д.

Живший тогда во Флоренции известный театральный деятель князь Сергей Михайлович Волконский заметил сначала ссылки на речь Стаховича в иностранной прессе, а затем уже начал собирать все связанные с ней материалы. В своих мемуарах Волконский вспоминал: «Его речь прокатилась из конца в конец земли русской; она произвела впечатление бомбы... Буря, поднявшаяся вокруг этой речи, длилась более двух месяцев и, к сожалению, утихла, прекращенная цензурными распоряжениями».

В развернувшейся в то время в России дискуссии приняли участие такие выдающиеся деятели, как Л.Н. Толстой, Д.С. Мережковский, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев. Самым сильным откликом стало выступление Толстого, написавшего статью под названием «О веротерпимости». В ней очевиден и вероисповедный принцип самого великого романиста, и, что особенно важно, содержатся следы полемики, спровоцированной недавними событиями – отлучением литературного колосса от Матери-Церкви. По сути документ Св. Синода засвидетельствовал отход Толстого от православного вероучения, произошедший в результате интеллектуальных и нравственных опытов писателя, в его исканиях ответов на последние вопросы бытия. Рациональный поиск истины у такого замечательного реалиста, обладавшего даром схватывать самые мельчайшие детали «правды жизни», парадоксальным образом в оценке церковной жизни современного общества привел к негативному синтезу. Как известно, лучшими своими произведениями Лев Толстой считал «Исповедь» и «В чем моя вера». Складывается впечатление, что он умышленно умалял свой художественный дар, чтобы подчеркнуть оригинальность сформулированных им религиозно-философских идей, претендуя на роль самостоятельного мыслителя. Назойливое морализаторство Толстого, подчас совершенно примитивные, даже откровенно глупые и невежественные

суждения иногда шокировали поклонников его огромного таланта. Однажды Федоров не выдержал разглагольствование классика в библиотеке о бесполезности многих книг и со словами «Старый дурак!» вышел, хлопнув дверь.

О своеобразной религиозно-философской глухоте Толстого писал и Бердяев. По его словам, Толстой был «жертвой русского исторического раскола между нашим культурным слоем и слоем народным. Простой народ верил по-православному. Православная же вера в сознании Толстого сталкивается непримиримо с его разумом... Он не хотел пойти ни на какие жертвы своим рационалистическим сознанием, гордость разума в нем действовала непрерывно. И от этой гордости так утомлен был старец Амвросий, когда Толстой был у него в Оптиной Пустыне». В то же время Бердяев, этот выдающийся религиозный мыслитель, обладавший безупречной философской интуицией, признал за Толстым особый путь поиска истины, ценный, в том числе, и своими заблуждениями. В подобной оценке Бердяев следует за таким безусловным нравственным и интеллектуальным авторитетом в духовных и литературных вопросах, как И.С. Аксаков. В письме к Н.Н. Страхову 9 июня 1885 г. он отзывается в высшей степени хвалебно о недавних двух рассказах Толстого, высказывая при этом свое мнение и о его религиозных опытах: «Очевидно, у него свой конто-куррант с Богом. Вот почему я и уничтожил вторую половину своего письма, в которой очень сильно нападал на Евангелие Толстого и на самого автора. Это не значит, чтоб я отказался от своего мнения о самом "Изложении Евангелия", – нисколько, но мне стало ясно, что это один из этапов его странствия к Истине и что есть странные заблуждения, которые угоднее Богу бесстрастного обладания правдой. – И добавляет, – Если Толстой от формы дидактической возвратился к форме художественной, то можно лишь благословить процесс его внутреннего перевоспитания...»

Внутреннего перевоспитания, которого желал для Толстого Аксаков, не происходило. Более того, «линия» Толстого «как в зеркале» (как не вспомнить ленинское определение «зеркало русской революции»!) стала все явственнее обнаруживать собой драмати-

ческие противоречия русского социального и культурного бытия. С одной стороны, церковная жизнь России угасала в недрах «ведомства православного вероисповедания», с другой, в обществе, затронутом капиталистическими преобразованиями, где нарушался баланс традиций, сословных укладов, возрастала потребность в авторитетном мнении как некой моральной опоре жизни. В условиях заметного падения авторитета Церкви – процесса, затронувшего без исключения все сословия России, Лев Толстой превратился в героя «духовного сопротивления» – опасного для официальной Церкви проповедника неверия – нового светского «ересиарха». Акт отлучения Толстого от Церкви взорвал общество. Резонанс был огромный. Поэтому и внимание к его отклику на события «Миссионерского съезда» в Орле было повышенным.

В своей статье, излагая суть произошедшего, Толстой указал на неравенство сторон, отрицательно или положительно высказавшихся в адрес предложений Стаховича. Большинство составили противники его идей. Разбирая аргументацию, Толстой пишет: «Несогласные с предложением г. Стаховича говорили, что церковь, дающая людям вечное благо, не может не употреблять все зависящие от нее средства для того, чтобы спасти своих малосмысленных членов от вечной гибели, и что одно из таких средств есть поставляемые властью преграды против отпадения от истинной церкви и соращения ее членов. Главное же, говорили они, церковь, получившая от Бога власть вязать и решать, всегда знает, что она делает, когда употребляет насилие против своих врагов. Рассуждения же мирских людей о правильности и неправильности ее мероприятий только показывают заблуждения мирских людей, позволяющих себе осуждать действия непогрешимой церкви. Так говорили и говорят противники веротерпимости.

Сторонники же ее утверждают, что несправедливо силою препятствовать исповеданию вер, несогласных с православием, что употребляемое сторонниками неверотерпимости подразделение между верованием и внешним исповеданием не имеет основания, так как всякое верование неизбежно проявляется во внешних действиях. Кроме того, говорили они, для истинной церкви, имеющей

во главе своей Христа и обещание его, что никто не одолеет его церкви, не может быть никакой опасности от проповедания лжи малым числом еретиков или отступников, тем более, что самые гонения не достигают цели, так как мученичество только ослабляет нравственный авторитет гонящей церкви и увеличивает силу гонимых».

Вопрос, который важен для Толстого, – это вопрос о возможности употреблять насилие против несогласных с Церковью членов и исповедников других вер. Ведь Церковь, по определению, по своей духовной природе не должна употреблять насилия! Толстой восклицает, каким образом Церковь как общество людей, имеющих своим орудием благодать и проповедь, может желать и в действительности совершать насилия над людьми, не принимающими ее верований? С одной стороны, это так, но с другой стороны, как объяснить «гонения, которые со времен Константина совершались христианскою церковью, продолжаютя до сих пор, и оставить которые советуют церкви сторонники веротерпимости?»

Однако, выступая явно в поддержку Стаховича, Толстой дистанцировался от позиции Стаховича-Аксакова по вопросу свободы совести. Водораздел пролегал по отношению к Церкви. Толстой указывает, что Стахович, «цитируя в своей речи слова Гизо о необходимости свободы совести для христианской религии, приводит вслед за этими хорошими и ясными словами Гизо нехорошие и путанные слова Аксакова, который подставляет понятие церкви под понятие христианской религии и, сделав эту подставку, пытается доказать возможность и необходимость веротерпимости для христианской церкви». «Но христианская религия и христианская церковь, – рассуждает Толстой, – не есть одно и то же, и мы не имеем никакого права предполагать, что то, что свойственно христианской религии, свойственно и христианской церкви».

По мнению Толстого, христианская религия «есть то высшее сознание человека своего отношения к Богу, до которого, восходя от низшей к высшей ступени религиозного сознания, достигло человечество. И потому христианская религия и все люди, исповедующие истинную христианскую религию, зная, что они дошли до из-

вестной степени ясности и высоты религиозного сознания только благодаря непрестанному движению человечества от мрака к свету, не могут не быть веротерпимы». Обратное положение занимает Церковь: «Церковь, признавая себя единственной хранительницей полной, божеской, вечной, неизменной на все времена, открытой людям самим Богом истины, не может не смотреть на всякое – иначе, чем как в ее догматах выраженное, – религиозное учение, как на лживое, зловредное (или даже злонамеренное, когда оно исходит от знающих положения церкви), – учение, влекущее людей в вечную погибель. И потому, по самому определению своему, церковь не может быть веротерпима и не употреблять против всех исповедников и проповедников несогласных с собою вероучений всех тех средств, которые она считает согласными со своим учением». Так что христианская религия и христианская церковь суть понятия совершенно различные, заключает Толстой, тем более, что христианских церквей много, и каждая из них представляет себя хранительницей и выразительницей Истины. От этого смешения различных понятий и происходит «неясность» и «неубедительность» в вопросах свободы веры. Настаивая на своем нецерковном понимании христианской религии, в полемическом запале Толстой упоминает не только «церковников», но и всех славянофилов с каким-то уничижительным оттенком: «Таковы все рассуждения об этом у нас в России Хомяковых, Самариных, Аксаковых и др., и тем же страдает речь г-на Стаховича. Все это есть не только пустая, но и вредная болтовня, напускающая вновь ладанного дыма в глаза тем, которые начинают освобождаться от обмана». Правда же состоит в том, что «учреждение, называющая себя христианской церковью, не есть христианское учреждение, а мирское учреждение, несогласное с христианством и скорее враждебное ему». По признанию Толстого, эта правда когда-то потрясла его самого, со всех сторон рассматривавшего вопросы веры. Все это заставило его признать Церковь откровенно враждебным христианской религии институтом.

Если речь Стаховича не удовлетворила его старшего друга Толстого своей церковностью, то она же вызвала резкую критику со стороны клира именно своей «антицерковностью». Активно высту-

пил против Стаховича протоиерей Иоанн Кронштадтский: «В наше лукавое время появились хулители святой церкви, как граф Толстой, а в недавнее время некто Стахович, которые дерзнули явно поносить учение нашей святой веры и нашей церкви, требуя свободного перехода из нашей веры и церкви в какие угодно веры... Что же это? Отречение от Христианства, возвращение к язычеству, к одичанию, к совершенному растлению нашей природы? Вот куда ведут наши самозванные проповедники... Нет, невозможно предоставить человека собственной свободе совести, потому что он существо падшее и растленное...»

В «обессоленной», огосударствленной церкви, пламенные проповеди кронштадтского батюшки, его социальная и благотворительная деятельность резко контрастировали с общим теплохладным строем церковной жизни. Не удивительно, что популярность о. Иоанна среди простых верующих, подтвержденная также признанием его со стороны царской фамилии, необыкновенно возвысили авторитет священника, имевшего дар нравственного богослова. Продолжая линию учения о государстве и церкви митрополита Филарета, о. Иоанн в социально-политическом плане выступал с жестко консервативных, ультрамонархических позиций, близко соприкасаясь по идеологии с националистическим, черносотенным крылом правых сил. Его отношение к инородцам и иноверцам, евреям в делах христианской любви и милосердия, в помощи конкретному страждущему человеку было свободно от предубеждений. Но его общественно-политические суждения формировались в горизонте эсхатологии и апокалиптики. Согласно пророческому видению о. Иоанна, носители ислама и иудаизма должны были соединиться в признании над собой власти антихриста. Свои размышления о судьбах мира о. Иоанн высказал в книге «Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса». Примечательна одна дата: книга была разрешена СПб Комитетом Духовной цензуры к печати 23 февраля 1901 г. Потому охранительное Православие в опоре на государственную мощь русской монархии в этом контексте представлялось кронштадтскому проповеднику самым верным способом противостояния «лукавому» во всех его

социальных, умственных, политических и даже творческих личинах («актеры – служители лукавого», «на фортепианах играть вредно» и т.п.). У такой сильной религиозной личности, имевшей интенсивный духовный опыт, падшая человеческая природа доверия не вызвала – принуждение к спасению в национально-государственном масштабе оказывалось средством более верным, чем долгая культурная работа с личностью, не предоставлявшая никакой гарантии на миссионерский успех.

Речь Стаховича использовал против него и небезызвестный Сергей Александрович Нилус (впоследствии издатель «Протоколов Сионских мудрецов») – тоже орловский помещик, выпускник юридического факультета, служивший одно время судебным следователем в Закавказье, а потом вышедший в отставку и поселившийся в родовом имении в Орловской губернии. Крещенный в детстве, но до поры равнодушный к Церкви, он в зрелом возрасте вернулся к Православию, обратившись у раки преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой Лавре и у мощей преподобного Серафима Саровского в Саровской обители. Определяющее влияние на Нилуса оказал отец Иоанн Кронштадтский, благословивший его на писательский труд (именно о. Иоанну посвящена первая книга Нилуса «Великое в малом»).

Став ярим черносотенцем, Нилус выбрал земляка-орловчанина Стаховича мишенью для своих нападок. Еще в 1899 г. он публично обвинил Стаховича, своего соседа по имению, в «безверии»; неоднократно выступал он и против других либеральных земцев, «бессознательно играющих в руку единственно искреннему космополиту – еврею и родному его брату, армянину». Критикуя речь Стаховича на «Миссионерском съезде», Нилус на страницах «Московских ведомостей» назвал его «российским Дантоном или Робеспьером».

Свое сложное отношение к речи Стаховича высказал и философ В.В. Розанов: «Речь г. Стаховича, может быть независимо от прямого намерения оратора, забрасывает семена нравственной подозрительности на деятелей миссии. "Вы притеснители, а не христиане", – говорит смысл его слов. Речь его была только по

виду предложением, а на самом деле она была судом и осуждением». Впрочем, Розанов не мог не признать, что в словах Стаховича «есть своя правда», и выразил уверенность, что «лучшие пожелания г. Стаховича исполнятся: но исполнятся в созидательных целях, в целях религиозного строительства».

Не мог не вложить свою лепту в дискуссию о «свободе совести» 1901-1902 гг. и беспокойный публицист-эмигрант Владимир Ульянов-Ленин. Он откликнулся на выступление Стаховича и развернувшуюся затем дискуссию сразу двумя статьями. В написанном им для эмигрантского журнала «Заря» (1901 № 2-3) «внутреннем обозрении» он обратил внимание на тот резонанс, который был вызван докладом Стаховича. «Ну, уже если в среду предводителей дворянства, этих первых лиц в уезде и вторых – в губернии, проникла "социальная деморализация", то где же, в самом деле, конец "духовной моровой язвы, охватывающей Россию?"» – восклицает Ильич. Ленин посчитал, что, «предлагая попам ходатайствовать "пригодным порядком" о свободе совести», Стахович был весьма наивен: «Это все равно, что на съезде становых предложить бы ходатайствовать о политической свободе!»

По «свежим следам» Ленин посчитал, что Стахович дает «образчик самого "жизнерадостного" русского дворянчика, всегда готового урвать кусочек казенного пирога. И до какой же безграничной степени должна доходить "деморализация", вносимая в русскую жизнь вообще и в жизнь нашей деревни в особенности полицейским произволом и инквизиторской травлей сектантства, чтобы даже камни возопяли! Чтобы предводители дворянства горячо заговорили о свободе совести!» Похоже, Ульянова-Ленина очень раздражило в «орловском инциденте» проявление некоей непонятной ему «третьей силы», нарушающей «простую картину» современной ему России: «трудящиеся классы против самодержавно-помещичье-поповской России». Действительно, как это так: дворянин, да еще губернский предводитель, выступает против репрессивно-принудительной системы, за свободу совести, при этом совести не «пролетарской», а «христианской»? Разумеется, Ленин, в полной мере воспользовавшись кричащей фактурой, представлен-

ной в орловском докладе Стаховича, постарался, как мог, вышутить сам факт скандального выступления.

Однако поверхностное высказывание по свежим следам орловского «инцидента» не удовлетворило Ленина – в том и была его сила как политика и публициста, что он, постоянно передумывая любой, казалось, самый незначительный факт, старался тактически «максимально выжать» из каждой ситуации. Вообще, мы крайне далеки от малейшего ерничанья по поводу позиции Ленина, так распространенного сейчас в «либеральной» по самоназванию, а на самом деле просто малокачественной публицистике. Не будем забывать, что из этой тройки главных русских «игроков» начала двадцатого столетия: «самодержавие», «либерализм», «большевизм», победителем в конечном счете вышел последний, умело стравив, обставив и разгромив всех своих конкурентов. Разумеется, этот пietet перед «победителями» основывается не на банальной сентенции о том, что «победителей не судят», а на том простом и жестком основании, что уж если проиграли даже «Стаховичи» (используем обобщенный термин Ленина по отношению к «старым» русским либералам), то новый российский либерализм должен быть не менее просвещен, в том числе и по части учета сил и возможностей соперника.

В начале 1902 г. Ленин вторично возвращается к «делу Стаховича». В № 16 «Искры» от 1 февраля 1902 г. он отметил, что «консервативная печать... рвет и мечет против г. Стаховича, не зная, как и обругать его, обвиняя чуть ли не в государственной измене всех орловских дворян за то, что они снова выбрали г. Стаховича в предводители. А этот выбор – действительно поучительное явление, приобретающее до известной степени характер дворянской демонстрации против полицейского произвола и безобразия».

А вот будущему «великому пролетарскому писателю» А.М. Пешкову (Максиму Горькому) смелый демарш губернского предводителя Стаховича откровенно понравился. В письме своему другу К.П. Пятницкому из Нижнего Новгорода от 15 октября 1901 г. Горький сравнил Стаховича с ... «рыцарем из сказки»: «Знаете – хорошо все-таки родиться дворянином! Да, да! Не удивляйтесь! Посмотрите

на Стаховича... Выступил один на один против чудовища религиозной нетерпимости, и – Вы посмотрите! – какими сильными, какими меткими ударами осыпал он его! Как это смело, как красиво, как рыцарски открыто! И когда слышишь такую речь – радостной и гордой надеждой загорается сердце, ибо – жив человек! Как это славно – услышать в лесу недоумения, в робкой тишине холопства – сильный и смелый голос человека, поющего во всю грудь о свободе, о свободе».

Эта жаркая полемика, которая доносится со страниц русской печати начала политического века России, свидетельствует об одном непреложном факте: решение о путях развития пореформенной Российской империи оказалось невозможным без самоопределения общества в вопросе свободы совести – свободе вероисповедания. Резкая критика доклада Стаховича справа в лице защитников и охранителей существующего порядка была дополнена и критикой слева. Принятие идеи свободы совести, высказанной Стаховичем, со стороны Горького в духе революционно-романтической образности, лишь подчеркивает дискурсивный диссонанс, возникший вокруг данной проблемы.

Трудная работа русского общества по «самоисправлению» сложившейся ситуации в духовных вопросах, которая во многом стала следствием синодального периода Русской Церкви, была начата еще славянофилами А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским. Во весь голос прозвучали общественные проблемы по церковным делам и свободе совести в публицистических выступлениях И.С. Аксакова. Они получили философскую разработку в ряде основополагающих трудов В.С. Соловьева, были тщательно рассмотрены А.М. Иванцовым-Платоновым, протоиереем и профессором церковной истории Московского университета, опубликовавшем около двух десятков статей в газете И. Аксакова «Русь». В этом ряду речь Стаховича явилась закономерным звеном в процессе формирования культурной и политической нации царской России.

Следующим этапом стала работа «Отношение Церкви к Государству» известного канониста Московского университета А.С. Павлова, опубликованная в феврале и марте 1902 г. в «Богослов-

ском вестнике». В том же 1902 г. общественность отметила очерк «Необходимость обновления церковно-приходского строя» известного правоведа А. Папкова, серьезно обеспокоивший обер-прокурора К.П. Победоносцева. А в декабре 1902 г. в «Московских ведомостях» появилась статья «Запросы жизни и наше церковное управление» издателя и редактора Льва Тихомирова с изложением основных положений необходимых церковных реформ. Опубликованная в трех отдельных выпусках, она была прочитана не только широкими кругами просвещенной России, но также и Государем. 6 марта, на открытии богадельни в Петербурге Государь передал митрополиту Антонию (Вадковскому) статью Тихомирова для прочтения. Чуть ранее, 26 февраля, Николай II поручил Комитету Министров рассмотреть вопрос о послаблении ограничений для старообрядцев и других неправославных подданных империи. Через год – 12 декабря 1904 г. монарх издал Указ, обещающий свободу неправославным конфессиям, как только будет разработано законодательство. Революционный 1905 г. принес и долгожданный закон о свободе совести. Казалось, законодательство открывало вполне соответствующие общеевропейскому духу времени перспективы. Но степень сложности проблемы, ее нерешаемость во многих аспектах достались в «наследство» и Государственной думе, в которой была создана комиссия по вероисповедным вопросам, продолжавшая, по сути, работу по поиску нравственно оправданных и юридически целесообразных форм и формул духовно-культурного устройства российского общества.

Оценивая путь российской государственности, Православной Церкви и русского общества к свободе совести, можно с большой долей уверенности сказать, что выступление Стаховича на «Миссионерском съезде», в личном плане оцениваемое как достаточно смелый поступок, стало также и своеобразным экзаменом на культурную и гражданскую зрелость нации. Соглашаясь с горьким замечанием И.С. Аксакова о том, что «в России не свободна только русская совесть», Стахович во всеуслышание заявил об этом перед лицом всей России в надежде на изменение опасной, в первую очередь, для самой Церкви ситуации. Это была его позиция – пози-

ция христианского либерала, будущего октябриста, который выбирал для России путь мирного обновления – свободы, законности и нравственного развития общества.

«СТАХОВИЧ ПРОТИВ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО», ИЛИ ПРОЦЕСС «О ДВУХ ВИДАХ ПАТРИОТИЗМА»

В богатой событиями жизни Михаила Стаховича было немало ярких эпизодов, вполне поучительных как для тех, кто называет себя в России «либералами», так и для их оппонентов, любящих рядиться в тогу «русских патриотов». Одним из таких эпизодов, несомненно, стал судебный процесс 1904 г. – «Стахович против Мещерского», вошедший в историю как «процесс о двух видах патриотизма».

Однажды, камергер Высочайшего Двора М.А. Стахович, орловский предводитель дворянства, участвуя в качестве сословного представителя в заседании Судебной Палаты по делу об истязаниях, которым подвергся со стороны орловской полиции сарт Ибрагимов, написал по этому поводу статью, которую направил сперва в «Орловский вестник», а затем в «Петербургские ведомости» и «Право», но эти издания статьи не напечатали. Спустя некоторое время статья Стаховича появилась в № 44 заграничного «Освобождения», издававшегося в Штутгарте П.Б. Струве, с оговоркой редакции, что статья печатается без согласия автора. (В № 46 «Освобождения» князь Г.М. Волконский за полной своей подписью опубликовал письмо, где сообщал, что статью Стаховича доставил в «Освобождение» он, а не Стахович).

Ответом на опубликованную за границей статью Стаховича стала публикация в № 28 официозной газеты «Гражданин» князя Владимира Мещерского – одного из самых влиятельных идеологов черносотенства в самодержавной России, столпа «государственного патриотизма». Еще при жизни императора-реформатора Александра II сей князь публично объявил своей целью «поставить точку реформам», после чего наследник-цесаревич Александр Алек-

---

¹ Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, зав. отделом Института философии РАН, Президент Национального фонда «Русское либеральное наследие».

сандрович (будущий Александр III) был вынужден разорвать с ним отношения. Однако после воцарения в 1881 г. царя-контрреформатора эти отношения были не только восстановлены, но и еще более укрепились. Мещерский сохранил позиции и при Николае II: именно его влиянию приписывалось назначение министром внутренних дел крайнего реакционера В.К. Плеве после убийства эсерами весной 1902 г. Д.С. Сипягина.

В своей статье в «Гражданине» князь Мещерский писал: «Куда же дальше на пути психопатической разнузданности и утраты понимания, что можно и чего нельзя, идти? Передо мною № революционного издания "Освобождение", и в нем статья за подписью Михаила Стаховича. Этот Михаил Стахович – Орловский губернский предводитель дворянства и Камергер Двора Его Величества. Статья эта, разумеется, потому проявилась в "Освобождении", что она заключала в себе, по поводу преступлений по службе, совершенных полицейскими чинами пять лет назад, явный умысел г. Стаховича воспользоваться этим единичным случаем, чтобы набросить обвинительную тень на нынешнюю административную власть... Поступок, совершенный г. Стаховичем, обличает, что в нем не осталось уже ни одного чувства, ни одного принципа, к которым можно было бы обратиться, чтобы вызвать к ответу его совесть. К патриотическим? Нет, ибо, если бы была искра в этом человеке патриотического чувства, он бы не мог в такое время, когда России и русским людям трудно и когда долг любви к родине велит забыть всякие личные интересы для общего с правительством служения своему Государю, своему народу, – он бы не мог, говорю я, не признать в факте сотрудничества в "Освобождении" оскорбление патриотизма, почти равное писанию сочувственных телеграмм японскому правительству. К дворянским? Еще менее, ибо, чтобы в должности губернского предводителя дворянства, во время войны, идти в сотрудники "Освобождения", надо плевать на все дворянство, избравшее его предводителем, надо плевать на самого себя, как на предводителя дворянства и как на дворянина. Итак, нельзя тронуть ни одной струны в этом заболевшем духовною анемиею

человеке в надежде вызвать пробуждение совести: все струны заржавели».

Итак, князь-черносотенец обвинил Михаила Стаховича ни много, ни мало, как в намерении «сотрудничества с революцией» и «бросить обвинительную тень на административную власть», нашел в статье Стаховича «оскорбление патриотизма, почти равное писанию сочувственных телеграмм японскому правительству». В условиях войны России с Японией это обвинение выглядело особенно сильным!

Вопрос стоял принципиально, и группа молодых правоведов-либералов решила нанести контрудар по князю Мещерскому, подав на него в суд за клевету на Стаховича. В заседании Петербургского окружного суда 22 ноября 1904 г. поверенными Стаховича (который был в то время на маньчжурском участке военных действий во главе санитарного отряда от орловского дворянства), поддерживающими обвинение против Мещерского, выступили мэтр русской адвокатуры Федор Плевако и ее восходящая звезда Василий Маклаков, товарищ Стаховича по либеральным кружкам.

В своем выступлении Плевако не стал делать акцент на юридической стороне дела: он произнес яркую политическую речь, ставшую обвинением Мещерского не столько в клевете на Стаховича, сколько в «извращенном понимании патриотизма». В своем выступлении Плевако отметил, что, хотя формально Мещерский возмущен публикацией статьи камергера Стаховича в революционном издании, «не место, где она появилась, а самое содержание статьи вызвало со стороны князя Мещерского тот натиск, юридической оценкой которого мы заняты»: «Князю невыносимы мысли и взгляды Стаховича, как противные его мирозерцанию и его своеобразному воззрению на обязанности, историческое призвание и нравственный долг дворянина. Я буду утверждать, что озлобление против Стаховича, как носителя иных взглядов на этот долг и иного понимания образа служения своему Царю и своей родине, толкнули князя Мещерского на то деяние, в котором мы видим незаконное посягательство на неприкосновенность нравственной личности обвинителя». «Как знамение креста корчило фигуру Мефистофеля, – про-

должил далее Плевако, – так искажало черты княжеского лица свободное слово Стаховича. Служение отечеству истиной – непонятно ему. Но Стахович не один; не одинок и князь Мещерский. В столкновении их – обнаружение борьбы двух течений, не тех, на которые обычно делят культурное мирозерцание, – либералов и консерваторов, – нет: это борьба иных групп. Здесь встретились два наших русских течения, два лагеря выстроили борцов. Из них – одно я сравню с общественным строем московского уклада, с земщиной, рвущейся послужить своему Царю-Отцу и своей земле, умеющей умирать за них по первому призыву Порфиросца, умеющей в потребный час выставлять святых Филиппов, мужественных Гермогенов, благородных князей Пожарских, широких сердцем граждан Мининых и великих героев от сохи и сермяги – Сусаниных. С другой стороны – поклонники дьячества, выродившегося в подъячество, видящие спасение в тихом и безмолвном житии, в спряжении всех глаголов, в которых воплощается представление о действиях ума и сердца в одних только страдательных формах. Крайние из них чуть ли не превозносят опричнину времен Ивана Грозного и готовы канонизировать Малюту Скуратова, списав со счета святых замученного Филиппа».

Напомнив суду, что Мещерский упрекнул Стаховича в «сочувствии японцам», Плевако заявил: «За это отрицание в Стаховиче права быть русским и любить более всего на свете свое, князю Мещерскому отомстила судьба, и как отомстила! Многие русские люди пошли на японскую войну добровольцами. И что же: имени патриота князя Владимира Мещерского мы не находим там... Но среди святых граждан и гражданок страны внесено имя Михаила Стаховича». Плевако так завершил свою блестящую речь: «Нет, сколько бы ни исписал бумаги князь, не краснеющий и бесстрашный, он не докажет честно мыслящим русским людям, что нежелательны Стаховичи и нужны только Мещерские. Довольно с нас и одного Мещерского, дай Бог побольше таких людей, как Стахович! Тогда мы встретим их и на ратном поле, умирающими за родину, и в лазарете, утоляющими раны и боли мучеников, и в мужах совета, говорящими смелую правду».

В результате нашумевшего процесса «Стахович против Мещерского» либеральная общественность получила полное удовлетворение: влиятельный черносотенец и личный друг императора был осужден за клевету на либерала Стаховича к двухнедельному аресту на военной гауптвахте! Вышедшие с репортажами о процессе газеты дружно отметили, что приговор суда был встречен рукоплесканиями многочисленной публики.

Поучительный урок! Как тут не вспомнить знаменитые слова уже упоминавшегося Петра Струве: «Либерализм – это и есть истинный патриотизм».

МИХАИЛ СТАХОВИЧ: РУССКИЙ ЛИБЕРАЛ МЕЖДУ РЕАКЦИЕЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ

Общественно-политические взгляды М.А. Стаховича окончательно сложились на рубеже XIX-XX вв., когда Михаил Александрович был уже опытным орловским общественным деятелем, известным уже и как общероссийский политик. Идеальным политическим порядком было для Стаховича время реформ Александра II. И главное здесь – не личные качества Царя-Освободителя, а особый характер взаимоотношений власти и общества. «Правительство критиковали, но ему верили и, вечно споря, старались сговориться и помогать. Понимали инстинктивно, что бороться можно с правительством, а не с государством, которое должно охранять и которое не может обойтись без первого...» Но этот «общественный инстинкт» существовал не сам по себе, а подпитывался, в свою очередь, демонстрацией доверия власти к обществу. К несчастью для России, это состояние взаимной поддержки было утрачено в ходе двух последних царствований: «Ненависть к правительству распространилась на самое понятие государственной власти. Оппозиция была уже не тактическим приемом, а казалась самодовлеющей политической целью... обессилить их, свалить, – хуже не бывает, мол... Умные предчувствовали, что может быть еще гораздо хуже; но сдерживать раздражение перед постоянным в течение 35 лет, систематичным и всесторонним преследованием всякого прогресса, перед постоянно демонстрируемым пренебрежением к общественному мнению, нуждам и желанию масс стало невозможным. Борьба перешла уже в войну и приобрела стихийный характер». При этом главная вина за углубляющийся общественный раскол лежала на правительстве: «Невозможность в будущем бороться со стихийным движением, все нараставшим в народе, создавало пра-

---

¹ Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, зав. отделом Института философии РАН, Президент Национального фонда «Русское либеральное наследие».

вительство». Подобная логика политического анализа – фирменный стиль либерала-государственника Стаховича: будучи сам представителем национальной элиты, он основную ответственность за русские неурядицы всегда возлагал на верхи общества, на «своих», а не на народ.

Основная тема политических размышлений Стаховича – вопрос о принципах и методах «правильного правления». Политическая нравственность власти состоит в умении содействовать развитию системы общественного самоуправления. Ибо без самоуправления возможны только два состояния – полицейщина и анархия. Два последних российских императора, в силу своей «политической безнравственности», явно тяготели к полицейщине и, утешаясь иллюзией временного упорядочивания, ввергли в итоге страну в пучину анархии. «Управлять массами можно, только организовав их и доведя организацию постепенно до центра... Систематически в течение 35 лет правительство не разрешало и прямо разрушало все попытки общественных организаций, все равно, в какой бы ни было области: не только в политической, но хозяйственной, экономической, социальной, художественной, даже научной, даже религиозной... А путь от народа, общества и к всемогущей власти не был постепенным, организованным, а иногда совсем пустым, но чаще полным с одной стороны подозрительностью, с другой – предубеждением, делающим сотрудничество страны и власти невозможным. Неорганизованная масса в 180 миллионов, как и всякая масса впрочем, может подчиняться только двум выражениям власти: или полиции, или анархии. Все промежуточное уже нуждается в организованности. 3/16 марта 1917 года с отречением Николая II рухнула полиция тогдашней России. *Tertium non datum* (третьего не дано. – лат.)».

Однако заключительный акт исторической драмы России начался задолго до отречения последнего царя – с убийства Александра II и с отказа Александра III подписать подготовленный отцом Манифест о введении выборного Государственного совета в качестве совещательного органа. «Это была умная и осторожная попытка повести Россию эволюционным путем к неизбежному в

наше время представительному правлению, – говорил Стахович о не реализовавшихся планах Александра II. – Конечно, этот новый порядок привел бы постепенно до ограничения самодержавия, к конституции. Но именно в постепенности и заключался бы спасительный для народов путь неизбежной эволюции, а не отвратительный, при ее отсутствии, путь революции».

Пришедшая к власти после гибели Царя-Освободителя группировка во главе с К.П. Победоносцевым, графом Д.А. Толстым, князем В.П. Мещерским и др. сформулировала и сумела привить новому царю «совершенно вымышленное обвинение всей России в грехе цареубийства»: «Ее объявили и виноватой, и больной, стали лечить строгим режимом реакции и стали пичкать все время такими сильнодействующими лекарствами, в которых она совсем не нуждалась, но от которых ее лихорадило все сильнее и сильнее... Этот эффект ненужного лечения выдавали за безошибочный диагноз опытных и любящих врачей и все усиливали дозы...» Безнравственность враждебного России курса правящей верхушки вынудила государственника Стаховича перейти в ряды либеральной оппозиции.

В начале века Стахович становится активным деятелем общероссийского либерального движения, непременным участником земских совещаний и съездов. В 1902 г. он, носящий высокий чин камергера императорского двора (с 1899 г.), получил за свою оппозиционную активность на этом поприще «высочайший выговор». Вместе с тем, в намечающемся размежевании русского либерализма на радикальное и умеренное крылья Стахович стал одним из лидеров «умеренных» – вместе с Д.Н. Шиповым, графом П.А. Гейденом, князем Н.С. Волконским. Он отрицательно относился к радикализму эмигрантского журнала «Освобождение» во главе с П.Б. Струве, к излишней, по его мнению, политизации либерального кружка «Беседа», единственно возможную программу которого определял как «борьбу с бюрократизмом во имя поднятия принципа самодержавия».

Всероссийская популярность общественного деятеля Стаховича была в первые годы нового века настолько велика, что в ре-

волюционном 1905-м г. в верхах обсуждался вопрос о его привлечении на крупную правительственную должность в «кабинете общественного доверия». В числе других умеренных либералов (Д.Н. Шипова, А.И. Гучкова, князя Е.Н. Трубецкого, князя С.Д. Урусова) с ним вел переговоры премьер-министр граф С.Ю. Витте, который потом вспоминал: «Стаховича я ранее порядочно знал. Это очень образованный человек, в полном смысле *gentilhomme* (благородный дворянин – *фр.*), весьма талантливый, прекрасного сердца и души, но человек увлекающийся и легкомысленный русской легкомысленностью, порядочный жуир. Во всяком случае, это во всех отношениях чистый человек...» Судя по всему, Витте приглашал Стаховича больше в качестве надежного посредника для контактов с другими, более интересовавшими его фигурами, нежели для предложения солидного поста самому Стаховичу. Последний, скорее всего, и сам понимал это: будучи уверенным в своей победе на уже объявленных выборах в I Думу, Стахович отклонил предложение войти в правительство.

Активную роль сыграл Стахович на Первом Всероссийском съезде партии «Союз 17 октября», состоявшемся в театральном зале московского «Охотничьего клуба» 8-12 февраля 1906 г. В первый день съезда лидер «октябристов» Гучков произнес характерные слова: «В наших рядах мы имеем таких видных общественных деятелей, как Д.Н. Шипов, М.А. Стахович (*бурные аплодисменты*). Д.Н. Шипов одним из первых начал борьбу с правительством за право участия народа в законодательной деятельности; М.А. Стахович первым возвысил голос за свободу совести. А это было еще в то время, когда и говорить о таких предметах, и аплодировать – так, как вы сейчас аплодируете, – было не так удобно и безопасно. Вы помните, какими репрессиями встречало правительство самые робкие попытки протеста против своего неограниченного самовластия...»

9 февраля 1906 г. Стахович сделал на съезде доклад от имени ЦК партии по вопросу об отношении «Союза 17 октября» к внутренней политике правительства, который произвел сильнейшее впечатление на слушателей. На следующее утро в газетном отчете

было сказано: «М.А. Стахович вместо обычного сухого доклада всех российских съездов и заседаний произносит горячую проникновенную речь, электризирующую все собрание». А один из выступивших после Стаховича делегатов сказал: «Мы слышали из уст М.А. Стаховича не речь оратора, но апостольскую проповедь».

Доклад Стаховича был построен на доказательстве внешне парадоксальной, но глубоко выношенной им идеи: существующий в России внеправовой «приказный строй» разрушает подлинную государственность. «Унижения и позор на Дальнем Востоке, революционные движения и аграрные беспорядки внутри России, разоряющие ее благосостояние забастовки, – утверждал Стахович, – все это результаты преступной деятельности отжившего приказного строя. Во всем этом нельзя не видеть ослабления государственной власти». Вопреки как реакционерам-охранителям, так и революционерам-разрушителям, Стахович защищал тезис о необходимости правового укрепления государственной власти: «Я говорю не о той власти, которая без суда и следствия высылает, арестует и гноит в тюрьме тысячи и десятки тысяч людей и возмущает и душит всю страну своими насилиями и произволом, вызывая общее раздражение и негодование... Нет! Я говорю о той государственной власти, которая составляет оплот государству – этому огромному корпусу, соединяющему в себе столько противоречивых требований и стремлений. Я говорю о той твердой власти, которая не только не дает опрокинуться государственному судну, но и предотвращает его излишнюю качку. И отсутствию этой власти мы во многом обязаны проявлениями всевозможных бесчинств, насилий и беззаконий, имеющих место за последнее время. Весь пережитый нами период революции есть прямое последствие ослабления в России авторитета государственной власти».

Ослабляет государство, по мнению Стаховича, и затягивание правительством созыва народного представительства: «Правительство обязано было подчиниться воле Государя о скорейшем созыве Думы. Плохая, несовершенная Дума, но должна была быть созвана немедленно». Стахович отменил отговорки членов кабинета министров, что дарованные царем свободы не могут быть осу-

ществлены до тех пор, пока не прекратится революционное движение, – напротив, неправовые репрессии сами провоцируют смуту: «Мы понимаем, что вооруженное восстание нельзя подавить увещаниями и лекциями, что его можно подавить только вооруженной силой... Но, водворив порядок, правительство обязано тотчас же, немедля прекратить всякое насилие, к которому вынуждено было прибегнуть, нарушив тем самым священные основы гражданской и политической жизни страны. После подавления вооруженного восстания насилие со стороны правительства не находит себе никаких оправданий. А между тем мы видим, что необузданный произвол и насилия со стороны правительства продолжают повсеместно, где не было даже никакого вооруженного восстания. Мы видим, что к революционерам причисляются миллионы русских граждан, что правительство хочет осилить всю Россию, недовольную его незаконной деятельностью и протестующую против произвола и насилий с его стороны. И, видя все это, мы должны сказать правительству: после Манифеста 17-го октября вы не смеете делать этого! Вы не смеете посягать на наши свободы и стараться снова водворить тот порядок, который был главной причиной всех наших зол и несчастий!»

Особенно поразила присутствующих концовка речи Стаховича: «Правительство само расшатывает и как бы хочет опрокинуть весь государственный строй. Оно само готовит себе гибель. Но за этой гибелью может последовать гибель династии и гибель всей России!» В газетном отчете потом говорилось: «Гром аплодисментов прерывает оратора, и М.А. Стахович долго стоит с опущенной головой, ожидая восстановления тишины в зале». А после того, как Стаховичем был зачитан проект предлагаемой октябристским ЦК резолюции, отчет фиксирует: «После долго не смолкавших аплодисментов записалось около 30 делегатов, желающих говорить по существу доклада».

Весной 1906 г. Стахович был избран депутатом I Государственной думы от землевладельцев Орловской губернии. Эта Дума, прозванная современниками «Думой народного гнева», отличалась практическим отсутствием представителей проправительственного

лагеря. Оппозиционер и либерал Стахович парадоксальным образом оказался в ней на самом правом фланге в составе немногочисленной группы «умеренных». Впоследствии В.А. Маклаков, ставший одним из самых проницательных аналитиков истории первой Думы, написал: «На правых скамьях, на которых мы видели позднее Пуришкевича, Маркова, Замысловского, сидели такие заслуженные деятели "Освободительного движения", как гр. Гейден или Стахович. Они сами не изменились ни в чем, но очутились во главе оппозиции справа. Эта правая оппозиция в I Думе выражала подлинное либеральное направление; именно она могла бы безболезненно укрепить в России конституционный порядок».

Маклаков, как представляется, достаточно точно описал самоощущение Михаила Стаховича в Первой Думе: «"Стиль 1-й Думы", ее нетерпеливость, нетерпимость, несправедливость к противникам, грубость, вытекавшая из сознания безнаказанности – словом, все то, что многих пленяло как "революционная атмосфера", оскорбляло не только его политическое понимание, но и эстетическое чувство». Атмосфере этой он не поддавался и потому стал с нею бороться. У него не было кропотливой настойчивости, как у Гейдена; он был человеком порывов, больших парламентских дней, а не повседневной работы. Но в защите либеральных идей против их искажения слева он мог подниматься до вдохновения. Напоминавший бородой и лицом Микель-Анжевского Моисея, когда он говорил, он не думал о красноречии; речь его не была свободна, он подыскивал подходящие слова, но увлекал трепетом страсти».

Действительно, с одной стороны, Стахович не мог не понимать всю заведомую тщетность усилий их малочисленной группы противостоять общему течению. Но, с другой стороны, свою борьбу с думскими радикалами он воспринимал как нравственный долг. Эта борьба виделась ему продолжением дискуссий на земских съездах: ведь он и там в последние годы все чаще оказывался в меньшинстве. Здесь, в первой Думе, в составе самой влиятельной кадетской фракции было много его старых соратников – их, как он считал, еще можно было в чем-то переубедить. Что ему явно претило, так это

то, что старые товарищи-земцы, элита страны, пошли, как он считал, на поводу у радикалов.

В историю I Думы Стахович вошел как основной оратор «умеренных» по таким ключевым вопросам, как отношение к политической амнистии и террору. Еще в первый день работы Думы, 27 апреля 1906 г., тема амнистии всех осужденных за антиправительственные выступления выдвинулась на самый первый план. Современники отметили то эмоциональное значение, которое имел проезд депутатов (принятых сначала в Зимнем дворце императором) на кораблях по Неве к Таврическому дворцу. Тогда депутаты проплыли мимо печально известных «Крестов», и из всех распахнутых окон узники приветствовали их криками «Амнистия!» Подобная обстановка царила и во всем городе. Член кадетского ЦК А.А. Кизеветтер вспоминал: «Я ходил по улицам и видел густые шпалеры народа на всем пути следования депутатов. Громовые приветственные крики оглашали воздух, и все чаще выделялись из этих криков возгласы: "Амнистия, амнистия!"»

Уже при открытии Думы избранный председателем С.А. Муромцев, еще до своей официальной речи, предоставил слово лидеру кадетской фракции И.И. Петрункевичу, который с места заявил: «Долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которые дает нам наше положение, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв! (*продолжительные аплодисменты*)». Многие исследователи пытались позднее проникнуть в глубинные мотивы этой речи «кадетского патриарха» (по внешности спонтанной, но на самом деле хорошо спланированной), положившей начало принципиальнейшей думской дискуссии, в которой одну из главных ролей суждено было сыграть орловскому депутату Стаховичу.

Влиятельный кадетский депутат Ф.И. Родичев в своих мемуарах так объяснил первое думское выступление Петрункевича: «То было нарушение всех парламентских обычаев... Но на бурю было пролито масло. Депутаты успокоились, взрыва не последовало...» В самом деле, положение в I Думе добившейся большого успеха на выборах конституционно-демократической партии было очень

сложным. В условиях по сути продолжающейся в стране революции кадетам необходимо было, с одной стороны, удержать свой принципиальный конституционализм, сохраняя перспективу диалога со ставшим теперь конституционным монархом, а с другой стороны, не упустить политическую инициативу в руки своих более радикальных левых «попутчиков» из так наз. «трудовой группы». Думскую линию кадетов во многом определял тезис их партийного лидера П.Н. Миллюкова (разделяемый лидерами фракции Петрункевичем и М.М. Винавером): *«Идти соединением либеральной тактики с революционной угрозой»*.

Существуют документальные подтверждения (мемуары И.В. Гессена, например), что сама конфигурация руководства Думы была продумана кадетами таким образом, чтобы наилучшим образом реализовать «миллюковскую тактику». На пост Председателя был выдвинут импозантный и рассудительный московский профессор Муромцев, а не радикал Петрункевич, несомненно заслуживший это право, но раздражавший императорский двор. Но в то же время вместо намеченного на пост одного из товарищей (заместителей) председателя В.Д. Набокова Думе был предложен в итоге гораздо менее влиятельный в партии Н.А. Гредескул, имевший перед Набоковым только одно «преимущество» – опыт тюрьмы и ссылки, создававший ему ореол жертвы режима среди думских «левых». Именно Гредескула, только что триумфально освобожденного из архангельской ссылки, кадетская фракция выпускала всякий раз, когда надо было «гасить» экстремистские предложения радикалов из «трудовой группы» – С.В. Аникина, И.В. Жилкина, А.Ф. Аладына, говоривших смело, но, к их досаде, не имевших опыта царских тюрем.

Именно так произошло, например, на первом же заседании Думы, когда Гредескул (вместе с другими кадетами – Г.Ф. Шершеневичем и Ф.Ф. Кокошкиным) сумел убедить «левых» отказаться от немедленного требования всеобщей амнистии и включить его в готовящийся «ответный адрес» Думы на тронную речь императора. Гредескул тогда долго и ярко рассказывал, как он, будучи еще со-

всем недавно в царских застенках, безуспешно ждал, вместе с другими заключенными, политической амнистии...

Вопрос об амнистии во весь рост встал на следующем заседании – 29 апреля. Конституционные демократы понимали, что им снова потребуются переигрывать радикалов, и Муромцев (формально вышедший из кадетской партии, но сохраняющий с ней полное взаимопонимание) предоставил право первого, самого выигрышного выступления своему единомышленнику Родичеву. Задача последнего была непростой: требовалось накрепко связать в глазах российской общественности идею политической амнистии с собственной, кадетской партией и в то же время предложить такие формулировки, которые оказались бы приемлемыми для монарха. Тонкий политик и блестящий оратор Родичев вполне с этой задачей справился: «Амнистия и помилование – это прерогативы Монарха, и наше заявление есть заявление потребности, заявление страданий всего народа, обращенное к Монарху... Пока еще есть время высказать желание амнистии, выскажемте же его в форме желания. Быть может, через несколько дней будет поздно, и оно будет выражено в форме требования...» И, фактически обращаясь уже к монарху, Родичев добавил: «Кто думает, что амнистия дает санкцию на преступление, тот заблуждается... Если Вы желаете уничтожить ту ненависть, которая в настоящее время горит ярким пламенем с той и другой стороны – возьмите на себя почин и щедрою рукой дайте всепрощение. Это акт высшей политической мудрости... Это всепрощение да послужит залогом того, что в начавшейся работе Монарх пойдет рука об руку с народом».

Однако после этого вполне разумного и взвешенного выступления в бой ринулись радикалы-трудовики. Аникин: «Я не буду говорить о милосердии, я буду говорить о справедливости...» Аладьин: «За нами страна – и город и деревня стоят за нами и пойдут за нами. Наши братья в тюрьмах, в ссылке, на каторге могут быть уверены, что мы сами возьмем их оттуда, а если нет... *(Голоса: Довольно!)*». Жилкин: «Я мирный человек, я слабый человек, но всем сердцем, всей душой я чувствую, что, к великому ужасу, к великому огорчению, время просьб прошло, и прошло безвозвратно... Если

требования не будут удовлетворены – мы, может быть, уйдем отсюда, отойдем, может быть, в сторону, но пусть тогда народ встанет лицом к лицу с теми, которые не удовлетворили наших требований...» и т.д.

Трудовики были талантливыми ораторами. Деланная рассудительность Аникина, угрозы Аладьина, кликушество Жилкина захватили аудиторию, но – главное – могли произвести впечатление на страну, внимательно следящую за событиями в Думе. Инициатива могла уйти к крайне левым – и кадеты решили ее срочно вернуть. И они снова предъявили свой «козырь» – недавнюю жертву режима Гредескула. Тот, опытный правовед и судебный оратор, виртуозно взял под свое «профессорское покровительство» самого радикального из выступивших трудовиков – Аладьина: «Хотя то заявление, которое было сделано здесь одним из предыдущих ораторов, а именно Аладьиным, встретило неудовольствие с некоторых сторон, но если его рассмотреть глубже и вдуматься объективно, то это заявление окажется вполне справедливым. В самом деле, что сказал Аладьин? Он сказал, что если те, кто теперь томится в неволе, кто страдает за дело освобождения, если они не будут освобождены в порядке справедливости или милости, то они будут освобождены самим народом. Это дело чести для русского народа... Я не знаю, может быть, депутат Аладьин облек это заявление в неправильную форму... Его заявление имело форму угрозы, вызова, а мне кажется, что наше положение по вопросу об амнистии слишком серьезно, чтобы нужно было делать вызовы и произносить угрозы (*аплодисменты*)».

И далее Гредескул выдвинул «компромиссное предложение»: «Необходимо достигнуть в этом вопросе того единогласия, о котором взывал Родичев. Если для достижения этого мы должны облечь наше обращение в форму просьбы о милости, то я ничего не имею и против этого. Мы должны только помнить, что если в форме милости русскому народу это не будет дано, то депутат Аладьин окажется прав. Народ добьется амнистии в том порядке, в каком он сам захочет...»

Кадеты, как видим, и в этот раз тактически выиграли, направив своеобразное послание общественности: мы, в отличие от трудовиков, – разумные политики, контролирующие в Думе своих нетерпеливых союзников. Сигнал был послан и власти: имейте дело с нами – иначе будете иметь дело с неуправляемыми и безответственными радикалами.

Историки Первой Думы из числа кадетов (Винавер, Н.Ф. Езерский и прежде всего сам Милюков) потом не раз писали о том, что формы тактического взаимодействия кадетов и трудовиков согласовывались на предварительных совместных совещаниях лидеров, что роли были заранее распределены, что существовало своего рода «разделение труда». Милюкову, по-видимому, казалось тогда, что успешно реализуется его собственная формула, которую он любил повторять: «Мы играем на сцене, а шум за сценой создают другие...» Похоже, однако, что со временем этот симбиоз конституционалистов и радикалов зашел значительно глубже, нежели того поначалу хотелось кадетам. Об этом впоследствии и написал в эмиграции Маклаков, который пришел к выводу, что тактический альянс, на первых порах казавшийся кадетам выгодным, постепенно вылился в стратегию, где тон стали задавать уже радикалы. Окончательное складывание этого теперь уже «стратегического союза» Маклаков отнес к тем двум заседаниям Думы, где с принципиальными поправками к проекту «ответного адреса» императору выступил депутат-октябрист Михаил Александрович Стахович.

Стахович включился в обсуждение проекта на заседании 3 мая 1906 г. Его, профессионального правоведа, обеспокоила сама нервическая атмосфера, в которой проходила дискуссия: «Часто случается, бывают даже целые периоды государственной жизни, когда не сущность вопроса царит и решает дело в палатах, а возбуждение политических страстей. Самое присутствие такого возбуждения является даже опасностью. Оно опасно, как оружие в руках рассерженного...» Отталкиваясь от метафоры кадетского депутата Е.Н. Щепкина, который сравнил поток свободных речей в Думе с «вешними водами», Стахович иронически заметил: «Пользуясь его собственным сравнением, добавляю, что вся эта вода не рабо-

чая; ее не надо пускать на колеса мельницы. Умный мельник открыл бы затворы и терпеливо бы ждал: пусть себе сольет...» Вопреки радикальным призывам о необходимости немедленного подчинения министров народному представительству, Стахович назвал такую претензию «преждевременной»: «Мы только свяжем руки Государю, если, как лояльный конституционный Монарх, он будет следовать нашим голосованиям и менять министерства после каждого провала... Необходимо, сохранив ответственность министров перед Государем Императором, развить и ускорить условия осуществления права запроса и контроля со стороны Думы не только над закономерностью, но и целесообразностью действий министров» (*слышно шиканье на многих скамьях*).

4 мая дискуссия была продолжена – в этот день обсуждались в основном те положения «ответного адреса», где речь шла о проблемах амнистии, смертной казни, о политических убийствах. В середине жаркой дискуссии слово опять попросил Стахович: «Я оговорюсь, что живу в такой глухой и благоразумной местности, в которой теперь, несмотря на все здесь говоримое, люди, наверное, не бросили своей обычной жизни и занятий, не перестали метать пары, сеять гречиху и просо и не ждут, затаив дыхание, будут ли женщины в Государственной Думе, останется ли Государственный Совет или нет...» Перейдя непосредственно к вопросу о политической амнистии, Стахович еще раз подтвердил, что он и его коллеги по группе «умеренных» по-прежнему горячо поддерживают призыв к освобождению всех политических заключенных. Однако, добавил он, для полного успеха этого судьбоносного акта Дума должна одновременно выступить и с резким осуждением революционного террора: «Кроме почина существует ответственность за последствия, и эта вся ответственность останется на Государе... Не мы уже, а он ответит Богу за всякого замученного в застенке, но и за всякого застреленного в переулке. Поэтому я понимаю, что он задумается и не так стремительно, как мы, движимые одним великодушием, принимает свои решения. И еще понимаю, что надо помочь ему принять этот ответ. Надо сказать ему, что прошлая вражда была ужасна таким бесправием и долгой жестокостью, что дово-

дила людей до забвения закона, доводила совесть до забвения жалости... Цель амнистии... – это будущий мир в России. Надо непременно досказать, что в этом Государственная Дума будет своему Государю *порукой и опорой*. С прошлым бесправием должно сгнать преступление как средство борьбы и спора. Больше никто не смеет тягаться кровью. Пусть отныне все живут, управляют и добиваются своего или общественного права не силой, а по закону. По обновленному русскому закону, в котором мы и участники, и ревнители, и по старому закону Божию, который прогремел 4000 лет тому назад и сказал всем людям и навсегда – Не убий!»

Маклаков позднее вспоминал: «В Первой Думе было сказано много превосходных речей. Но я не знаю другой, которая могла бы по глубине и подъему с нею сравняться... Колебания Государя, о которых говорил Стахович, не были только предположением. Он мне рассказывал после, что, когда начался в Думе разговор об амнистии, Государь получал множество телеграмм с протестами и упреками: неужели он допустит амнистию и помилует тех, кто убивал его верных слуг и помощников? Пусть эти телеграммы фабриковались в "Союзе истинно русских людей", Государь принимал их всерьез. Чтоб вопреки этим протестам Государь все-таки пошел на амнистию, нужно было сказать действительно *новое* слово, открывавшее возможность забвения, нужно было *самому* подняться над прежнюю злобою. Этим словом и могло быть моральное осуждение террора. Но на это Дума не оказалась способна. Она продолжала *войну*».

Итак, на том историческом заседании 4 мая 1906 г. Михаил Стахович, наряду с призывом к амнистии, предложил Думе добавить в «ответный адрес» Государю следующие слова: «Государственная Дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные действия, которым Дума высказывает самое решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства. Дума заявляет, что она твердо и зорко будет стоять на страже прав

народных и защитит неприкосновенность всех граждан от всякого произвола и насилия, откуда бы они ни исходили».

Предложение Стаховича было не только разумным, но и весьма умеренным – оно исходило из старой его идеи о необходимости восстановления взаимного доверия царя-реформатора и народного представительства. Однако в «Думе народного гнева» это предложение вызвало большое возбуждение. Правда, первым после Стаховича выступил депутат, назвавший его «союзником» – виленский епископ, барон Э.Ю. фон дер Ропп. Он поддержал тезис о необходимости учитывать сложное положение Монарха, но перенес суть вопроса в религиозную плоскость, слабо воспринимаемую радикальным крылом Думы, и тем самым резко ухудшил шансы на прохождение поправки Стаховича. Политическую речь Стаховича, внешне похожую на «проповедь», епископ принял за проповедь как таковую, чем намного облегчил задачу оппонентов.

Влиятельнейшая в Думе фракция конституционных демократов оказалась перед сложным выбором. Маклаков назвал его позднее «выбором между двумя возможными думскими большинами» – *конституционным* и *революционным*. Первым из кадетов против поправки Стаховича выступил петербургский депутат, профессор А.С. Ломшаков, который однозначно заявил, что «вся ответственность за все преступления, о которых здесь было сказано, лежит всецело и полностью на правительстве». Правда, профессор не принадлежал к числу кадетских руководителей, и у фракции еще оставался выбор...

Дело решил Родичев, ставший еще с первых думских заседаний штатным спикером кадетов по вопросу об амнистии и терроре. Заявив, что вполне понимает тот «душевный порыв, который внушил Стаховичу благородные слова любви», Родичев быстро перешел к возражениям: «Но с политическим заключением этого порыва я согласиться не могу. Если бы здесь была кафедра проповедника, если бы это была церковная кафедра, то тогда, конечно, мог бы и должен был раздаваться призыв такого рода, как мы услышали здесь, но мы – законодатели, господа... Много есть дурных вещей, которые следует осуждать, но не здесь этому осуждению место. Мы

осуждаем те порядки, когда людей казнят без суда... Мы должны сказать всем: если вы хотите бороться с преступлением, оно должно быть осуждено!». Затем против поправки Стаховича выступили и другие влиятельные кадеты.

Позднее Маклаков так прокомментировал этот «крах думского конституционализма»: «Всего грустнее читать речь Родичева... Из государственного установления Дума превращала себя в орудие революционной стихии. Голосование по поправке Стаховича вырыло ров между двумя большинами. Если бы кадеты пошли со Стаховичем и Родичев повторил свою речь 29 апреля – это образовало бы "конституционное большинство". В этот день кадеты от конституционного пути отказались...» Маклаков интерпретировал «эпизод с амнистией» как стремление левого большинства Думы настоять на том, что после дарования гражданских свобод «преступники находились не в среде осужденных, а только в среде властей»: «При таком взгляде Думы на недавнее прошлое нельзя было говорить о примирении и успокоении, о забвении прошлого, которое одно могло бы амнистию мотивировать. Судьи и осужденные должны были просто поменяться местами; под флагом амнистии Государю предлагали встать на сторону Революции».

Между тем сам Стахович в тот день не собирался сдаваться и повторил попытку обосновать свою поправку: «Мне давно приходится жить, думать и говорить так несвоевременно, что приходится отстаивать против большинства не только то, что я считаю правильным, но даже и то, что я считаю разумным, и я давно знаю, как эта задача неблагоприятна, я давно знаю, что она часто бесполезна. Я только думаю, что это долг всякого совестливого человека, на какую бы сторону ни собралось большинство, часто глухое из-за самодовольно сознаваемой своей силы». Стахович попытался снова обратиться к разуму депутатов, призвав думать не только о прошлом, но и о будущем России: «Мало хоронить, все сосредотачиваясь и копаясь в прошлом; надобно подумать и высказаться о будущем теперь, чтоб оно не повторяло прошлого ни с какой стороны...»

В итоге поправка Стаховича была отклонена думским большинством. «Дума отвергла спасательную веревку, которую Стахович ей протянул, – писал в эмиграции Маклаков. – Если бы Дума оказалась способной подняться на его тогдашнюю высоту, она бы не только получила амнистию, она оказалась бы достойной той роли, которую сыграть не сумела...»

Здесь пора сделать небольшое отступление и сказать, что, упрекая уже в эмиграции своих бывших коллег-кадетов в старых перводумских грехах, Маклаков не был до конца последовательным. Многие свои претензии к Милюкову, Родичеву и другим бывшим товарищам по партии он явно сформулировал «задним числом». А тогда, в 1906 г., его позиция была существенно иной. Так, уже после роспуска I Думы, во время дискуссии с «октябристами» 30 ноября 1906 г., Маклаков еще вполне определенно защищал перводумскую тактику кадетов: «Мы политические убийства не осудили потому, что думали, что эти осуждения скроют от глаз народа настоящую причину. Мы считаем, что это наше горе, которое только в России есть, и это горе питается условиями русской жизни... Мы думаем, что осудить политические убийства – это значит дать повод власти думать, что она права». Нетрудно заметить, что это примерно та же самая аргументация, с которой, например, Родичев выступал в I Думе против Стаховича.

Скорее всего, сам Стахович, опытный и мудрый политик, рассматривал свое участие в перводумской дискуссии по проекту «ответного адреса» лишь как эпизод в своей думской борьбе. Характерно, что он, в числе небольшой группы «умеренных» (граф П.А. Гейден, Н.С. Волконский и др.), не стал голосовать против окончательного текста думского «адреса», а просто вышел в тот момент из зала. Он, по-видимому, считал важным тогда продемонстрировать и стране, и монарху единодушие парламента: борьба за Конституцию против Революции, по его мнению, еще не была проиграна.

Стахович также прекрасно понимал, что на левые фракции Первой Думы большое влияние оказывается «извне» Таврического дворца – например, со стороны внедумских лидеров радикальных

социалистических партий, мечтающих о крахе первого российского парламента. Судя по всему, Стахович питал личную неприязнь и к Милюкову (и пользовался здесь, надо сказать, полной взаимностью): он полагал, что, не будучи депутатом, Милюков из-за кулис манипулирует не только своей фракцией, но и всей Думой, считая ее лишь эпизодом на пути к созыву по-настоящему полномочного и демократического Учредительного собрания.

Известно, что Милюков любил цитировать фразу из Вергилия: «Если не смогу убедить высших, то двину Ахеронт». Под «Ахеронтом» (так в древнегреческой мифологии называлась одна из подземных рек ада) имелась в виду, разумеется, «стихия революции», которой кадетские лидеры рассчитывали «управлять». Рассудительный и умеренный Стахович не мог разделить этих кадетских иллюзий: одна из ярчайших его речей в I Думе была направлена против кадетской идеи «управляемого хаоса», а возможно, и лично против Милюкова, обычно сидевшего во время думских заседаний в журналистской ложе.

«Очевидцы и обсерватории способны описывать ливни, грозы, но никто не может описать извержение вулкана, – начал свою речь Стахович. – Как после извержения вулкана, кроме все сжегшей лавы, есть еще стихийная масса пепла, которая все засыпает глубоко и тяжело, и только много лет позднее тщательными, равнодушными и беспристрастными усилиями науки можно восстановить условия этих событий, можно представлять, предсказывать ту жизнь Геркуланума и Помпеи, которая так внезапно оборвалась, – так и все движения народной стихии должны быть открыты и могут подвергнуться исследованию лучших историков не непосредственно вслед за своим событием, а только много позже и после долгого и добросовестного труда...»

Вполне вероятно, что, говоря о возможностях «лучших историков» изучить последствия революции только «спустя много лет», Стахович имел в виду не кого иного, как Милюкова – весьма заслуженного, как известно, историка. А вот в следующем пассаже той же речи Стахович уже откровенно негативно оценивал кадетскую тактику «заигрывания с революцией»: «Когда говорят, что не хотят

революции, то обыкновенно забывают, что она не зависит от воли отдельных лиц; она даже не зависит от общей воли, она имеет свойство самовозгорания не только против желания, но иногда против ожидания участников или свидетелей...» Если многие в России, подводил итог Стахович, до сих пор не избавились от «наркоза возбуждения», от влияния того «вихря, который с атмосферической силой проносится над страной», то есть две категории людей, которые обязаны сохранить в этих обстоятельствах полное трезвомыслие: «Это государственные деятели в настоящем и историк в будущем, когда он станет толковать человечеству значение его великих или ужасных бурь...» Сегодня можно только догадываться, какую реакцию вызвала эта речь Стаховича на кадетских скамьях и лично у Милюкова: в стенографических отчетах Думы об этом, к сожалению, ничего не говорится.

Достаточно важным в перводумской деятельности Стаховича стало его участие в дискуссии по аграрному вопросу. Как известно, проблема крестьянского малоземелья была одним из главных источников революционной смуты в стране. Включившись в обсуждение этого вопроса, Стахович прежде всего заявил: «Я категорически и не колеблясь стою за увеличение площади крестьянского землевладения. Я считаю это делом нужным, считаю его совершенно возможным и считаю его безотложным... Государственная нужда состоит в том, что нельзя существовать дальше, не подняв народ из нищеты. Русское государство нуждается в том, без чего ни одно государство не живет: народ должен стать плательщиком и потребителем...» Однако, по мнению Стаховича, весь вопрос состоит в том, *как именно* провести увеличение крестьянских наделов, не вызвав при этом нового хаоса: «Я не скрываю, что принадлежу к тем староверам, может быть смешным, которые продолжают считать, что поджог, грабеж, насилие – грех и безобразие и что о них нельзя говорить сочувственно, чуть не ласково... И страшную ответственность кладут на Думу все те, кто с кафедры призывает к самоуправству народному, говорят, как сегодня еще, что надо перейти к силе и пусть-де падет эта кровь на виноватых. Эта пролитая нами и братьями нашими русская кровь прольется не за роди-

ну, а в ущерб ей и в горе! Пусть же ляжет она на совесть тех, кто прославляет насилие, подбивает омраченных, нетерпеливых и раздраженных (*аплодисменты справа, ропот слева*)».

Между тем Стахович выступил не только против откровенно социалистических идей земельного передела, но и против кадетского проекта аграрной реформы, предполагавшего решить проблему крестьянского малоземелья за счет отчуждения помещичьих земель «за достойное вознаграждение» и за счет передачи их крестьянам в срочную аренду. В противовес кадетам, Стахович выступил за передачу земли крестьянам в полную частную собственность: «Я стою не только за то, чтобы земельная площадь крестьянского землевладения была увеличена, но, помня о необходимости подъема культуры, чтобы эту землю крестьяне получили бы в свою собственность... Непременно в собственность, а не во временное пользование, потому что в мире мы не знаем иного, более сильного двигателя культуры, чем собственность».

Еще в ходе работ I Думы стало ясно, что политические позиции таких умеренно либеральных депутатов, как Стахович, граф Гейден, князь Волконский, расходятся не только с более радикальными группировками Думы (от кадетов и далее влево), но и с продолжавшим существовать вне Думы «классическим октябризмом», во многом поддерживавшим правительственный курс. Уже в начале лета 1906 г. встал вопрос о создании самостоятельной политической организации, название которой придумал Стахович – «Партия мирного обновления». Однако скорый роспуск I Думы, последовавший 9 июля, внес в эти планы серьезные коррективы.

11 июля 1906 г., в противовес радикальному «Выборгскому воззванию», которое было подписано в основном кадетами и левыми и призывало граждан к сопротивлению, хотя и «пассивному», от «Партии мирного обновления» было выпущено другое «Воззвание» за подписью трех бывших депутатов – графа Гейдена, Стаховича и Н.Н. Львова. В нем, в частности, говорилось: «В силу ст.105 Основных законов Государю несомненно принадлежит право роспуска Думы. Мы считаем себя обязанными подчиниться не только по долгу подданных, но и по глубокому сознанию, что было бы преступно

среди переживаемых Россией опасностей и смут колебать государствену власть... Поэтому первое слово наше, на ком лежало народное доверие, наше первое слово ко всем избирателям – призыв к спокойствию и противодействию каким бы то ни было насилиям. Только старательной подготовкой к новым выборам и сознательным осуществлением их может народ доказать, что дорожит своим представительством в деле правления и участием в создании законов. К будущим выборам должны быть направлены усилия русского народа, а нужды его будут выражены теми, кого он сознательно выберет. Всякие насилия, беспорядки и нарушения законов представляются нам не только преступными, но среди переживаемой смуты прямо безумными».

Стахович был избран во II Государственную думу, которая оказалась еще более левой, чем ее предшественница. По разным причинам в новой Думе не оказалось главных соратников Стаховича по «Партии мирного обновления» – ни графа Гейдена, ни князя Волконского, ни Николая Львова. И хотя формально во II Думу были выбраны кроме него еще два «мирнообновленца», Стахович отказался от создания фракции – в отличие от графа Гейдена, он не имел вкуса к партийному руководству.

Основными оппонентами левых в новой Думе оказались уже не умеренные либералы, вроде Гейдена или Волконского, а ультраправые националисты типа Пуришкевича и Крушевана – с такими «союзниками» Стахович не хотел иметь ничего общего. Тем не менее и здесь, во II Думе, он активно выступал не только в пользу умеренных либеральных реформ, но против продолжающегося «революционного террора». Концовка его думской речи от 17 мая 1907 г. оказалась пророческой: «Если Государственная Дума не осудит политических убийств, она совершит его над собою!» Действительно, в изданном 3 июня Высочайшем Указе о роспуске II Думы прямо говорилось: «Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству».

Впоследствии Маклаков, уже неоднократно цитированный в этом очерке, вспоминал о настроениях Стаховича в период Второй

Думы: «Стахович мне не раз повторял, что этот вопрос (о терроре – А.К.) и теперь, наверное, будет поставлен и сделается испытанием Думы. Если 2-ая Дума, как Первая, от осуждения террора уклонится, она себя уничтожит. Ее не смогут после этого считать "государственным учреждением"; ее судьба этим решится. Когда и на чем ее распустят – неважно. Это будет вопросом лишь времени. Но приговор над нею будет произнесен, не откладывая. Я тогда плохо верил Стаховичу; думал, что он преувеличивает важность вопроса, который им самим был в Думе поставлен...»

Думский опыт Стаховича с роспуском Второй Думы закончился. С 1907 г. и по 1917 г. он заседал в верхней палате парламента – Государственном совете, куда регулярно избирался от орловского дворянства. После Февральской революции Стахович был назначен Временным правительством сначала генерал-губернатором Финляндии, а в сентябре 1917 г. – послом в Испанию. Вскоре после большевистского переворота в России он переехал на юг Франции, в городок Экс-ан-Прованс, где в 1923 г. скончался. Похоронен Стахович на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

ОБРАЗ М.А. СТАХОВИЧА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

М.А. Стахович являлся заметной фигурой в политической жизни России начала XX в. Его имя часто встречается в мемуарах, дневниках, публицистике государственных и общественных деятелей России того времени. Чаще всего это простое упоминание Стаховича как одного из действующих лиц политического процесса без какой-либо развернутой характеристики. Но иногда встречаются и его оценки как человека и политика, которые исходят, с одной стороны, от лиц, близко знавших и друживших с ним, а с другой, от людей, для которых он был одним из представителей определенного политического течения – российского либерализма.

Все лица, близко знавшие Стаховича, высоко оценивали его нравственные качества, хотя и отмечали известную долю легкомыслия. Так, С.Ю. Витте, неоднократно подчеркивавший свои дружеские отношения со Стаховичем, писал: «Это очень образованный человек, в полном смысле джентльмен, благородный человек, весьма талантливый, прекрасного сердца и души, но человек увлекающийся и легкомысленный русскою легкомысленностью, порядочный жуир. Во всяком случае, это во всех отношениях чистый человек»². Друг Стаховича со школьной скамьи князь Борис Васильчиков отмечал: «С молодости и до старости он всегда предавался увлечениям самого разного свойства, начиная от цыган, кончая Львом Толстым, и всю жизнь он "жег свечу с обоих концов" (*нерасчетливо расходовал силы – А.Е.*)... он был, если можно так выразится, убежденным губернским предводителем дворянства и стойким радетелем о нуждах своего сословия и своих избирателей; обладая золотым сердцем, он был сердобольным заступником сирот и нуждающихся; в вечных хлопотах о размещении дворянских де-

---

¹ Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Череповецкого государственного университета.

² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: В 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 259.

тей по учебным заведениям, по спасению дворянских имений от продажи с торгов и т.п. за свою дворянскую службу он многих выручил из беды за счет собственного состояния, которое, в конце концов, окончательно разорил»¹.

Известный кадет В.А. Маклаков, находившийся в дружеских отношениях со Стаховичем, заключал: «Перед ним была блестящая будущность, но "карьера" его не прельщала. Едва ли он и мог бы остановиться на определенной дороге; все его привлекало. Его разносторонность, жажда жизни во всех проявлениях (жизнь есть радость, говаривал он), избалованность (баловала его и судьба, и природа), вечные страстные увлечения и людьми, и вопросами в глазах поверхностных наблюдателей накладывали на него печать легкомыслия»².

Даже представители консервативных кругов, видевшие врага в самом умеренном либерале, не отрицали этических качеств Стаховича. По мнению видного правительственного чиновника В.И. Гурко, он «несомненно, обладал многими привлекательными свойствами. Талантливый, литературно весьма образованный, М.А. Стахович отличался необыкновенным умением завязывать связи и вступать в близкие дружеские отношения с лицами самых различных взглядов и общественных положений. Он был своим человеком и в высшем петербургском обществе, и в мире художников и артистов, и, само собой разумеется, в земской среде. С гр. Толстым он ходил на богомолье, а с художественной богемой проводил бессонные ночи, осушая не одну бутылку вина. Помогали ему при этом и его чрезвычайная общительность, и некоторые салонные таланты – он был прекрасный чтец, и готовность оказать услугу и даже серьезную помощь, причем все это было сдобрено какой-то своеобразной бесцеремонностью, не лишенной нахальства. Приятный собеседник, веселый собутыльник, неоценимый корреспондент, он поддерживал корреспонденцию с сотнями лиц – Стахович умудрялся быть в течение многих трехлетий орловским губернским предво-

---

¹ Васильчиков Б.А. Воспоминания. М., 2003. С. 103.

² Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 49.

дителем дворянства, хотя по исповедуемым им политическим взглядам он был значительно левее преобладающего большинства орловского дворянства»¹.

Современники видели легкомысленность Стаховича в его отношении к учебе. Как вспоминал Б.А. Васильчиков, в науках, «несмотря на свои блестящие дарования, Стахович преуспевал плохо и в Училище ежегодно переходил из класса в класс до самого выпуска "с союзом", что у нас означало последним, т.е. когда на акте читали список перешедших в порядке их успехов, то перед фамилией последнего стоял союз "и"»².

По мнению современников, важнейшей чертой Стаховича было отсутствие честолюбия, нежелание занимать какие-либо ответственные государственные должности. Известный деятель кадетской партии А.В. Тыркова-Вильямс полагала, что из Стаховича мог бы выйти крупный политик, но «он за этим не гнался. Беспечный, жизнерадостный, он не искал популярности... Этот даровитейший человек так и прошел через всю жизнь, не выявив себя. Это часто бывает с такими, как он, талантливыми, но не целеустремленными русскими людьми. Может быть, еще и потому, что в нем кипела неостывающая юношеская жажда жизни. Временное правительство попыталось сделать из него дипломата, послало его в Мадрид. Он недолго оставался на этом живописном посту, купил на юге Франции ферму, как Лев Толстой, с которым он был очень близок, сам шел за плугом, опаживая свои виноградники. Он писал друзьям в Англию, что это счастливейшее время в его жизни»³.

По наблюдениям Гурко, Стахович никогда не стремился войти в состав бюрократии и занимать в ней высшие должности. Так, на переговорах с Витте о вхождении общественных деятелей в состав правительства «он определенно и с места заявил, что никакого министерского портфеля принимать не желает». Гурко полагал, что подобная позиция Стаховича объяснялась «его преобладающим свойством, а именно нежеланием в чем-либо себя стеснять, а тем

---

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 256.

² Васильчиков Б.А. Указ. соч. С. 102.

³ Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 410.

более чем-либо серьезно заняться. Природная лень еще в Училище правоведения привела к тому, что, несмотря на свои природные способности, он кончил его последним из всего курса; желание невозбранно пользоваться всеми прелестями свободной холостой жизни богатого человека никогда не покидало Стаховича. Честолюбие у него, несомненно, было, но преобладала над ним распущенность богемы, а посему он ограничивался стремлением к занятию таких положений, которые при внешнем почете ни в чем бы не стесняли его в удовлетворении своих, несколько цыганских, склонностей и в пользовании всеми благами жизни»¹.

По своим политическим взглядам Стахович относился к центристскому течению российского либерализма. В период острых политических потрясений подобная позиция не устраивала противоборствующие стороны. В консервативных кругах он считался «красным», а в левой среде чуть ли не черносотенцем. Подобное положение Стаховича отразилось на конструировании его образа в представлениях современников. Для защитников существующего строя он являлся одним из представителей российского либерализма, который нес в себе все либеральные пороки. Думается, именно этим обстоятельством объясняется вышеприведенное суждение Гурко о причинах отказа Стаховича войти в состав правительства. Сами либералы – участники переговорного процесса, убедительно доказали свой отказ пойти в министры принципиальными соображениями, а не стремлением пользоваться всеми благами свободной жизни.

Стремление подогнать Стаховича под заранее сконструированный образ «безответственного либерала» заметно в записках С.Е. Крыжановского – последнего государственного секретаря Российской империи. Он полагал, что правые либералы обладали «какими-то ребяческими представлениями и о России, и о механизме управления», твердо верили в «спасительную силу хороших слов». Стахович для него – представитель «безответственной общественности», который, пользуясь своим влиянием на Витте «совершенно сбил его с толку», из-за чего премьер-министр получил «очень не-

---

¹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 257.

ясное представление о внутренних делах империи». Негативная оценка правых либералов была нужна Крыжановскому для обоснования того, почему власть не пошла на уступки либералам в 1905-1906 гг., не ввела их в состав правительства. «В составе лиц, выдвинутых политическими кругами, – писал он, – деловых людей не оказалось, а оказались либо теоретики и доктринеры, не отдававшие себе отчета в том, что такое управление, – подобные Милюкову, или губернские и уездные пророки, подобные Родичеву и Стаховичу. Революции и последующие события сделали это для всех очевидным... Это были мечтатели, способные разрушать, но не способные управлять. И если бы власть была вручена им в то время, то не подлежит сомнению, что постигшая Россию катастрофа произошла бы десятью годами раньше и не могла не произойти. Эти люди сделали бы и тогда то же, что сделали в 1917 году, т.е., развязав руки социальным агитаторам и открыв им все пути для агитации, противопоставили бы их разрушительному действию только словесные увещевания и вопли о "преступлениях старого режима"»¹.

Подобного рода оценки появились в эмигрантских воспоминаниях как реакция на революционные потрясения 1917 г. В этом смысле характерно признание дружившего со Стаховичем князя А.Д. Голицына. В своих мемуарах он писал, что когда в 1906 г. появились слухи об образовании правительства из «умеренных представителей Кадетской партии с привлечением Шипова, Графа Гейдена и Стаховича... это возбудило у нас сильный интерес и рождало радужные надежды. Уж больно нас всех удручал состав правительства во главе с дряхлым старцем Горемыкиным, призванного противостоять натиску созванной Думы и, конечно, не могущего найти какой-либо контакт с нею ни в какой области... Теперь я думаю, что такое Правительство не совладало бы с положением вещей и его постигла бы участь Временного правительства 1917 года»². Прочитанный отрывок интересен с нескольких точек зре-

---

¹Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 117.

²Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 262.

ния. Во-первых, Голицын не отделяет Стаховича, Д.Н. Шипова и П.А. Гейдена от кадетов, полагая, что в сущности это одно политическое направление. Во-вторых, он подчеркивает, что в 1906 г. возможность создания либерального правительства вызывала у него «радужные надежды» и лишь после печального опыта Временного правительства он стал полагать, что либералы не смогли бы «совладать с положением вещей».

В глазах консерваторов большого отличия между либералами-центристами и кадетами не существовало. Характерна дневниковая запись одного из идеологов неославянофильства А.А. Киреева по этому поводу: «*Curiosa (удивительное – А.Е.)*: Столыпин принимает М. Стаховича и ведет с ним переговоры. Ведь Стахович – тоже кадет, но лишь облагороженный»¹. В свете подобных высказываний неудивительно, что в эмигрантских воспоминаниях многие друзья Стаховича специально подчеркивали, что он никогда не был кадетом.

Центристская позиция Стаховича раздражала консерваторов, видевших в ней беспринципность, стремление угодить «и нашим и вашим». Как писал Гурко, в своей политической карьере Стахович выказывал «необыкновенное умение сидеть зараз на нескольких стульях. Так, в день открытия Первой Государственной думы он явился в Зимний дворец на прием государем членов законодательных палат в придворном камергерском мундире и тем составил яркую противоположность с, в общем-то, серой, как бы нарочито неряшливо одетой толпой членов нижней палаты. Одновременно в Первой Государственной думе он сумел войти в дружеские отношения с лидерами преобладавшей там кадетской партии, не вступая, однако, официально в ее ряды. Эти отношения он сумел сохранить до самого конца старого режима. Так, будучи впоследствии членом Государственного совета по избранию орловского земства, он был в лучших отношениях с левым крылом Совета – академической группой, причем, однако, официально в ней не числился. Любопытно и характерно для Стаховича и то, что, обладая несомненным ораторским талантом, он, тем не менее, более чем редко вы-

---

¹ Киреев А.А. Дневник. 1906–1910. М., 2010. С. 205.

сказывался по какому-либо вопросу с трибуны». Отсюда и место Стаховича в политике: «он шепчется за кулисами, причем "езде он свой, везде приметен", но на самом съезде почти не выступает и в голосовании не участвует»¹.

Великий князь Николай Михайлович полагал, что Стахович «не серьезный, ко всему относится поверхностно и, к сожалению, и наш и ваш»². В центристской позиции консерваторы видели отсутствие твердых убеждений в сочетании со стремлением добиться собственной популярности, всем угождая. Отсюда и ироническое отношение к идеям Стаховича как к «звонким речам», за которыми нет четкой позиции. Подобный подход преобладал в консервативной эмигрантской мемуаристике. Камергер Высочайшего двора, видный чиновник министерства иностранных дел В.Б. Лопухин назвал Стаховича «декоративным деятелем» имевшим относительный успех «преимущественно в дамских салонах»³. Для правого публициста И.И. Колышко он являлся «великосветским болтуном», которого Витте выбрал в роли «политического рупора» за его этические качества⁴.

В наиболее концентрированном виде претензии к Стаховичу, как к яркому представителю российского либерализма, высказал Гурко. В его представлении Стахович как «земской оракул» и «уездный глашатай» не обладал «государственным пониманием вещей», а был «типичным представителем русских провинциальных мыслителей, обладающих лишь скудными положительными знаниями при определенно дилетантском отношении к самым сложным вопросам народной жизни». Дилетантизм был основной чертой Стаховича, «лишенного к тому же государственного понимания и даже смысла». По мнению Гурко, Стахович как типичный продукт эпохи олицетворял «мягкотелый русский земский либерализм, сплетенный из отсутствия глубоких познаний, поверхностного ума и туманных чаяний космополитического уклона». У либералов

---

¹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 455.

² Великий князь Николай Михайлович. Записки // Гибель монархии. М., 2000. С. 13.

³ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 179.

⁴ Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 147.

не было «сколько-нибудь определенной политической программы по самым основным вопросам народной жизни, да и не были они в состоянии ее выработать, но дух критики в них был сильно развит, причем он нередко или, вернее, обыкновенно превращался в простой *persiflage* (*глумление, насмешка (фр.) – А.Е.*)»¹.

Консервативная бюрократия с раздражением относилась к либеральной критике в свой адрес. Гурко ехидно писал, что Стахович, «клея и презирая русскую бюрократию», разделял мнение будто «все живое и дельное в России сосредоточено в земских учреждениях, правительственный же аппарат состоит из бюрократов, мертвящих всякое дело, которым ведают или к которому прикоснется»². А.С. Суворин негодовал: «правительство и для графа Гейдена, и для г. Стаховича, и для всех прочих умеренных – жупел, не такой как для кадетов и тем более, как для крайних, но все-таки жупел. Чтоб его не было! Вот и все»³.

Логичным следствием этой позиции были упреки в адрес либеральных деятелей в неспособности исполнять надлежащим образом государственные функции. Например, великий князь Николай Михайлович крайне негативно оценивал деятельность Стаховича в Первую мировую войну как главноуполномоченного Красного Креста. «Шныряют разные гастролеры по "Красному кресту", вроде М. Стаховича, – писал он, – более катаются как угорелые в автомобилях, чем приносят пользу». По его мнению, «из рук вон плохи всякие уполномоченные, т.е. те же Стаховичи и А.П. Ольденбургский, представители "Красного креста", все критикующие и ничего не создающие кроме розни и вражды с медицинским ведомством»⁴. Гурко писал, что, став после Февральской революции финляндским генерал-губернатором, Стахович «отнюдь не имел в виду управлять Финляндией», а стремился лишь «явиться живой связью между империей и Великим княжеством, предоставив управление этим краем в полной мере местным деятелям. Он, как большинство самого

¹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 258.

² Там же. С. 257.

³ Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 534.

⁴ Великий князь Николай Михайлович. Записки // Гибель монархии. С. 27.

Временного правительства, полагал, что достаточно для сохранения связи Финляндии с Россией проявить широкую благожелательность по отношению к местным общественным силам»¹. Князь А.Д. Голицын считал, что после Февральской революции у Стаховича произошла «абберация ума под влиянием развивающихся событий», из-за чего он внес «более чем странное» предложение о том, чтобы «объявить циркулярно всем Губернским Земствам признать сосуществование с Временным Правительством Совета Солдатских и Рабочих депутатов»².

В данных текстах нетрудно увидеть набор консервативных штампов о российском либерализме: отсутствие у либералов позитивной программы, оторванность от повседневной жизни, неумение заниматься практической работой, голословная критика бюрократии и существующего строя. Эти штампы, утвердившиеся в воображении консервативных общественных деятелей, переплетались с конкретными чертами реального человека, создавая причудливый образ либерального политика, который трактовался в нужном ключе. Разумеется, в данном случае мы видим не столько живого Стаховича, сколько его образ как представителя российского либерализма.

С утверждением консерваторов о том, что либералы оторваны от русской жизни, не знают ее реалий, не согласуются наблюдения современников. М.М. Ковалевский полагал, что Стахович хорошо знает изученную им на практике земскую работу, «несомненно обстоятельно знаком с строем русской губернии и условиями русского производства и обмена»³.

Как писал Маклаков, в глазах поверхностных наблюдателей Стахович казался легкомысленным. Но лица, близко знавшие его, с такой характеристикой не соглашались. Князь Васильчиков полагал, что, вопреки мнению многих, во всех «главнейших вопросах нашей политики» Стахович придерживался твердых «правых убеждений, хотя в частностях иногда отступал от шаблона, ударяясь в

---

¹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 257.

² Голицын А.Д. Указ. соч. С. 386.

³ Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 399.

своих публичных выступлениях влево, что ему доставляло известную популярность, которой он дорожил»¹.

Тыркова-Вильямс не сомневалась в твердости политических взглядов Стаховича, который был, по ее мнению, «убежденный монархист и не менее убежденный сторонник народного представительства»². В Государственной думе он последовательно отстаивал свою позицию, например, по вопросу о моральном осуждении революционного террора. В его доводах, полагала Тыркова-Вильямс, была логика, его призыв к внутреннему миру исходил из «искренней патриотической тревоги за Россию. В ответ на постоянные угрозы слева, что народ силой возьмет то, чего правительство не хочет давать, Стахович говорил: "Если среди народа есть голоса, что они решат вопросы силой, не считаясь ни с чем, то Дума должна сказать такому народу: "Молчи". Это крик народа безумного, это крик народа преступного. Тысячу лет, потом и кровью народною, создавали и создали Россию. Россия принадлежит всем, а не одному нашему буйному поколению". Вещие слова, они не нашли отклика. Слишком резко расходились они с политическими страстями, кипевшими в Государственной Думе и вокруг нее. Голоса умеренных либералов остались голосами вопиющих в пустыне. Теперь это придает им пророческий оттенок»³.

По наблюдениям Маклакова, в политике Стахович долго оставался сторонником самодержавия. Характерны его главные доводы. Во-первых, он настаивал, что «Самодержавие создано и поддерживается "волей народа", который иного порядка не понимает; и затем – это главное – что ни один режим не сможет так быстро и полно провести социальные реформы, которые необходимы России». Маклаков относил Стаховича к «довольно редкой разновидности "идеалистов" Самодержавия, которые считали, что Самодержавие может быть опорой и "политической свободы", и "социальной справедливости". Он от него это искренне ждал. Жизнь ему показала, как он ошибался в этой оценке». Маклаков подчеркивал, что

---

¹ Васильчиков Б.А. Указ. соч. С. 103.

² Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 410.

³ Там же. С. 424.

Стахович хорошо знал «что творилось в низах, как далека действительность от идеального Самодержавия. Но – и это любопытная и для него характерная черта – он все-таки конституционалистом не делался. Это многих его друзей удивляло. "Я присягал Самодержавному Государю и свое слово назад взять не могу", – он мне не раз говорил. Многим это казалось неискренне; что такое "присяга"? Но в этом отношении он был старомоден. Зато, когда сам Государь от Самодержавия отказался, он это приветствовал с радостью и за этот шаг монархии тогда все простил. Он стал "конституционалистом по Высочайшему повелению", как про него и про себя самого острил Хомяков. Конституционный строй, в его понимании, мог монархию оздоровить и спасти и провести все те реформы, необходимость которых он усвоил давно из первых же рук»¹.

В своем дневнике А.С. Суворин привел любопытное высказывание Стаховича: «Вот мое продуманное, проверенное и убежденнейшее мнение о политике: можно участвовать, но нельзя успевать – заметьте, нельзя успевать – доброму на войне, честному в торговле, правдивому в дипломатии и чистому в политике. Нельзя чистому преуспевать в политике». Суворин прокомментировал эту точку зрения: «Для этого есть слово: "компромисс"»².

Правые общественные деятели не видели принципиальных различий между кадетами и Стаховичем, часто называя последнего кадетом. У этой позиции было свое основание. Кадетские авторы всегда благожелательно писали о Стаховиче, полагая, что с ним можно найти в политике точки соприкосновения. Например, Н.И. Астров называл Стаховича и других либералов-центристов «нашим старые и добрые знакомые по земским съездам, по Бюро, которое созывало эти съезды». Для него это были «все свои, близкие, несмотря на то, что они расселись по разным секторам в амфитеатре Думы... Жаль, что некоторые из них засели на крайне правую. Но это, может быть, даже и полезно для полноты аккорда. Гейден, Ковалевский – эти не внесут дисгармонии»³.

---

¹ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 50.

² Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С. 415.

³ Астров Н.И. Воспоминания. М., 2000. С. 162.

Отметим, что на восприятие современниками отдельных черт Стаховича существенное влияние оказали революционные потрясения 1917 г., что можно проиллюстрировать на примере оценок его ораторского таланта. В эмиграции некоторые правые кадеты (Тыркова-Вильямс, Маклаков) подчеркивали ораторские способности Стаховича, который в их представлении противостоял радикализму Первой государственной думы, нес на себе всю тяжесть борьбы с ее левым большинством. Как писал Маклаков, «"Стиль 1-й Думы", ее нетерпеливость, нетерпимость, несправедливость к противникам, грубость, вытекавшая из сознания безнаказанности, словом, все то, что многих пленяло как "революционная атмосфера", оскорбляло не только его (*М.А. Стаховича – А.Е.*) политическое понимание, но и эстетическое чувство. Атмосфере этой он не поддавался и поэтому стал с ней бороться»¹. Естественно, в этой неравной борьбе Стахович должен был выглядеть блестящим оратором.

Однако если мы обратимся к текстам, написанным до 1917 г., то увидим в них довольно скромные оценки ораторского дара Стаховича. В.В. Розанов, услышавший его речи в I Государственной думе, писал: «Мне от некоторых приходилось слышать, что Стахович – лучший оратор в Думе: "Чисто русская форма красноречия, и говорит с верой в свое слово и с большим чувством родины". Мне не показалось это так: дикция его слаба и неясна сравнительно с дикцией Набокова, бесстрастна около Родичева, бессильна около Аладына»². Ковалевский также не был впечатлен ораторским даром Стаховича, который, по его наблюдениям, «мучительно испускал из себя с постоянным заиканием и каким-то хрипом заранее изготовленные длинные периоды, с наперед придуманными словечками»³.

Приведенные высказывания современников о Стаховиче позволяют сделать следующие выводы. В глазах политиков и общественных деятелей он являлся ярким представителем российского либерализма, из-за чего к реальным чертам его характера добав-

¹ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 50.

² Розанов В.В. Русская государственность и общество (статьи 1906 – 1907 гг.). М., 2003. С. 108.

³ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 404.

лялись сформировавшиеся в общественном сознании общие черты либерала. При таком подходе живой Стахович отходил на второй план, а в мемуарах складывался его образ, трактуемый в соответствии с политическими взглядами того или иного мемуариста.

МИХАИЛ СТАХОВИЧ И СЕРГЕЙ МУРОМЦЕВ. РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ – ЕДИНСТВО В РАЗНООБРАЗИИ

Изучение отечественной истории, тем более в периоды, когда российский социум переживал системный кризис, сталкивался с проблемой поиска модели выхода из кризиса, необходимого социального инструментария, уже давно стало предметом многочисленных исследований, в которых известное и весьма почетное место занимает ее либеральная составляющая. Данная ситуация вполне объяснима уже в силу того, что именно отечественным либералам принадлежало большинство проектов широкомасштабной модернизации экономического и социально-политического строя страны. Они мобилизовали лучшие интеллектуальные силы российского общества, создававшие в полном смысле слова инновационные сценарии модернизации догоняющего типа. Нельзя не отметить, чтобы не впасть в нескритическое восхищение российскими либералами, что они вполне справедливо подвергались критике современников за известное забегание вперед. Здесь позволим себе все-таки уточнить, что далеко не всегда модель реформирования должна ограничиваться решением текущих проблем, т.к. одной из ее задач (иначе она перестает быть моделью догоняющего развития), как нам представляется, выступает именно формирование непротиворечивого образа будущего. Это, соответственно, требует известного полета воображения, а искусство политика и ученого состоит в том, что бы избежать как сугубого практицизма, так и строительства воздушных замков, сколь бы заманчивым ни казался их проект.

Кстати нельзя не отметить, что именно из-за известного романтизма ряд современных исследователей отказывает россий-

---

¹ *Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии и истории ФГОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс».*

скому либерализму в праве претендовать на авторство реальных сценариев вывода России начала XX в. из системного кризиса. Эта позиция основана, как представляется, на использовании в качестве критерия оценки действий акторов российского политического процесса суровой мерки последовавшего революционного взрыва и трагических для российского социума событий Гражданской войны. Полагаем, что эти крайности не дают ответа на вопрос о том, чем же был все-таки интеллектуальный поиск российских либералов – еще одним вариантом маниловских мечтаний, столь свойственных думающей части российского общества на протяжении многих десятилетий, или квинтэссенцией «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

Ответ на этот вопрос дается, прежде всего, в исследованиях, комплексно анализирующих теоретическое, партийно-политическое, законотворческое наследие либералов. Однако весьма перспективными представляются попытки показать, насколько сложной была эволюция либеральной идеи в России, насколько многообразно было ее проявление через отдельную личность, судьбу конкретного человека и, прежде всего тех, кто волею судеб оказывался на острие политического процесса в начале XX в. – время, когда российские либералы при всех оговорках, известных разногласиях перешли от теоретических поисков к их практическому воплощению в законотворческой деятельности Государственной думы.

И именно на этом этапе, когда помимо декларируемых в едином порыве предыдущего периода общих целей, стоящих перед сторонниками либеральной модернизации страны, возникла необходимость определиться с теми методами, которые могут быть признаны в либеральной среде возможными и достаточными, между российскими либералами начинает проходить своеобразный водораздел. Он никоим образом не ставил неодолимой преграды между партийными организациями. Переход из одной в другую не был чем-то необычным и не рассматривался как некая измена ни исповедуемым взглядам, ни своим соратникам по борьбе. Правые кадеты, левые октябристы, партия мирного обновления и демокра-

тических реформ – вряд ли можно с математической точностью указать, где проходит идейная, организационная, административная граница между ними, если, конечно, не применять формализованные показатели, вроде решения партии о недопустимости совмещения членства в ней с участием в другой либеральной организации. Но если на уровне макро и мезо исследования подобной динамикой перехода и выбором, который делало то или иное число политически активных индивидов, депутатов Госдумы, вполне можно пренебречь, то для исследования, где мы рассматриваем политический процесс через призму восприятия отдельной личности, она становится весьма и весьма любопытной.

В протоколах Государственной думы, особенно Первого и Второго созыва, исследователь постоянно сталкивается с используемой в том или ином варианте своеобразной формулой о том, что мы (конкретная либеральная группа) имеем известные расхождения (как правило, кратко перечисляются), с другой либеральной группой (как правило кадетами), но общность исповедуемых целей подвигает нас к общему голосованию.

В том случае, когда степень расхождений взглядов, по мнению меньшинства, носила уже не столько технический, сколько принципиальный характер, решение могло быть иным. Своеобразной классикой жанра, как представляется, может быть решение, принятое Михаилом Стаховичем и его немногими соратниками в Первой думе. Он выступал против требования амнистии в той форме, как оно было предъявлено кадетским большинством Думы, настаивая на том, чтобы одновременно с требованием амнистии Дума обратилась с воззванием и к населению страны с призывом прекратить террор. Когда же его предложение не было принято, он, вместе с шестью депутатами, ушел из зала заседаний до голосования по проекту ответного Думского адреса на тронную речь.

В этой своеобразной политической щепетильности, как представляется, следует видеть самую сущность либерализма, который един именно в своем разнообразии. Либерализму, как таковому, в силу в силу того, что он основан на идее свободы, принципиально противопоказана жесткая унификация, ведущая к потере собствен-

но либеральной сущности данного общественного течения. Своеобразным символом этого направления либерального развития, как представляется, может быть именно Михаил Стахович, чья неуемная, ищущая натура не могла подчинять исповедуемые им взгляды формальной необходимости, как говорили в одной из партий, следовать принципу сохранения «единства рядов».

И своеобразный ответ Стаховича на Выборгское воззвание воспринимался современниками, коллегами по общественному движению отнюдь не как попытка угодить власти, свернуть освободительное знамя, а как присущая ему искренность мыслей и намерений.

Конечно, к этому не сводится все многообразие богатой личности Михаила Стаховича, вписавшего свою особую страницу в историю либерального движения в нашей стране. Но именно эти эпизоды, как впрочем и десятки иных, которые еще ждут своего вдумчивого биографа, показывают в нем особый тип российского либерала, на котором держится само движение, ибо они, суть, носители самых высоких морально-этических критериев. Хотя эти критерии далеко не всегда приносили непосредственные политические дивиденды, но в случае выбора у наших героев дилеммы выбора не возникало.

Несколько иной тип носителя либеральной идеи, являл собой современник Михаила Стаховича Сергей Муромцев. Формальное сравнение их политического пути, без учета многочисленных факторов, формировавших их позицию в тот или иной момент времени может подвигнуть к мысли о том, что у них больше общего, чем отличного. Однако, как нам представляется, Сергей Муромцев, хотя и стоял у истоков конституционно-демократической партии, о чем, начиная с 1911 г., непременно сообщают все его биографы (в т.ч. и автор этих строк), фактически партийной оргработой он не занимался, количество выступлений по вопросам, которые хотя бы с большой натяжкой можно отнести к общеполитическим, у него, мягко говоря, незначительно, а строго говоря они фактически отсутствуют. Основу его партийной работы (не считая личного спонсорства) составляла законотворческая работа в многочисленных ко-

миссиях, комитетах, специальных группах и т.п. созданных конституционно-демократической фракцией. Звездный час Муромцева – пост Председателя Первой Государственной думы, далеко не однозначно был воспринят его коллегами по партии. Равноудаленность спикера, его стремление представлять Парламент в целом, расценивались прагматиками как ослабление позиций партии, потеря мощного рычага влияния на ситуацию и в Думе, и в стране. Ретроспективно наиболее известными стали, если не обвинения, то определенные претензии по поводу возможности прямого обращения к императору, чего Муромцев не сделал. Он заслужил в связи с этим в мемуарах П.Н. Милюкова упрек в стремлении любой ценой держаться архаизирующего стиля парламентского поведения «председатель призван не был». С точки зрения партийной, прагматически ориентированной позиции, это, конечно, минус, но Муромцев как личность, не поступавшаяся исповедуемыми принципами, не мог переступить через себя в угоду политической конъюнктуре.

Известные моменты его биографии, и, прежде всего Выборгское воззвание, дают нам примеры обратного поведения Первого спикера, однако сохранившиеся, пусть и немногочисленные свидетельства его дальнейшей самооценки, показывают, что это было то, о чем Муромцев не раз жалел впоследствии. Наиболее показательным, скорее всего, является его оценка своей роли в Выборгском совещании, сведенная им к реплике «Настроение, понимаете ли».

Таким образом, Михаил Стахович и Сергей Муромцев являли собой разные типы либерального политика. Один из них менял окружающую реальность, создавая вокруг себя новые и новые миры и сущностные образы российского либерализма. Другой, поставив себя сызмальства на службу идее общей свободы, достигаемой мирными способами широкомасштабной правовой реформы, постоянно пытался совместить верность внутренним императивам с верностью партийной дисциплине, истоки чего полагаем возможным искать в юриспруденции, ставшей не просто профессией, но и частью личности Муромцева.

Но именно в единстве и разнообразии типов носителей российской либеральной идеи и заключалась ее сила и жизнеспособность. Хотя в начале века либерализм не был услышан и не был воспринят, что в целом характерно для обществ, находящихся на стадии системного кризиса, он на примере целого ряда своих видных представителей показал, что ему удалось пройти между Сциллой поглощающего личность коллективизма и Харибдой атомизирующего общество индивидуализма.

ОРЛОВЩИНА ПОЛИТИЧЕСКАЯ – ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ КАЛЕНДАРЕЙ НАЧАЛА ПРОШЛОГО ВЕКА

Начало XX в. стало для российского общества временем, когда к политической жизни обратились уже не отдельные, политически активные личности, а целые слои населения, ранее отлученные от нее по определению. На смену отдельным кампаниям, так или иначе замыкавшимся в рамках земств, росткам политического дискурса как одной из сторон уникальной русской усадебной культуры приходит массовое обращение к политике всех, кто не был равнодушен к судьбам страны, кто по-разному видел пути ее развития и по-своему любил ее. Каждый край России вписал свою особую страницу в этот сложный процесс, который формировался целой совокупностью факторов социального, экономического и ментального характера.

Характерной чертой данного процесса, во многом формировавшего особенности политического облика провинциальной России, стал выход на арену политической борьбы тех, кто возглавил либеральное движение, составив себе политическую известность своей предыдущей общественной деятельностью. Эти будущие лидеры прошли разный путь. Для одних дорогой в большую политику стало земство. Земство, в котором «заботами» центральной власти максимально были ограничены возможности интеграции в масштабе страны, земство, которое год от года подпадало под все больший и больший контроль со стороны губернской исполнительной власти. Но это было земство, где вызревала российская либеральная мысль, где в горниле практической работы первый российский либерализм и первые либералы фактически проходили школу конотворчества.

---

¹*Мосякин Иван Яковлевич – кандидат исторических наук, председатель Орловского областного Совета народных депутатов.*

Вспомним нашего выдающегося земляка Сергея Андреевича Муромцева, одной из граней таланта которого стало общественное служение в тульском и московском земстве. По такому вопросу, который сегодня никто и слушать бы не стал, сказав, что это мелкие проблемы ЖКХ (а речь на заседании земства шла об уборке снега и льда с городских улиц), он произнес фразу, ставшую своего рода примером, что в законотворчестве, чего бы оно ни касалось, будь то уборка снега или основы государственного строя мелочей не бывает. «Постановление, обязывающее городскую управу войти в переговоры с надлежащей властью о более точном соблюдении со стороны этой последней обязательного постановления Думы, – так сказал Муромцев, – не соответствовало бы ни достоинству власти, ни достоинству самой Думы»¹. Именно в этом был весь Муромцев, для которого не было мелочей, а уважение к авторитету учреждения, в котором он состоял, определяло и стиль его работы.

Нельзя не отметить, что именно в Орле после смерти Муромцева о нем помнили как о своем выдающемся земляке, хотя, к примеру, Городская Дума Санкт-Петербурга разделилась при голосовании и отказалась почтить его память вставанием. В нашем родном городе в 1910 г. приняли решение об увековечивании его памяти. Городская дума единогласно почтила память Первого спикера Государственной думы вставанием, в Борисоглебском соборе была отслужена панихида, а также принято решение о начале подписки на сооружение в память о Муромцеве в Орле просветительного учреждения². Случилось так, что вихри, промчавшиеся над нашей страной в начале XX в., не дали тогда исполнить намеченное и то, как мы считаем, историческое, постановление Орловской Городской думы выполнять довелось уже нам. В октябре 2010 г. в Орле в центре города был установлен первый и единственный в России бюст Сергею Андреевичу Муромцеву.

При всей значимости земской работы в биографии Муромцева он пришел в политику скорее как ученый-правовед, эксперт по конституционному праву, составлявшему основу либеральной модели

---

¹ Муромцев С.А. Статьи и речи. М., 1910. Вып. 4. С. 8.

² Венки на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910. С. 174.

реформирования страны, лежавшему в основе всей совокупности либеральных законопроектов, внесенных в Первую и Вторую Государственную думу.

Но есть в истории Орловского края в его прежних дореволюционных границах и те, для кого именно работа в земстве и с земством на благо народа в самом широком смысле слова составила смысл их деятельности в допарламентский период. К их числу прежде всего можно отнести братьев М.А. и А.А. Стаховичей, каждый из которых вписал свою страницу в историю и нашего края, и России, но в юбилейный год мы конечно же говорим о Михаиле Стаховиче – дворянине, человеке, искренне преданном России, не хотевшем, а, по большому счету, и не умевшем идти на компромисс со своей совестью в угоду политической целесообразности.

Он расходился со многими либералами. Расходился там, где, если говорить о методологических аспектах изучения политической истории России, наверное и находится тот критерий, по которому мы можем отличить друг от друга политические партии и течения, независимо от того, что записано в их официальных программах и размножено в агитационных материалах. Речь идет о методах преобразований общественно-политического строя страны. Методах, приемлемых и допустимых конкретным политическим течением. Здесь и именно здесь проходит водораздел между теми, для кого «кровь людская не водица» и теми, кто ради своей фантазии наслаждаться чистым светом готов превратить разнообразие мира в голую пустыню.

Стахович не пытался идти в общелиберальном строю, активно критикуя своих союзников по либеральному лагерю, прежде всего кадетов, за излишний, как ему представлялось, радикализм программных установок и способы их реализации, избыточное давление на «власть предержащих», видя здесь большее зло, чем то, которое доставляла обществу историческая власть. Он предпочитал видеть в складывающейся в эпоху революционных катаклизмов палитре гораздо больше цветов и оттенков, чем многие из его коллег, которых, можно сказать, пьянил воздух революции. Михаил Стахович также не забыт на Орловской земле, хотя научному сообществу

надо еще подумать, как сохранить память о нем для будущих поколений.

Но не только политиками-практиками вошла Орловщина в век двадцатый. Тут можно было назвать и Петра Аркадьевича Столыпина, увековечивание памяти которого запланировано в 2011 г. Даже такой, наверное, незаслуженно забытый депутат Государственной думы от нашей губернии как Александр Николаевич Хвостов может предстать не как пример завязтого реакционера, а человек, наделенный некой, как сказали бы теперь, инновационной жилкой.

Но год 2011 в истории страны и области особый. Ста пятидесятилетний юбилей Михаила Стаховича совпал с юбилеем еще одного нашего незаслуженно забытого земляка, чье наследие только сегодня в полной мере начинает возвращаться к нам. Борис Константинович Зайцев. В начале XX в. он становится одним из самых авторитетных русских писателей, активно участвует в общественной и литературной жизни Москвы и Петербурга. В 1921 г. он избирается председателем Всероссийского Союза писателей. Однако неприятие Советской власти заставило Зайцева эмигрировать. В 1922 г. он с семьей выезжает на лечение в Берлин, а с 1924 г. обосновывается в Париже, где и проходит его почти полувековой период эмигрантского творчества. Зайцев стал одним из лидеров русской культуры в эмиграции. Он печатался почти во всех изданиях Русского зарубежья, организовывал литературные вечера и встречи, поддерживал дружеские отношения с И. Буниным, А. Ремизовым, Д. Мережковским, З. Гиппиус, А. Куприным, И. Шмелевым, М. Осоргиным и др., вел переписку с Б. Пастернаком, А. Ахматовой, К. Паустовским.

Зайцев известен и как вдумчивый критик и литературовед. Его очерки и мемуары о деятелях русской культуры (среди которых Блок, Белый, Бальмонт, Вяч. Иванов, Бердяев, Ал. Бенуа, Муратов, Мочульский, Бунин, Шмелев, Цветаева, Ремизов, Мережковский, А. Толстой и др.), собранные в книгах «Москва», «Далекое», «Братья-писатели», остаются непревзойденными по спокойной объективности и глубине постижения духовной сущности человека. Перу писателя принадлежат романизированные биографии «Жизнь Тургене-

ва» (Париж, 1932), «Жуковский» (Париж, 1951), «Чехов» (Нью-Йорк, 1954). Борис Зайцев стал для Орловщины примером того, как человек либеральных взглядов влияет на общество, не входя в жесткий политический стык, не занимаясь тем, что называется партполитработой, но самым фактом своего бытия, своего творчества он оказывает влияние на окружающий его мир. А в случае с нашим героем это продолжается и после того, как он оставил этот мир. Живут его книги, его идеи, его мысли. И это, можно сказать наверное о каждом, кто был искренен в своих поступках, мыслях, мечтах в начале прошлого века.

И это еще одна из сторон российского либерализма, в котором каждый из названных сегодня героев являл собой звезду первой величины, сиявшей не отраженным, а своим, особым светом. А вместе они явили миру ту уникальную политическую культуру, которую мы с полным правом называем российским либерализмом, основанную на глубинном, сущностном понимании российской культуры и ментальности, неприятия наносящих ущерб личности и обществу методов социальных преобразований, для представителей которой критерием правильности их действий служили глубинные морально-этические нормы, усвоенные ими в ходе всей жизни.

«...ПО ЧИСТОЙ И ПРЕДАННОЙ СОВЕСТИ, ПО УБЕЖДЕНИЯМ, ПО ПРАВДЕ...»: М.А. СТАХОВИЧ В ОРЛОВСКОМ ГУБЕРНСКОМ КОМИТЕТЕ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В период пребывания Михаила Александровича Стаховича на посту орловского губернского предводителя дворянства (1895–1907 гг.) одним из знаменательных эпизодов его деятельности стало участие в работе Орловского губернского комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Особое совещание было учреждено 22 января 1902 г. Его председателем и идейным вдохновителем был министр финансов С.Ю. Витте. Задачей Особого совещания было выяснение важнейших проблем сельскохозяйственной промышленности, находившейся в начале XX в. в неудовлетворительном для своего времени состоянии, и определение мер, содействующих ее развитию. В образованную в Петербурге структуру были включены министры земледелия и государственных имуществ, внутренних дел и другие лица по Высочайшему назначению, а также приглашенные председателем деятели с совещательным голосом. При совещании было образовано 12 подготовительных комиссий. По итогам работы Особого совещания его заключения должны были быть представлены императору.

Для создания объективной картины состояния сельского хозяйства и сопряженных с ним «отраслей народного труда», для выработки предложений с мест были образованы губернские и уездные комитеты. Всего в России было организовано 82 губернских и 536 уездных комитетов. В общей сложности в них участвовало приблизительно 12–12,5 тыс. человек. Комитеты должны были работать по Высочайше утвержденной программе.

В состав Орловского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности вошло 73 человека. Первоначально

---

¹ Алымова Нина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета.

председателем комитета был орловский губернатор Г.И. Кристи, затем его сменил исполнявший должность губернатора К.А. Балясный. В комитет были включены лица, занимавшие выборные дворянские и земские должности, местные чины заинтересованных ведомств – 33 человека¹. Первым среди них был губернский предводитель дворянства М.А. Стахович. В комитет входили предводители дворянства и председатели земских управ всех 12 уездов губернии, председатель и четыре члена Орловской губернской земской управы, управляющий Орловской казенной палатой П.Н. Сергеевский, управляющий государственными имуществами Курской и Орловской губерний Н.В. Грудистов, уполномоченный по сельскохозяйственной части Орловской губернии К.П. Лукьянович и другие.

Председателем комитета было приглашено еще 39 человек, участие которых признавалось полезным для дела. Среди них 14 землевладельцев Орловской губернии разных уездов, в том числе Малоархангельского – князь Б.А. Куракин, Елецкого – С.С. Бехтеев, А.Д. Поленов, а также маклеры Орловской и Елецкой бирж Н.Ф. Паршин и И.А. Иванюшенков, председатели Болховского и Елецкого обществ сельского хозяйства Н.И. Джакели и Е.Я. Бахтеяров, земские начальники Дмитровского, Елецкого, Болховского уездов, управляющий Орловским отделением Государственного банка С.И. Астафьев, директор коммерческого банка В.Э. Ромер, орловский городской голова Д.А. Карпов, редактор неофициальной части «Орловских губернских ведомостей» М.Н. Оловеников, директор народных училищ И.А. Бойчевский и другие.

В составе Орловского губернского комитета были те, кто впоследствии станет активным участником политической жизни губернии начала XX в. Как известно, М. Стахович избирался депутатом I и II Дум. Членами губернского комитета были: Ф.В. Татаринов – председатель Орловской уездной управы (с 1905 г. председатель губернского комитета кадетской партии, депутат I и II Дум), С.А. Володимеров – Орловский уездный предводитель дворянства (в 1905 г. один из учредителей монархического Орловского Союза законо-

---

¹Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVIII. Орловская губерния. С.-Петербург, 1903. С. 1-2.

сти и порядка, позже слившегося с Союзом русского народа, депутат III Думы), А.А. Стахович – Елецкий уездный предводитель дворянства (депутат II Думы, видный деятель кадетской партии), Н.В. Васич – Дмитровский уездный предводитель дворянства (депутат III Думы, октябрист), В.А. Потулов – председатель Малоархангельской уездной земской управы (депутат III и IV Дум, октябрист). Некоторые из членов уездных комитетов также позднее были избраны в Государственную думу: М.А. Новицкий – землевладелец Малоархангельского уезда (депутат III Думы, правый октябрист), А.А. Федоров – земский начальник Севского уезда (депутат III Думы, прогрессист) и другие.

М. Стахович придавал большое значение работе Особого совещания. Он, ценивший возможность диалога и сотрудничества общества с властью¹, считал, что участники комитетов должны «по чистой и преданной совести, по убеждениям, по правде дать ответ Царю, вопрошавшему свою землю», на важнейшие вопросы современности². Он был не только одним из главных действующих лиц Орловского губернского комитета, но и входил в состав Елецкого уездного комитета, который возглавлял его брат Александр Александрович Стахович. Кстати, Елецкий комитет из всех орловских уездных комитетов был наиболее продуктивным, в чем была немалая заслуга Александра Александровича и всей семьи Стаховичей. Если, например, материалы Дмитровского уездного комитета поместились на 4 страницах, из более чем семисот страниц всего тома, посвященного трудам Особого совещания в Орловской губернии, то протоколы заседаний, 26 докладов Елецкого комитета заняли 204 страницы.

С 21 июня 1902 г. по 10 февраля 1903 г. состоялось 18 заседаний Орловского губернского комитета. Первое заседание носило организационный «совещательно-распорядительный» характер и наметило общий план действий. С 24 января 1903 г. по 10 февраля

---

¹См.: Кара-Мурза А.А. Михаил Александрович Стахович: «Бороться можно с правительством, а не государством...» // Орловские либералы: люди, события, эпоха. Орел, 2010. С. 58.

²Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 7.

1903 г. состоялось еще 17 заседаний для суммирования заключений уездных комитетов и принятия по ним постановлений губернского комитета. М. Стахович присутствовал и выступал на 14 заседаниях. Показательно, по каким вопросам Михаил Александрович включался в прения.

На первом заседании 21 июня 1902 г. председатель Орловской губернской земской управы С.Н. Маслов представил записку председателей губернской и уездных земских управ с заявлением о несогласии с устранением от работы в рамках Особого совещания земских учреждений, тех, кто «близко стоит к земледелию и кому лучше всего известны его слабые стороны и насущные требования», кто хорошо осведомлен о потребностях и нуждах населения. Также в записке содержалось предложение губернскому комитету возбудить перед Особым совещанием ходатайство, подобное тому, которое составило чрезвычайное Орловское губернское земское собрание в феврале 1902 г., о допуске к участию в работах Особого совещания выборных от губернских земских собраний. Несмотря на то, что на этом этапе деятельности Особого совещания, когда правила его работы уже были определены, выступление С.Н. Маслова носило декларативный характер, М. Стахович счел необходимым солидаризироваться с мнением орловских земцев¹.

Второй пункт, по которому выступал М. Стахович, был вопрос о гласности заседаний губернского и уездных комитетов. В выступлении Маслова заявлялось, что в какой-то мере компенсировать отсутствие выборных от земств могло бы максимальное осведомление избирателей и всего населения о работе уездных и губернского комитетов, для чего необходимо свободное обсуждение в местной печати финансово-экономических и юридических вопросов, имеющих отношение к задачам совещания. Это заявление М. Стахович активно поддержал и предложил его рассматривать как обращение к председателю комитета, обязательное для принятия какого-либо решения. Аргументируя свою позицию, Стахович цитировал документы Особого совещания, в которых говорилось о том, что «насущные вопросы должны обсуждаться при участии всех, чьи ин-

---

¹Там же. С. 4.

тересы они затрагивают», обращал внимание на то, что оно само уже печатает в «Вестнике финансов» все поступающие на его рассмотрение труды, следовательно, местные комитеты должны последовать его примеру.

Губернатор Кристи, не отказываясь от этого предложения в принципе, заявлял о необходимости некоторого ограничения таких публикаций, ссылаясь на действовавшие цензурные правила, на опасность того, что будет затронуто достоинство самих комитетов, возражал против приглашения репортеров на заседания комитетов. На стороне губернатора активно выступал Кромской предводитель дворянства В.А. Шеншин, который считал возможной публикацию мнений от уездов только после их рассмотрения губернским комитетом.

Михаила Александровича поддержали Маслов и «елецкая группа»: А. Стахович, председатель Елецкой уездной управы П.Я. Бахтеяров, маклер Елецкой биржи Иванюшенков. В итоге собрание высказалось за желательность публикации журналов комитетов и трудов, в них поступающих, за допущение на заседания комитетов репортеров при получении на это надлежащего разрешения¹.

Программа занятий Особого совещания касалась исключительно экономических и агрономических условий сельского хозяйства и включала 26 пунктов. Например, распространение сельскохозяйственного знания и умения, улучшение и развитие сельскохозяйственного опытного дела, борьба с врагами сельского хозяйства (оврагами, песками, болотами, эпизоотиями, вредителями сельскохозяйственных культур), содействие мерам к уменьшению пожаров и т.д. Вместе с тем, комитетам было предоставлено право выдвигать на обсуждение дополнительные вопросы, от решения которых зависел, по местным условиям, подъем сельского хозяйства. На том же заседании губернского комитета 21 июня 1902 г. А. Стахович счел необходимым напомнить заседанию об этом праве и уточнить его пределы.

Председатель Комитета попытался склонить собрание к пониманию рекомендаций Особого совещания и циркуляра его предсе-

---

¹Там же. С. 5.

дателя за № 270 как указание выяснять лишь «ближайшие нужды сельского хозяйства» и не заниматься «слишком широким обсуждением общих вопросов». В своем возражении М. Стахович обратил внимание на то, что в журналах Особого совещания не было указаний по ограничению обсуждаемых вопросов, и защищал право местных комитетов шире использовать представленные возможности, ставить проблемы не только в «узко-специальном», но и в «в широком смысле»¹.

О значении этого эпизода работы губернского комитета свидетельствовал дальнейший ход событий. Перед началом основных заседаний Елецкого комитета А. Стаховичу, как уездному предводителю дворянства, было отправлено официальное письмо Орловского губернатора от 5 ноября 1902 г. с предупреждением не включать в программу своих занятий «общие вопросы государственной жизни», не направлять деятельность комитета на «ложный и нежелательный путь». В противном случае губернатор предупреждал, что работы Елецкого комитета не будут приняты к рассмотрению. В ответ на это А. Стахович на заседании уездного комитета 10 ноября 1902 г. заявил, что указания председателя губернского комитета не согласуются с «В ы с о ч а й ш е утвержденным» положением о местных комитетах и с «опубликованными циркулярными разъяснениями г. Председателя Особого совещания», о чем будет письменно сообщено председателю губернского комитета².

По представленным в конце 1902 – начале 1903 гг. в губернский комитет заключениям уездных комитетов выяснилось, что четыре из них (Елецкий, Ливенский, Малоархангельский, Орловский) поставили на обсуждение большую группу «общих» вопросов (в меньшей степени их затронули Брянский, Болховский, Карачевский, Кромской комитеты).

Следующим этапом борьбы за обсуждение вопросов общегосударственного характера стало заседание Орловского губернского комитета 24 января 1903 г., на котором началось рассмотрение материалов из уездов. Собраннымися вновь был поднят вопрос о со-

---

¹ Там же. С. 5-6.

² Там же. С. 324-325.

отношении «частных» и «общих» проблем сельскохозяйственной промышленности и порядке их рассмотрения. М. Стахович выступил с предложением в первую очередь обсуждать «коренные меры», «принципиальные», «главные», от которых зависело решение всех предложений по подъему сельского хозяйства, представленных уездными комитетами. Свою точку зрения он мотивировал тем, что по действовавшим правилам участники собрания могли принять такое решение. Во-вторых, М. Стахович отмечал, что перечень отдельных мероприятий, разработанных уездными комитетами, – это меры, находившиеся «в неизбежной зависимости от необходимого подъема благосостояния, от приобщения огромного народа к цивилизации, от упорядочения его правового строя, водворения гражданской правоспособности и приобретения им главного человеческого блага и величайшей творческой силы – свободы личности». А потому, обсуждая частные вопросы, участники собрания неизбежно будут обращаться к общим вопросам и формулировать по ним свою позицию. Кроме того, М. Стахович опасался того, что, искусственно относя эти вопросы под конец работы губернского комитета, «намекая на второстепенность этих общих нужд, ставя под угрозу утомления, даже разъезда участников, мы в себе подрываем с самого начала надежду на успех»¹. Михаила Александровича поддержал А. Стахович, Маслов, Татаринов и другие. Им настойчиво противодействовали орловский губернатор Балясный, орловский уездный предводитель дворянства Володимеров.

Попытка Балясного, используя свое положение председателя комитета направить ход прений по своему плану, встретила аргументированный отпор со стороны М. Стаховича и его сторонников. При обсуждении вопроса о распространении сельскохозяйственных знаний, развитии сельскохозяйственных школ они убедительно доказали, что эта проблема не может быть решена без развития низшего образования в целом, что она связана с вопросом о поиске средств для этих целей и требует обсуждения финансовой политики правительства вообще и налоговой в частности.

---

¹Там же. С. 6-7.

В результате М. Стаховичу и его сторонникам удалось добиться компромиссного, но, пожалуй, оптимального решения. Итоговые документы Орловского губернского комитета были разделены на две части. В первой из них был помещен свод заключений уездных комитетов Орловской губернии и постановлений губернского комитета по пунктам программы Особого совещания. Вторая часть включала мнения уездных комитетов и заключений по ним губернского комитета «об общих мерах для поднятия сельского хозяйства».

Во второй части общие вопросы были систематизированы в шесть групп¹. В первой содержались предложения по изменению финансовой политики правительства, включая ослабление налогового бремени, отмену выкупных платежей, уменьшение косвенных налогов и т.д. Вторая группа рассматривала вопросы развития народного образования. В их разработку большой вклад внес А. Стахович, на протяжении ряда лет возглавлявший в Елецком уезде училищный совет и обосновавший обширную программу преобразований в сфере просвещения². Третья часть посвящалась проблеме уравнивания крестьян в правах с другими сословиями. Четвертая включала вопросы развития системы земского самоуправления. В пятой группе был поставлен вопрос о необходимости преобразования местного суда (волостного суда и судебных функций земских начальников). Шестая часть была посвящена проблеме децентрализации власти и реорганизации административно-полицейской службы в деревне.

Большой вклад в разработку вопросов четвертой и шестой групп внес М. Стахович. Как член Елецкого уездного комитета, он подготовил доклад по теме, наиболее ему близкой, одной из основных в его политических размышлениях, «О развитии самостоятельности и правильной постановке учреждений местного самоуправления».

В своем докладе Михаил Александрович придавал большое значение Особому совещанию в проявлении инициативы в осу-

---

¹ Там же. С. 263-278.

² Вострикова В.В. Александр Александрович Стахович: «...для нас хорош только путь легальный» // Орловские либералы: люди, события, эпоха. С. 83.

ществлении мероприятий, необходимых для интенсификации сельского хозяйства, роли казны в поддержке части необходимых для этого расходов. Но основную роль во внедрении предложенных мер в жизнь могли, по мнению М. Стаховича, сыграть лишь «степень самодеятельности отдельного хозяина и целых обществ».

Под самодеятельностью человека Стахович понимал способность его к «самодеятельному развитию своих сил». Михаил Александрович считал, что в русском народе это качество почти отсутствует из-за 300-летнего существования крепостнических отношений. Этим недостатком, по его мнению, страдало и русское общество. Стахович считал основным проявлением самодеятельности общества его самоуправление, и «поскольку оно здорово и сильно, постольку будут удовлетворены потребности общества и использованы его силы». Стахович был убежден, что «современное положение местных органов и взаимное их с центральными отношение» не соответствует понятию законного, сильного и надежного самоуправления, способного решать вопросы, поставленные временем даже в сфере сельскохозяйственной промышленности¹.

В своем докладе Стахович сформулировал предложения по реорганизации системы местного самоуправления, которые соответствовали позициям умеренного крыла российского либерализма начала XX в. Они были полностью включены в «Программную сводку работ Елецкого комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности»: «Местные учреждения должны быть непременно самостоятельными в инициативе и распорядителями своей жизни. Полезен «контроль» Правительства над земской деятельностью, а не распоряжение ею. Правительство ее контролирует не как воспитатель отрока, а как закон нормирует жизнь взрослого гражданина. Такое здоровое положение не может быть достигнуто местными учреждениями без: а) пересмотра Положения 1890 г. и б) без ослабления установившейся во всех ведомствах бюрократической централизации. Положение 1890 года следует пересмотреть с целью:

---

¹Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 508, 509, 511.

1) сделать земские учреждения вновь бессловными, также как независимы от сословного происхождения ведомая ими область и нужды сельскохозяйственного промысла;

2) сделать их более выгодными своему назначению, приблизив их к населению, связав потеснее потребности местной жизни, остающиеся без удовлетворения, с органами самоуправления. Приближение может быть достигнуто сокращением основной единицы, для которой уезд слишком крупен и разносторонен. Нужна более мелкая, но земская же единица, т. е. выборная, ведущая местные пользы и нужды и владеющая правом самообложения. Чтобы теснее связать земство с населением, должно расширить круг избирателей путем понижения цензов: имущественного для всех и возрастного для лиц с высшим и средним образованием;

3) состав Губернского и Уездного Земских Собраний должен быть значительно увеличен, в виду сложности и постепенного разрастания земского хозяйства»¹.

Также в резолюции содержалось предложение передать земству ряд дел ведомства губернских Правлений (межевого, строительного-технического и врачебного отделов), а также продовольственное дело, земское обложение предлагалось распространить на все местные источники государственных налогов.

Впоследствии Орловский губернский комитет, признав, что большинство намеченных мероприятий для поднятия сельскохозяйственного промысла, «могут быть проведены в жизнь только через посредство местных земских учреждений», включил эти предложения в более краткой форме в свое постановление по четвертой группе «общих вопросов»², присоединив к ним в качестве примечания доклад М. Стаховича.

В шестую часть «общих» вопросов вошли и другие положения, сформулированные М. Стаховичем и включенные в решения Елецкого комитета, о необходимости ослабить «крайнюю бюрократическую централизацию, задерживающую общественную инициативу,

---

¹Там же. С. 334.

²Там же. С. 273-274.

истощающую всякую энергию, способствующую всякого рода злоупотреблениям, заваливающую всякое высшее правительственное учреждение тяжелым балластом». Стахович высказывался за децентрализацию власти и «за последовательное проведение в административном строе логического принципа, что никакое частное или общественное начинание, если оно не противоречит законам и не задевает общегосударственных интересов, не нуждается в особом разрешении и не должно восходить до высшего Правительства»¹.

В разделе, посвященном шестой группе «общих» вопросов, поместив заключение Елецкого комитета по докладу М. Стаховича, губернский комитет в своем постановлении в более краткой и смягченной форме все же высказался за «децентрализацию власти, в силу которой все дела, теперь восходящие на решение высшего Правительства и требующие для освещения перед ним заключения его представителя на месте», необходимо предоставлять решению этого представителя. «Должно не массу дел переносить из губернии в Петербург, а, наоборот, присланным представителям доверить пригодные полномочия»².

Бесспорно, далеко не все значимые вопросы участия М. Стаховича в работе Орловского губернского комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности нашли отражение в данной статье. Однако в целом следует признать заслугу Михаила Александровича и его единомышленников в том, что значительная часть постановлений Орловского губернского комитета, несмотря на противодействие консервативных сил, была принята в либеральной формулировке.

Особое совещание было упразднено 30 марта 1905 г. Несмотря на огромную работу, сделанную его центральными и

---

¹ Там же. С. 277, 513.

² Там же. С. 278.

местными учреждениями, законодательное разрешение получили немногие и отнюдь не самые важные и острые вопросы, рассмотренные в его рамках. Однако широкий обмен мнениями по важнейшим проблемам российской действительности в период деятельности Особого совещания, гласность работы его комитетов способствовали дальнейшему развитию общественного сознания и консолидации либеральных сил. Свой вклад в этот процесс внес и М.А. Стахович.

ЛИБЕРАЛЫ-ЦЕНТРИСТЫ О РОЛИ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ РОССИИ*

Признание своеобразия русского либерализма как отражения многогранности отечественной культуры и особенностей российского исторического процесса уже достаточно «укоренилось» в науке. «Умеренно-западническое» мировоззрение русских либералов, чуждое крайностям консерватизма и радикализма, зачастую органично сочеталось со взглядами, созвучными как народническим представлениям, так и близкими к «охранительной» традиции. Одним из проявлений либерально-консервативного синтеза является, на наш взгляд, отношение либералов к религии и церкви. Не претендуя на «всеохватность» и полноту анализа, в рамках данной статьи предполагается обозначить лишь некоторые ключевые позиции в названном проблемном поле, акцентируя внимание на характеристике либералов-центристов, известных в свое время как «умеренные либералы», «прогрессисты». В начале XX в. они искали собственную нишу в общественном движении, не «вписываясь» в рамки кадетизма и октябризма. Одной из «площадок», на которых в конце XIX – начале XX вв. происходило оформление центризма в русском либерализме, стала пресса партийных (Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов) и беспартийных «прогрессистов». Прежде всего, это журналы «Вестник Европы» (1866-1918) и «Московский еженедельник» (1906-1910), а также газеты «Страна» (1906-1907), «Слово» (1906-1909), «Утро России» (1907; 1909-1918), «Русская молва» (1912-1913). Сочувствие идеям либерального центризма также было характерной чертой целого ряда других изданий («Русские ведомости», «Наша жизнь», «Рус-

---

¹ Хайлова Нина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член Совета Фонда «Русское либеральное наследие».

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00168а.

ская мысль», «Без заглавия», «Полярная звезда», «Свобода и культура» и др.).

В эпоху реформ и революций начала XX в. именно либералы-центристы наиболее последовательно проводили мысль о необходимости «считаться с историческим прошлым» в процессе поиска путей обновления русской жизни. Характеризуя «революционность, с соотносительной ей контрреволюционностью или реакционностью, как [...] болезнь и симптом общественной слабости», они заявили о себе как безусловные противники насилия в любых формах, приверженцы «органического прогресса» («почвенники», «постепеновцы»)¹, тем самым подчеркивая свое «родство» со славянофилами. При обсуждении ситуации в русском обществе в начале XX в. не раз обращаясь к авторитетам А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, либералы-центристы характеризовали славянофильство как «первую попытку нашего общественного самосознания в области церковного вопроса»². Признавая за славянофилами новаторство в постановке вопроса о свободе совести, а также придании всеобъемлющего значения церковной жизни (выдвижение на первый план понятия «вселенской церкви», тесно связанного с вопросом о соединении церквей), либералы-центристы, в свою очередь, сыграли роль «первопроходцев» в политической жизни начала XX в., раньше других подняв тогда на должную высоту вопрос о роли религии и церкви в общественном переустройстве. Они были убеждены в том, что оппозиционные партии должны всерьез реагировать на религиозные запросы русского общества, не ограничиваясь декларациями о свободе вероисповедания.

Последователи славянофилов – это целый ряд «знаковых» фигур в истории русской общественной мысли, особое место среди которых занимает Вл.С. Соловьев, также оказавший мощное влияние на идеологию русского либерализма и, прежде всего, его центристского течения, «выкристаллизовавшегося» благодаря усилиям целого ряда философов, общественных и государственных деятелей (кн. Е.Н. и С.Н. Трубецкие, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев,

---

¹ Московский еженедельник. 1910. № 8. Стб. 29.

² Там же. 1906. № 5. С. 138.

С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, В.А. Караулов, Д.Н. Шипов, кн. А.Д. Оболенский, кн. С.Д. Урусов, и др.). «Умеренным либералом», убежденным сторонником демократических реформ в русле преобразований, намеченных еще в эпоху Великих реформ Александра II, был и М.А. Стахович. По словам М.М. Ковалевского, Стахович именно у Вл. Соловьева научился «соединять православие с проповедью свободы совести»¹. Характерной чертой взглядов либералов-центристов в той или иной мере являлась религиозно-философская трактовка политико-правовых явлений², сочувствие идеям религиозной «реформации».

Следует заметить, что характеристика отношения прогрессистов к религии и церкви является примером, иллюстрирующим существенные трудности идентификации приверженности того или иного деятеля к центристскому течению в либерализме. Уже современников ставила в тупик невозможность уложить взгляды славянофилов и их последователей – либералов начала XX в. в «прокрустово ложе» какой-либо доктрины. Так, по воспоминаниям Ковалевского, для многих оставалось загадкой, «как мог он [Соловьев] оставаться одновременно близким человеком к Каткову и к Ив[ану] Серг[еевичу] Аксакову, и к Ф.М. Достоевскому, и рядом с этим быть любимцем Стасюлевича и всего кружка "Вестника Европы"». Характеризуя «неразбериху» во взглядах Соловьева на религиозный вопрос, Ковалевский замечал: «Я слышал от патера Пирлинга, – известного иезуита [...], что Соловьев, не перешедши формально в католицизм, был его горячим его сторонником и получил от папы Льва XIII благословение. Но встретившись в Париже в одном обществе с Ренаном, он, на вопрос последнего: "Что даст миру Россия?" – ответил: "Она утвердит торжество православия"»³. Представляется, что сам же Ковалевский и приблизился к разгадке указанных «противоречий». Терпимость к чужим мнениям, осознаваемая как нравственный долг, – именно такой «ключ» он предложил для по-

¹ Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 174.

² См. подробнее: Вострикова В.В. Российские либеральные мыслители начала XX в. о роли религии в общественной жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2008. № 4. С. 36-43.

³ Ковалевский М.М. Указ. соч. С.173.

нимания фундаментальных основ мировоззрения близких ему по духу представителей русской общественной мысли. «Терпимость – это религия будущего. Терпимость основана на уважении к ближнему, как к равному себе. Без терпимости нет свободы»¹, – эти слова немецкого поэта Г. Гауптмана выражали жизненное кредо и самого Ковалевского, на пороге XX столетия осознававшего важность для России (и не только) формирования «нового сознания». «Нужно полное перевоспитание русского общества, коренное изменение его психического склада, новое самоопределение народного характера», – формулировал долгосрочную задачу Е.Н. Трубецкой².

«Одними внешними мерами не дано нам устроить жизнь, [...] возрождение должно пойти из глубины, так, как зарастают изнутри глубокие и тяжелые раны, не поддающиеся наружному заживлению», – писал С. Трубецкой. По его словам, строительство новой России требовало «особой внутренней выправки личности, при которой духовный центр тяжести лежал бы не в подвижных волнах временного, но в неподвижности Вечного». В этой связи особая роль отводилась христианской религии, которая «воспитывает в чувстве смирения пред неисповедимым путем Промысла, в сознании ограниченности личных сил, но, вместе с тем, и в чувстве ответственности за личное свое поведение». По словам С. Трубецкого, именно такой «душевный настрой великих исторических народов Европы» стал историческим фундаментом их государственного строительства. Обосновывая тезис о «религиозном смысле истории», «прогрессисты» заявляли о недопустимости политического утилитаризма в вопросах религии, отношения к ней как к средству («приправе для политической похлебки»): «Идеал христианский – не революция, не реакция, но, по возможности, по слову ап. Павла, "тихая и безмятежная жизнь", т.е., стало быть, органический рост и мирное развитие. [...] Можно быть вынужденным при известной совокупности обстоятельств и на революцию, но политическая "революционность" (и "реакционность"), как настроение, конечно, не может считаться христианской добродетелью и еще менее может

---

¹ Запросы жизни. 1912. № 45. Стб. 2579.

² Московский еженедельник. 1907. № 35. С. 6.

быть возведена в идеал». Либералы-центристы видели «великое духовное искушение для современной России» в преобладании двух непримиримых настроений, революционного и реакционного, в отсутствии «исторической диагонали сил». При этом они считали неприемлемым такой способ преодоления сложившейся драматичной ситуации, как создание христианской партии («которая будет безапелляционно решать вопросы о наилучшей форме общежития и все вообще вопросы текущей политики»), поскольку «единодушные, даже при полной чистоте сердца и даже святости жизни, никогда не будут исключать различия складов ума, степени образования, темпераментов и возрастов»¹. Гораздо более действенным путем к сближению единомышленников, озабоченных построением в России «нового общества», прогрессисты считали не партийную, а «национальную организацию», при этом подчеркивая, что «она – венец здания, а нужна закладка фундамента – культурная работа, которая соберет вокруг себя все наличные прогрессивные силы и вызовет из недр народа новые»².

В условиях «внутренней распри» и «глубочайшего кризиса духа» именно «культурную работу» либералы-центристы ставили во главу угла в деле «духовного собирания России». Они призывали своих соотечественников из разных политических лагерей к «жертвам терпимости, самоограничения, беспристрастия»³, консолидации на основе ценностей «христианского универсализма» (как противоположности национализма). Связь либералов-центристов со славянофильством просматривалась также в трактовке таких ключевых понятий, как «личность» и «свобода», а также – в представлении о мессианском предназначении России. «Быть может, затем именно Россия и опоздала в своих политических формах и приемах, чтобы ценою долгих терпеливых страданий выйти на широкий светлый путь реформ с еще свежее-наболевшей душой, для которой несчастье ближнего – свое несчастье. Быть может, именно нам бескровно и радостно удастся ближе всех подойти к разрешению

---

¹ Там же. С. 25-26.

² Там же. № 42. С. 55-56.

³ Там же. 1910. № 8. Стб. 36.

великой исторической задачи создания такого желанного "общества будущего", в котором [...] окажутся лишними только три человека: палач, отверженный и нищий», – заявлял с надеждой член Партии демократических реформ, известный юрист Н.П. Карабчевский¹. «Славянофилы были универсалистами и общественниками, они дорожили религиозным смыслом истории и в центре у них была религиозная идея национального миссионизма», – разъяснял Бердяев. Он и его единомышленники разделяли убежденность славянофилов в невозможности «вырвать» личность из «организма церковного, из органического процесса истории с его традициями и заветами»: «Славянофилы боролись за целостность личности, за духовное ее ядро, но боролись против протестантского индивидуализма, оторвавшего это ядро от преемственных традиций соборности. Идея органической соборности – центральная в славянофильстве, без соборности нет целостной жизни духа. [...] Все общественное и историческое не может быть рассматриваемо как внешнее. Духовной реальностью обладает не только индивидуальное, но и общее, не только личность, но и исторические тела. Думая о спасении своей души, мы тем самым принуждены думать и о спасении России, человечества и мира. Иначе и свои души не спасем»². «Карьера, успех, власть, богатство, слава – все это мишени. Цель должна быть одна – жить как возможно полнее, глубже, всестороннее. Жить на людях и для людей», – эти слова Стаховича можно считать манифестом многих русских либералов начала XX в., в основе мировоззрения которых – ценности православия и, прежде всего, «свободное изволение духа»³.

Своим союзником либералы-центристы считали и Пушкина, который «безумству губительной свободы» противопоставил «святую вольность», т.е. «разумную свободу, построенную на уважении к правам личности, на признании прав организованной совокупности личностей»⁴. Многие из числа умеренных либералов (в т.ч. Стахович) горячо восприняли речь Достоевского на пушкинском праздни-

¹ Страна. 1906. № 55. 25 апреля.

² Московский еженедельник. 1910. № 9. Стб. 48-49.

³ Записки М.А. Стаховича-младшего // Елецкие корни. Елец, 1996. С. 136-137.

⁴ Вестник Европы. 1899. № 10. С. 507.

ке в июне 1880 г. По словам Л.Г. Березовой, «все идеи, которые до этого лишь смутно ощущались в новом поколении интеллигенции, получили блестящее воплощение в тезисах о "всемирности" и "всечеловечности" русской культуры, возвышенной миссии России». «Пушкинская тема» стала стержнем культурной компоненты взглядов русских либералов. Вместе с тем, в понимании ими этой темы имелись различные «оттенки». К примеру, лидер конституционно-демократической партии (левый фланг русского либерализма) П.Н. Милюков не принял мистического толкования пушкинской «тайны», не разделял мнения о мессианской роли России¹. Кстати, лидеры кадетов (например, Ф.Ф. Кокошкин) не разделяли убежденности либералов-центристов в том, что «политика должна определяться национальной идеей»².

Искренняя приверженность «умеренных либералов» христианским ценностям побуждала их заявлять о необходимости «внести мораль в отношения правительства и подданных». Характеризуя Вл. Соловьева как «прежде всего, моралиста», Ковалевский замечал: «Я не думаю, чтобы он дорожил представительством или парламентаризмом, но ему были дороги всякого вида свободы и, прежде всего, свобода совести»³. Проблема государства не есть проблема силы, а, прежде всего, нравственная проблема, – разъяснялось на страницах «Московского еженедельника». Идеологи журнала, вслед за Вл. Соловьевым и его предшественниками – западниками и славянофилами, развивали мысль о том, что «основная задача России есть не только нравственная, но и религиозная задача осуществления христианского идеала в области Церкви, культуры и государства»⁴. «Если христианство нас не соберет, мы утратим наше народное "я" и перестанем существовать как нация, – убежденно заявлял Е. Трубецкой. – В нашем огромном общественном теле только универсальные начала христианской культуры мо-

---

¹ Березовая Л.Г. Пушкиниана профессора Милюкова // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 192, 203.

² Московский еженедельник. 1910. № 6. Стб. 3-10.

³ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 173-174.

⁴ Московский еженедельник. 1907. № 50. С. 39.

гут объединить разрозненные классы и национальности. С этой культурой связано все то, что есть в нашем народе доброго, человеческого. Она одна может спасти нас от окончательного озверения и предотвратить неизбежное для мертвого тела распадение на части»¹.

Как же оценивали либералы-центристы перспективы реализации собственных представлений о роли религии и церкви в процессе обновления России? С одной стороны, они отдавали себе отчет в крайней затруднительности развития событий по желаемому сценарию ввиду «тяжелого и безотрадного» состояния, в каком, по их мнению, находилась Русская православная церковь в начале XX столетия: «безверие и равнодушие в просвещенных слоях общества; раскол и сектантство, разъедающие народ; приниженное состояние духовенства; казенное лицемерие вместо живой нравственной силы, насилие вместо проповеди, полиция вместо христианского апостольского слова убеждения»². «Коренной недостаток нашего церковного строя» Е. Трубецкой видел в «порабощении церкви мирской власти в связи с разъединением и раздроблением отдельных общественных элементов в церкви»³.

Вместе с тем, размышления либералов-центристов и их единомышленников о роли религии и будущем церковной жизни в России были проникнуты историческим оптимизмом. Основанием для такого настроения служил, в частности, процесс религиозных исканий, набравший силу в начале XX в. как в «верхах» интеллигенции, так и в «низах» народной массы: «Личность пробуждается, познает себя [...] требует восстановления ее божественных прав, попранных насилием, – идет неуклонно к генеральной переоценке привычных ценностей в религии, политике и морали, стремясь к слитию в едином синтезе неба и земли, устройства социального с устройением религиозным»⁴.

Кроме того, по мнению прогрессистов, неизбежность церковной реформы была обусловлена коренным изменением государ-

¹ Там же. 1906. № 24. С. 5-8.

² Там же. № 5. С. 135.

³ Там же. № 3. С. 66.

⁴ Там же. 1908. № 3. С. 35.

ственного строя в начале XX в. – началом перехода от самодержавия к конституционной монархии. Как закономерное следствие падения бюрократической и полицейской опеки над церковью рассматривалась необходимость преобразования церковного строя на началах автономии, самоуправления и выборности. На смену «полному и всеобщему разобщению» в церкви (как и в государстве) должно прийти «восстановление христианской общественности», т.е. «соборного начала сверху донизу»¹.

Ожидание перемен к лучшему было связано и с началом «обновленческого» движения в самой Русской православной церкви – «духовной эмансипацией» ее иерархов от светской власти. «В речах нашего духовенства повеял дух христианской свободы. [...] Архипастыри заговорили тем свободным, независимым языком, которым прежде выражались только миряне, такие люди, как покойный И.С. Аксаков и В.С. Соловьев», – замечал Е. Трубецкой в 1906 г. по поводу учреждения представителя петербургского духовенства «Союза ревнителей церковного обновления». Чувствами взаимной симпатии и искреннего уважения были проникнуты отношения редактора «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича и митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Антония (Вадковского), разработчика проектов церковных преобразований в России, сторонника церковного единения.

Либералы-центристы предпринимали попытки установления связей с прогрессивным духовенством в Государственной думе. Вместе с тем, либералы отдавали себе отчет в том, что «обновленческое» течение в церковной жизни пока не представляло значительной силы, а разработка вопросов «нового религиозного сознания» (отношение церкви к государству, культуре, общественности и пр.) по-прежнему оставалась уделом сравнительно небольшой группы писателей-интеллигентов. Все это заставляло прогрессистов скептически относиться к мысли об эффективности работы предполагавшегося церковного собора, предвидеть опасность его «бюрократической подделки».

---

¹ Там же. 1906. № 3. С. 66.

В то же время Государственная дума, по мысли умеренных либералов, была способна «вникнуть в самую глубину церковного вопроса, рассмотреть его во всем его объеме [...] определить отношение государства к Церкви, условия их взаимодействия»¹. «Нельзя смотреть исключительно на обряд, когда мы говорим о церковных реформах, – подчеркивалось в «Московском еженедельнике», – но, желая реформ, мы должны оторвать от обряда свой взгляд и смотреть на Того, Кто создал Церковь, и на того, ради кого она создана»². Одной из важнейших задач Государственной думы либералы-центристы считали коренной пересмотр отношения церкви к народной школе. Они были убеждены в том, что на смену церковно-приходской («бюрократической школе ведомства православного исповедания») должен прийти совершенно новый тип народной школы – «свободной христианской школы», пользующейся поддержкой как со стороны государства, так и со стороны земства. Характерен комплексный подход либералов к школьной реформе – в тесной связи с преобразованием прихода в самоуправляющуюся, автономную общественную единицу, а также с реформой земских учреждений: «Самоуправляющийся приход по своим задачам не совпадает с мелкой земской единицей; но весьма возможно, что в отдельных местностях он будет к ней весьма близок. В деле народного образования он может оказаться весьма желательным союзником и сотрудником земства»³.

Размышляя в 1911 г. о слабости (практически – отсутствии) реальных исторических сил, которые могли бы стать социальной базой центристского течения в либерализме, Е. Трубецкой вынужден был констатировать: «Нас губит слабое, зачаточное пока развитие тех *средних слоев* общества, которые могли бы послужить проводниками правовых начал в жизнь». «Зародыши» новых общественных сил он видел в русской деревне, где под воздействием аграрной реформы П.А. Столыпина «вырисовывался» «новый тип

---

¹ Там же. 1907. № 5. С. 9.

² Там же. 1909. № 11. Стб. 8.

³ Там же. 1907. № 5. С. 14-15.

экономически независимого крестьянина-собственника»¹. Перспективы либерально-демократических преобразований в России прогрессисты связывали с приобщением широких народных масс к предпринимательской деятельности. Годы накануне Первой мировой войны были отмечены активизацией взаимных усилий идеологов умеренного либерализма и их единомышленников из числа крупных предпринимателей по «наведению мостов» во взаимоотношениях с целью выработки общей программы и более эффективной политической деятельности (т.н. «экономические беседы», проходившие в Москве в 1908-1912 гг.). Результатом этих усилий стало образование в 1912 г. Партии прогрессистов, видное место в руководстве которой заняли представители предпринимательской элиты Московского промышленного региона (братья П.П. и В.П. Рябушинские, А.И. Коновалов, С.Н. Третьяков, С.И. Четвериков, Ю.И. Поплавский и др.), многие из которых были к тому же известными деятелями старообрядческого движения. Важно заметить, что в своих планах «обустройства» России они делали серьезную ставку на своих единомышленников. «В единении – сила», – этот лозунг либералов-центристов нашел воплощение в деятельности Всероссийских съездов старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, ежегодно созывавшихся в период с 1900 по 1912 гг. и получивших широкий общественный резонанс. Инициатором и учредителем Всероссийского съезда старообрядцев был епископ Уральский и Оренбургский Арсений (Шевцов). В состав Совета Всероссийского съезда старообрядцев были избраны: председатель нижегородской общины, крупный судовладелец и биржевик Д.В. Сироткин (председатель), председатель Остоженской общины в Москве, известный промышленник и финансист П.П. Рябушинский (тов. председателя), один из самых талантливых старообрядческих авторов 1-й пол. XX в. Ф.Е. Мельников, М.И. Бриллиантов, нижегородский епископ Иннокентий (Усов) и др. Совет съезда осуществлял связь с правительственными кругами, Государственной думой, Государственным советом, государственными и земскими учреждениями, представителями политических партий по вопросам, затра-

---

¹ Русская мысль. 1911. № 2. С. 191-193.

гивающим интересы старообрядцев. Главной заботой съездов было «освобождение старообрядчества от духовно-полицейской опеки», выведение его «на законный путь, к духовной и гражданской свободе». Заслуживает внимания особенность общественно-политической позиции этих съездов. В частности, о программе, выработанной на 2-м съезде в январе 1906 г., С. Мельгунов писал, что она «носит своеобразный характер и занимает среднее положение между платформой партии 17 октября и конституционно-демократической. [...] Идеи мирной эволюции наиболее близки старообрядцам»¹. Как характерную черту старообрядческого движения современники также отмечали ярко выраженные «задатки национализма», далекого, однако, от «лжепатриотизма и узкого шовинизма "истинно русских" людей»². Следует заметить, что либералы-центристы всегда выступали в защиту старообрядцев как «весьма ценной части нашего государственного организма», считали необходимым устранить из законодательства статьи, ущемляющие их права³. Несмотря на то, что указы 1905-1906 гг. де-юре принципиально изменяли гражданско-правовое положение старообрядчества, де-факто старообрядцы по-прежнему оставались бесправными. Церковные ведомства продолжали проводить по отношению к старообрядчеству политику «искоренения». Староверие оказалось в области религиозной жизни полностью во власти местной администрации. Отсутствие закона о старообрядчестве неизбежно приводило к длительному периоду борьбы старообрядцев за фактическое осуществление всех декларированных им в 1905-1906 гг. гражданских свобод.

Представляется, что в условиях фактически социального «вакуума», в котором либералы-центристы долгое время проповедовали дорогие им идеи, вполне оправданной следует признать их

---

¹ Мельгунов С. Старообрядчество и освободительное движение. М., 1906. С. 14.

² Там же. С. 24.

³ Предложение кн. С.Д. Урусова о снятии всех ограничений свободы вероисповедания в отношении старообрядцев, высказанное им в период пребывания на посту тов. министра внутренних дел (конец 1905-начало 1906 гг.), в заседании специальной правительственной комиссии, является характерным примером отношения либералов-центристов к вопросу о свободе вероисповедания // Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 606-608.

ориентацию на старообрядчество, на рубеже XIX-XX вв. представлявшее значительную, динамично развивавшуюся общественную силу (10-12 млн. чел.). Наряду с заметной ролью старообрядцев в экономике, они все активнее проявляли себя в социально-политической жизни. По словам Мельникова, приметам «обмирщения» в старообрядческой среде стали «просвещение, культурное развитие, широкое образование, совместное жительство с миром, сообразование с его разумными и полезными требованиями, участие в современной общественной жизни». Параллельно европеизации происходила внутренняя работа, направленная на активизацию религиозного самосознания с целью противостоять тенденции к упадку веры.

Развивая концепцию «особого пути» России, идеологи старообрядчества видели историческую миссию староверия в том, что «современная Россия сможет пойти к действительно светлому будущему только будучи отражением народной идеологии старообрядчества. [...] Именно интеллигентное старообрядчество – это будущее святой Руси XX века». Очевидно, что религия, а именно старообрядчество, признавалась в данной трактовке главной силой общественного развития.

Таким образом, в начале XX в. вопрос о роли религии и церкви в переустройстве России являлся, по сути, основополагающим для либералов-центристов. В прямую зависимость от его решения они ставили успех преобразований во всех сферах жизни общества. Именно «умеренные либералы» первыми подняли на должную высоту проблему взаимодействия церкви и общества и внесли весомый вклад в ее разработку, сохраняющий актуальность и в наши дни. Объективно оценивая огромные трудности в реализации своих идей в ближайшей перспективе, они, тем не менее, считали своим долгом работать «на перспективу». «Тени грядущего», – так иногда современники называли подобного рода деятелей. Показательна в этом смысле и характеристика, данная Милюковым Ковалевскому, одному из лидеров либералов-центристов: «Смотря на меняющийся калейдоскоп жизни поверх текущего момента, Ковалевский мог не отождествлять себя с той или другой определенной политиче-

ской программой. Но он твердо держал общее направление, зная, куда идет дальнейшая дорога. Не всем дано стоять на той высоте, с которой видно, куда ведут события. Большинство из нас копошится в злобах дня, на них тратя все свои душевные силы. Но, как отдельные работники оркестра, все мы смотрим на то высокое место, где стоит дирижер. Он знает темп, и оркестр идет дружно»¹. Восприняв эстафету от славянофилов и Вл. Соловьева, идеологи прогрессистов, особенно активно занимавшиеся разработкой вопроса о месте религии и церкви в стремительно меняющемся мире, «пошли дальше», развивая дорогие им убеждения в условиях новой реальности, взаимодействуя в том числе с «обновленческим» движением в Русской православной церкви. На усиление позиций центристского течения в либерализме «работал» и фактор экономической и политической активизации старообрядческих кругов. Все это дает основания говорить о множественности источников русского либерализма, укорененности его в русской «почве». Определенные успехи были достигнуты в начале XX в. в формировании «национального лица» отечественного либерализма. Особенно активно этот процесс происходил в русле центристского течения в либерализме, однако так остался незавершенным.

---

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 28.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. И М.А. СТАХОВИЧЕЙ

Расцвет деятельности братьев Александра Александровича (1858–1915) и Михаила Александровича (1861–1923) Стаховичей приходится на конец XIX – начало XX вв. Особенностью этого периода российской истории является культурный расцвет страны, когда общественная активность, патриотические настроения были присущи всей русской интеллигенции. Стремление Стаховичей к подвижнической деятельности в народной среде в значительной мере обусловлено бурными событиями этого времени. Следуя семейной традиции, братья активно занимались общественной деятельностью в области образования, религии, политики, чем снискали себе известность не только в Елецком уезде и Орловской губернии, но и в масштабах всей страны.

Деятельность Александра Александровича осуществлялась главным образом в рамках земского движения. В центре его внимания всегда было образование народа. Просвещению он придавал первостепенное значение, перед ним, по мнению А.А. Стаховича, «бледнеют и отступают на третий план все остальные потребности страны»². Александр Александрович пытался активно влиять на ситуацию, сложившуюся в области народного образования, как своей практической деятельностью, так и выступлениями на учительских съездах и публикациями. Его обширная практическая и теоретическая деятельность позволяет говорить о наличии собственной педагогической системы. Основными ее положениями, на наш взгляд, являются следующие: разработка программы преподавания в начальных училищах с учетом специфики местных условий; использование на занятиях преимущественно метода объяснительно-

---

¹Позднякова Марина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков специальных дисциплин Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

²Стахович А.А. Развитие народного образования необходимо для подъема сельскохозяйственных знаний. М., 1902. С. 6.

го чтения; профессиональная подготовка учителя; создание при начальных училищах библиотек; распространение практики народных чтений.

За годы работы Александра Александровича Елецкий уезд добился значительных успехов в деле устройства начальных школ. Статистические данные по ряду критериев показывают, что постановка народного образования в Елецком уезде была одной из лучших в Орловской губернии. Так в 1894/95 учебном году в уезде было самое большое количество городских школ – 10 (в Орловском уезде – 6, в Брянском – 4, в остальных уездах Орловской губернии – 2 или 3 школы). Самое большое количество сельских земских школ было в Ливенском уезде – 90, Елецкий находился на втором месте – 71, сельских школ грамоты в Орловском уезде – 67, в Елецком – 63. Таким образом, в Орловской губернии по общему количеству школ Елецкий уезд занимал второе место (170 школ) после Ливенского (185 школ)¹. К 1900/01 учебному году количество школ в Елецком уезде увеличилось на шесть, в Ливенском – на одну². По количеству школьных библиотек Елецкий уезд в 1894/95 учебном году занимал первое место – их было 48³. В следующем году их было открыто еще 15 – самое большое количество в Орловской губернии⁴. Таким образом, постановка народного образования была одной из лучших в Орловской губернии, в чем, безусловно, немалая заслуга Александра Александровича.

Его младший брат Михаил Александрович был известным в свое время политиком, отличался умеренно-либеральными взглядами. Около сорока лет своей жизни он «очень близко стоял к русской общественной жизни, следил за ней и участвовал в ней»⁵. Свои политические убеждения Михаил Александрович излагает в

---

¹ Сборник статистических сведений и материалов по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1894/85 учебный год. Орел, 1897. С. 1.

² Сборник статистических сведений по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1900/01 учебный год. Орел, 1902. С. 105.

³ Сборник статистических сведений и материалов по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1894/85 учебный год. Орел, 1897. С. 1.

⁴ Сборник статистических сведений по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1900/01 учебный год. Орел, 1902. С. 105.

⁵ Стахович М.А. Записки М.А. Стаховича-младшего // Елецкие корни. Елец, 1996. С.141.

мемуарном произведении «Записки М.А. Стаховича мл.». Воспоминания и размышления непосредственного участника событий представляют несомненную ценность для читателей, интересующихся политической обстановкой в России второй половины XIX в. Впрочем, в своих «Записках ...» он размышляет не только о своем видении политической ситуации, а также о литературной и философской жизни дореволюционной России.

Большую известность Михаил Александрович получил в 1901 г. в связи с прочитанным им на Орловском миссионерском съезде докладом о свободе совести, где высказал свое непримиримое отношение к существовавшей практике привлечения к суду иноверцев. Михаил Александрович настаивал на мысли, что насилие не может вызвать любовь к Богу и только свобода вероисповедания приведет к популяризации и распространению православия. «Запретной пусть будет не вера, а дела; не чувства, а поступки, ущербы, изуверство, все то, что уголовный закон карает», – прямо и четко выразил свою позицию Михаил Александрович¹. Он не произносил гневных, обличительных слов, но общая тональность речи была довольно резкой. Многие присутствующие на съезде миссионеры, видимо, услышали в его словах обидные для них упреки в недостаточно хорошей работе. По мнению В.В. Розанова, «речь г. Стаховича, может быть независимо от прямого намерения оратора, забрасывает семена нравственной подозрительности на деятелей миссии. «Вы притеснители, а не христиане», – говорит смысл его слов. Речь его была только по виду предложением, а на самом деле она была судом и осуждением»².

Вероятно, этим обстоятельством можно объяснить несогласие с мнением М.А. Стаховича большинства выступающих на съезде миссионеров. В декабрьском номере «Орловского вестника» из-за «постоянно появляющихся в печати толков по поводу доклада о свободе совести» были опубликованы «возражения и за-

---

¹ Стахович М.А. Доклад о свободе совести, читанный на Орловском миссионерском съезде // Орловский вестник. 1901. 25 сентября.

² Розанов В.В. Около церковных стен. М., 1995. С. 103.

мечания, которые встретил означенный доклад на самом съезде»¹. Среди выступавших – Преосвященнейший Никанор, Епископ Орловский, киевский миссионер, священник О.М. Потехин, редактор – издатель журнала «Миссионерское обозрение» В.М. Скворцов, светские богословы, кандидаты университета М.А. Новоселов и В.А. Тернавцев и др. Все они однозначно высказали свое несогласие с мнением М.А. Стаховича. Его упрекали в недостаточной осведомленности о преступной деятельности сектантов, а также о преувеличении вмешательства в их дела религиозных и судебных властей.

Поскольку обсуждение проблемы свободы вероисповедания не входило в программу съезда, а доклад М.А. Стаховича был выслушан лишь как частное мнение, никакого постановления по нему не было вынесено. Съезд ответил оратору, что отклоняет обсуждение вопроса «как по существу, так и по несоответствию задачам местного миссионерского съезда»². Однако проблема, затронутая в речи М.А. Стаховича, оказалась настолько важной, что решение миссионерского съезда не остановило ее дальнейшее горячее обсуждение.

Речь Михаила Александровича была опубликована сразу в нескольких газетах: в «Санкт-Петербургских ведомостях», в «Московском обозрении». Журнал «Миссионерское обозрение» за 1901 г. посвятил этому вопросу целый раздел. Полемика по вопросу вероисповедания развернулась на страницах многих изданий. Свое отношение к проблеме высказывали целый ряд выдающихся деятелей своего времени – Иоанн Кронштадский, С. Нилус, С.М. Волконский, Д.С. Мережковский, Н.Ф. Федоров, Л.Н. Толстой и многие другие. Большинство авторов высказывали свое резко отрицательное отношение к позиции Михаила Александровича. Полемика по вопросу свободы вероисповедания, в ходе которой были высказаны, пожалуй, все аргументы «за» и «против», продолжалась в течение нескольких лет. Несмотря на критические замечания в адрес Миха-

---

¹Вертоградов М. По поводу доклада М.А. Стаховича о свободе совести, читанного на Орловском миссионерском съезде // Орловский вестник. 1901. № 283.

² Там же.

ила Александровича (а их было большинство), нельзя было не признать, что, по сути, он прав, так как высказал, возможно излишне резко, то, о чем многие думали. Как пишет В.В. Розанов, он читал речь М.А. Стаховича «с недоумением и неприятным чувством», но все же не мог не признать, что в ней «есть своя правда», и выразил уверенность, что «лучшие пожелания г. Стаховича исполнятся: но исполнятся в созидательных целях, в целях религиозного строительства»¹.

Михаил Александрович был одним из первых, кто обратил внимание общественности на проблему свободы вероисповедания. Своими мыслями, а, возможно, также тоном речи, он задел слушателей за живое, что и вызвало столь бурную полемику по этому вопросу. Может быть, именно эта речь во многом подготовила закон о свободе совести, принятый четыре года спустя.

Михаил Александрович занимал важные общественные посты в Орловской губернии. В разные периоды своей жизни он был уездным и губернским гласным, уездным, а затем и губернским предводителем дворянства. Как и его брат, Александр Александрович, много сил отдавал просвещению народа. Так, например, по его инициативе в Орле была создана библиотека в память о А.С. Пушкине. На общем собрании членов Елецкой библиотеки для служащих по земству и народных учителей, излагая свои мысли о задачах библиотеки, Михаил Александрович сказал слова, возможно, каким-то образом объясняющие, дающие ключ к разгадке источника жизненных сил и энергии братьев, их активного стремления к подвижнической деятельности: «...сущность патриотизма в напряжении труда и воли на служение главным потребностям своей Родины. В случае насильственного на нее нападения – надо выходить в поле и заслонять ее грудью; если она нуждается в средствах, надо их старательно производить и убежденно отдавать из своего тощего кошелька в ее огромную казну; если она нуждается в упорядочении – надо помнить об этом условии, преследуя самостоятельную

---

¹ Розанов В.В. Около церковных стен. М., 1995. С. 103.

цель своей деятельности»¹. Думается, что и сам Михаил Александрович, и Александр Александрович, и многие другие представители рода Стаховичей следовали в жизни этому правилу, отдавая все свои силы и всю свою энергию служению России.

---

¹ Стахович М.А. Речь губернского предводителя дворянства М.А. Стаховича на общем собрании членов Елецкой библиотеки для служащих по земству и народных учителей (о задачах библиотеки). Орел, 1897.

**МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ СТАХОВИЧ – ОСНОВАТЕЛЬ
БИБЛИОТЕКИ ИМ. А.С. ПУШКИНА В ОРЛЕ²**

«...Все, что есть уцелевшего и живого в русской литературе, все, чем богаты наши библиотеки, и область жизни, посвященная духовному развитию, все, чем наслаждаемся, чему учимся, над чем волнуемся и задумываемся, что дает нам зреть и развиваться – все написано Пушкиным, или создано им... его поэтический дар был сложен, ...кроме творчества гения, он владел еще прозорливостью гения, ...он имел на пользу родины глубокие и возвышенные убеждения. Он не только умел, как никто, высказывать, определять словом, он умел видеть далеко и понимать глубоко, как мало кто в его время... Он учил бодро верить и трудиться, он отгонял сомнение»³. Эти слова были произнесены Михаилом Александровичем Стаховичем – орловским губернским предводителем дворянства 26 мая 1899 г. на праздновании 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина в г. Орле.

Пушкин был кумиром семьи Стаховичей, его произведениями Михаил зачитывался с юных лет. Неизгладимый след в сердце 19-летнего юноши оставила речь Ф.М. Достоевского в июне 1880 г. на открытии памятника великому поэту в Москве. Спустя почти полвека, оторванный от родины, Михаил Стахович, вспоминая те события, напишет: «Мы привыкли видеть в Пушкине поэта, писателя и не задумывались дальше. Достоевский в своей замечательной речи так ясно показал нам, что Пушкин еще пророк земли русской, создатель ее величайшей духовной заслуги перед миром – ее литературы. Когда он 9 июня 1880 года часа в 4 пополудни доказал нам, что Пушкин собою явил "русскую всечеловечность и всемирность",

---

¹ Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в г. Орле).

² Автор выражает искреннюю признательность за помощь в подготовке данной статьи директору Государственного архива Орловской области Апаринной Юлии Валерьевне и главному специалисту Сосновской Ирине Анатольевне.

³ Орловский вестник. 1899. 28 мая.

когда потом, мертвенно бледный, задыхающийся, договорил свои последние слова: "Но Пушкин унес с собою в гроб некую великую тайну, сознаваемую его всечеловеческим гением, а которую мы теперь разгадываем... ", то с толпою в несколько тысяч человек произошло что-то небывалое, а вместе общее, повальное: в нем участвовали, его пережили все, начиная с Достоевского, – ...весь огромный зал, все мы, бесчисленная молодежь на хорах, – не то землетрясение, не то невиданный взрыв, не то прорыв огромной плотины и водопад экстаза... Произошло что-то непостижимое, но незабвенное, то, как представляешь себе откровение... Такого повального экстаза, мне кажется, я не наблюдал, как тот, что захватил массу после речи Достоевского о Пушкине...»¹

Став председателем Пушкинской комиссии, созданной в рамках подготовки к празднованию 100-летия со дня рождения великого поэта, Михаил Александрович Стахович выступил с инициативой открытия в г. Орле в память Пушкина публичной библиотеки, приняв затем самое деятельное участие в реализации данной идеи.

Материалы Государственного архива Орловской области позволяют достаточно подробно восстановить историю создания библиотеки.

Хотя предложение о ее открытии было сочувственно встречено многими представителями образованного общества, не все складывалось гладко. Об этом свидетельствует заметка орловского корреспондента в газете «Сын Отечества». «То общество, которое вполне удовлетворяется нашими клубами и поддерживает эти учреждения, где господствуют пьянство и картеж, общество, оббегающее даже местный театр, несмотря на порядочный состав его артистов – вряд ли склонно будет поддерживать просветительное мероприятие, хотя бы его учреждение и было связано с именем великого национального поэта!» – писал журналист².

Вероятно, опасения автора статьи были не беспочвенны, ибо 2 мая 1899 г. «Орловский вестник», анализируя ход подготовки к пушкинским торжествам, констатировал, что на организацию биб-

¹ Записки М.А. Стаховича-младшего // Елецкие корни. Елец, 1996. С. 149.

² Сын Отечества. 1899. № 44.

лиотеки, «если не считать крупного дара членов общества потребителей и денег, собранных с лекций, поступило пока всего-навсего около 50 р. – и это в Орле, где каждый день в той или другой форме бросается по несколько тысяч»¹. Отчасти такое положение дел объяснялось сомнениями в необходимости публичной библиотеки. «Приходилось слышать возражения о том, кому нужна будет эта библиотека, так как почти во всех учреждениях существуют свои библиотеки? – Писал "Орловский вестник". – Но это то же самое, господа, как если бы сытый орловец выражал удивление, для чего требуется помощь в восточные губернии? Члены всех обществ и учреждений далеко не исчерпывают всего населения г. Орла, не говоря уже о том, что и существующие у них библиотеки не могут похвастаться своим богатством – громадная часть населения совершенно лишена возможности пользоваться хорошей библиотекой. Подумайте хотя об этих-то голодных, если судьба дала вам возможность удовлетворять ваши культурные потребности!»²

В начале мая 1899 г. подготовка к открытию библиотеки активизировалась. 7 мая на чрезвычайном собрании членов-учредителей общества Пушкинской библиотеки был избран комитет, которому к осени было поручено «составить на имеющиеся средства книжный инвентарь». В комитет вошли: «М.А. Стахович (председатель), Ф.И. Степанов, С.М. Вешняков, В.Н. Лясковский, К.П. Квашнин-Самарин, Л.Л. Оловенников, В.И. Болотов, Д.Д. Положенцов, М.К. Лемке и Р.И. Сулова (секретарь)... О.А. Петрученко (казначей) и г. ректор духовной семинарии, Сахаров»³. 20 мая городская дума в ответ на обращение Стаховича «об уступке помещения под общественную библиотеку им. А.С. Пушкина» поручила городской управе отвести временно помещение во втором приходском училище⁴.

---

¹ Орловский вестник. 1899. 2 мая.

² Там же.

³ Там же. 9 июня.

⁴ Там же. 23 мая; Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 593. Оп. 1. Д. 942. Л. 98.

На следующий день «Орловский вестник» сообщил об утверждении устава библиотеки¹.

Об основании публичной библиотеки было объявлено 27 мая 1899 г. в рамках пушкинских торжеств. В помещении городской думы епископ Орловский и Севский Никанор в присутствии орловского губернатора А.Н. Трубникова и орловского губернского предводителя дворянства Стаховича отслужил «молебен с водосвятием». «По окроплении присутствовавших и всего помещения, – информировал "Орловский вестник", – Его Преосвященство сказал речь, в которой, сопоставив дух Пушкина со святой водой, высказал пожелание, чтобы дух А.С. Пушкина витал над вновь открытым детищем – библиотекой и утолял бы духовную жажду всех проходящих в нее с запросами тех или других знаний»².

Однако объявление об основании библиотеки не означало, что она открыла двери для читателей. Данное событие скорее можно считать началом серии конкретных мероприятий по подготовке к ее открытию, продолжавшейся целый год.

Во-первых, шел сбор денежных средств для библиотеки, в котором Стахович принимал самое непосредственное участие. В декабре, как председатель комитета библиотеки, он обратился с ходатайством к орловскому губернскому земскому собранию о выделении единовременной субсидии в 1000 руб.³ Просьба была удовлетворена, и в марте 1900 г. денежные средства поступили в распоряжение комитета библиотеки⁴. Субсидия в 1000 руб. была выделена библиотеке и орловским дворянством⁵. Городская дума перечислила на организацию библиотеки 500 руб.⁶ Помимо того, в адрес библиотеки шли частные пожертвования. Так, епископ Орловский и Севский Никанор и орловский губернатор Трубников внесли на приобретение книг по 100 руб.⁷, кн. А.Д. Тенишева – 25

---

¹ Орловский вестник. 1899. 21 мая.

² Там же. 29 мая.

³ Там же. 15, 16 декабря.

⁴ Там же. 1900. 12 марта.

⁵ Там же. 10 февраля.

⁶ Там же. 1899. 23 октября.

⁷ Там же. 3 мая.

руб.¹, С.М. Вешняков – 25 руб., некто «г. Черенов» – 500 руб.² и т.д. Иногда пожертвования носили коллективный характер: от педагогического состава классической гимназии «на библиотеку им. Пушкина» поступило 13 руб. 50 коп.³, от общего собрания членов орловского окружного суда – 100 руб.⁴ В Кромах «небольшой кружок интеллигентного общества» открыл подписку для оказания библиотеке «посильной материальной поддержки»⁵.

Во-вторых, формировался книжный фонд библиотеки. Основу его составила «одна из бывших Харьковских библиотек», принадлежавшая наследникам Н.И. Бестужева и приобретенная комитетом Пушкинской библиотеки за 2 500 руб. Помимо того, комитет значительно пополнил ее «покупкой многих изданий»⁶. В Пушкинскую библиотеку передавались вторые экземпляры изданий из фондов ведомственных орловских библиотек. Так, в мае 1899 г. «Орловский вестник» сообщал, что из фондов библиотеки Орловского окружного суда пожертвовано: «1) 4 тома (2, 4, 6 и 8) сочинений А.С. Пушкина, издания 1838 г., составляющего ныне библиографическую редкость; 2) по одному экземпляру "Вестника Европы" и "Русской мысли" за текущий год с тем, чтобы книжки этих журналов за предстоящие месяцы были направляемы в Пушкинскую библиотеку в самый день их получения, и 3) "Вестник Европы" и "Русская мысль" за 1898 г. и "Русское богатство" за 1895 г.»⁷ Пожертвования в книжный фонд библиотеки делали и частные лица. «Нам передают, – писал "Орловский вестник", – что некто г. М. обещал подарить в Пушкинскую библиотеку в виде книг "Вестника Европы" за 20 лет, "Русской мысли" за 10 лет и др.»⁸ Нередко частные лица дарили библиотеке весьма ценные издания. Так, П.В. Протопоповым была передана в библиотечный фонд редкая книга «Дело о

¹ Там же. 1 июня.

² Там же. 25 мая.

³ Там же.

⁴ Там же. 6 июня.

⁵ Там же. 1900. 22 января.

⁶ Там же. 1899. 23 октября.

⁷ Там же. 30 мая.

⁸ Там же. 26 мая.

дуэли А.С. Пушкина»¹, сенатор А.А. Нарышкин «изъявил желание принести в дар Пушкинской библиотеке очень ценные по своему содержанию вообще и для Орла в особенности, разные письменные документы»².

9 июля 1899 г. состоялось заседание комитета библиотеки по рассмотрению примерных каталогов по отделам: политико-экономическому, юридическо-математическому и беллетристическому³.

И, наконец, активно шел поиск постоянного помещения для библиотеки. 28 мая 1899 г. на заседании городской думы рассматривалось предложение городского гласного Архангельского о передаче Пушкинской библиотеке находившегося в собственности города «здания бывшей дешевой столовой на Ильинской площади», поскольку место, занимаемое этим зданием, «самое центральное во всем городе». Однако данное предложение было отвергнуто ввиду запрещения устройства библиотек на площадях⁴.

В августе 1899 г. в связи с приближением начала учебного года по решению городской управы Пушкинская библиотека была переведена из здания приходского училища в другое помещение. «Наиболее удобным в интересах города в этом деле, – говорилось в журнале заседания орловской городской управы от 2 августа 1899 г., – является предложение поверенного Болховского купца Козьмы Васильевича Куркина, сына его Михаила Кузьмича Куркина, о желании его сдать под библиотеку имени Пушкина помещение во втором этаже дома отца его в г. Орле, в Гостиной улице, на берегу р. Оки, со стороны 1-й части г. Орла, занимавшееся ранее бесплатно читальнею имени Тургенева...»⁵ Собственнику помещения из средств города выплачивалась арендная плата 360 руб. в год, причем он должен был за свой счет осуществить капитальный ремонт⁶.
МОНТ⁶.

---

¹ Там же. 1900. 12 марта.

² Там же. 1899. 21 ноября.

³ Там же. 10 июля.

⁴ Там же. 30 мая.

⁵ ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 942. Л. 98об.

⁶ Там же. Л. 99.

В октябре помещение под Пушкинскую библиотеку было расширено «после того, как удалась находившаяся внизу портерная»¹. В результате, сообщал «Орловский вестник», данное помещение «может считаться и по положению и по числу и величине комнат вполне удовлетворительным»². В декабре 1899 г. началась внутренняя отделка помещения библиотеки. Как писал «Орловский вестник», «устанавливаются полки для книг и часть книг, привезенных из Петербурга, доставлена уже в помещение библиотеки»³.

В феврале-марте 1900 г. на заседаниях комитета Пушкинской библиотеки под председательством Стаховича был решен ряд важных организационных вопросов. 7 февраля «происходили выборы согласно устава, ответственного лица библиотеки, заведующего ею, ...был определен штат платных служащих и назначено лицо на должность библиотечарши»⁴. Ответственным лицом по библиотеке стал Стахович, заведующим – член комитета А.А. Оловенников. «При библиотеке решено пока иметь одну библиотечаршу и в качестве помощников к ней одного или двух мальчиков. На должность библиотечарши выбрана г-жа Казакова»⁵.

14 февраля и 3 марта на заседаниях комитета Пушкинской библиотеки были рассмотрены правила пользования книгами из библиотеки⁶. 9 марта решено ходатайствовать об открытии при библиотеке публичной читальни⁷.

15 мая 1899 г. получено официальное разрешение Министра внутренних дел на открытие библиотеки⁸.

Общественная библиотека в память 100-летия со дня рождения Пушкина открыла свои двери для читателей 26 мая 1900 г.

31 мая 1900 г. «Орловский вестник» поместил информацию для жителей губернского центра, уточнявшую адрес библиотеки. «Нас не перестают спрашивать, где находится только что открытая

---

¹ Орловский вестник. 1899. 23 октября.

² Там же.

³ Там же. 29 декабря.

⁴ Там же. 1900. 8 февраля.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 15 февраля, 11 марта.

⁷ Там же. 12 марта.

⁸ ГАОО. Ф. 580. Стол. 3. Д. 6884. Л. 33.

Пушкинская библиотека. Хотя об этом у нас говорилось уже несколько раз, но повторяем: Гостиная улица, у Очного (Мариинского) моста, дом Куркина», – писала газета¹.

Фонд библиотеки состоял из 7790 томов художественной литературы. Пушкин был представлен 6-томным собранием сочинений, Н.В. Гоголь – 4-х томным собранием сочинений. В библиотеке были как русские, так и иностранные книги, велся каталог².

Среди читателей библиотеки были люди разных сословий – дворяне и купцы, учителя и чиновники, крестьяне, духовенство, гимназисты.

Пользование книгами Пушкинской библиотеки было платным. Все абоненты делились на 5 категорий. Первая платила 10 рублей в год, а последняя – 2 рубля. Читатели «первой категории» имели право получать на дом пять книг, в том числе два новых журнала, читатели «пятой категории» – одну книгу и один журнал через 12 месяцев после его получения. При библиотеке имелся кабинет для чтения с платой 5 копеек за каждое посещение³.

...Пушкинская библиотека работает по сей день, с 1963 г. размещаясь в здании Торговых рядов. Она носит название «Центральная городская библиотека имени А.С. Пушкина» и является главной библиотекой Централизованной библиотечной системы г. Орла. Сегодня у библиотеки около 10 тысяч читателей, в распоряжении которых более 60 тысяч экземпляров книг и журналов.

---

¹ Орловский вестник. 1900. 31 мая.

² ГАОО. Ф. 580. Стол. 3. Д. 6884. Л. 33.

³ Сидоров В. Из истории библиотечного дела на Орловщине // Библиотеки Орловщины к 40-летию Октября. Орел, 1958. С. 14.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА СТАХОВИЧА

«Настало время, когда действительно... ценз материальный, вещественный, имущественный потерял свое отжившее значение» и остался один ценз – «ценз совести, честности и знаний и любви к Родине, ценз осведомленности о нуждах населения, ценз доверия избирателей». Эти слова произнесены Александром Александровичем Стаховичем (1858–1915) – известным либеральным деятелем начала XX в. – на собрании в доме елецкого земства 20 октября 1905 г. Приветствуя Манифест 17 октября, благодаря которому «исстрадавшаяся Россия... пойдет... по пути света, истины, свободы», он рисовал идеальный образ народного избранника – будущего депутата Государственной думы. Впрочем, только таким, по убеждению Стаховича, должен быть любой общественный деятель, и этой высокой планке он сам старался соответствовать.

Общественно-политической деятельностью Александр Стахович занялся, оставив военную карьеру, как нельзя лучше подходившую представителю старинного дворянского рода. Род Стаховичей, к которому принадлежал и Михаил Александрович Стахович (брат Александра), вел свою историю с XVII в. от польского шляхтича. Орловская ветвь рода сформировалась в начале XIX в.

Детские и юношеские годы Александра прошли в родовом имении Пальна-Михайловка в пятнадцати километрах от Ельца, тогда входившего в состав Орловской губернии, а ныне – Липецкой области. Это было время пореформенной модернизации, когда в российский политический процесс были внесены новые ориентиры и образцы. Важнейшая реформа 60-х гг. – отмена крепостного права – кардинальным образом изменила правовое положение крестьян, и, соответственно, взаимоотношения крестьян и помещиков.

---

¹ Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в г. Орле).

Однако в Пальне-Михайловке изменения не имели столь радикального характера: здесь, в атмосфере «патриархального, старозаветного русского помещичьего быта», издавна сложившейся традицией было взаимопонимание слуг и господ, которое, как вспоминал Михаил Стахович, «влекло... в Пальну, в деревню, к простому народу, и служить ему, и жить среди него».

Отец братьев-Стаховичей – Александр Александрович-I – заботился о крестьянах, построил для них школу, больницу и родильный дом. Когда в конце 1950-х гг. фольклорно-краеведческая экспедиция Елецкого педагогического института собирала в Пальне-Михайловке мемориальные материалы, в народе еще жива была благодарная память о нем как о крестьянском кормильце. Уроки гуманного отношения к простому народу, усвоенные Александром в детстве, не прошли даром: лейтмотивом его общественной деятельности в Елецком уезде стала забота об улучшении положения крестьян.

Александр Стахович рос в высококультурной среде, в настоящем «оазисе культуры», которых не так много было в русской провинции. Его отец был знаком с Николаем Васильевичем Гоголем, более 50 лет дружил со Львом Николаевичем Толстым, нередко навещая его в Ясной Поляне; был страстным знатоком и любителем театра, прекрасным чтецом. Известен случай, когда чтение им пьесы «Власть тьмы» в присутствии Александра III привело к разрешению ее постановки, до того запрещенной цензурой.

Домашнее чтение вслух (а в Пальне была огромная библиотека), обсуждение прочитанного – семейная традиция Стаховичей, имела не только образовательное, но огромное воспитательное значение, и, опираясь на опыт своего детства, Александр Александрович впоследствии будет ратовать за внедрение объяснительного чтения в практику преподавания в начальной школе.

Воспитываясь в «талантливой, культурной семье, дружной и спаянной», Александр Стахович, по примеру родителей, со временем создаст свою семью, женившись в 1883 г. на графине Ольге Ивановне Рибопьер. У них будут два сына-близнеца (Александр и

Георгий) и три дочери и собственный большой уютный дом в Пальне, к сожалению, не сохранившийся до наших дней.

По окончании училища Правоведения и Николаевского кавалерийского училища Александр Стахович в течение пяти лет служил в гусарском полку. Однако, не чувствуя призвания к военной карьере, он вышел в отставку, решив заняться общественно-политической деятельностью. Стахович был избран гласным елецкого уездного земства, а в 1895-1904 гг. являлся уездным предводителем дворянства.

Время показало, что выбор Александра Александровича был правильным, ибо на общественном поприще он принес много пользы родному краю и его жителям.

Стахович проявил себя как человек, обладающий хозяйственно-организаторскими способностями, причем характерной чертой его экономических начинаний было стремление сделать лучше жизнь людей, а не погоня за личной выгодой. Будучи членом комитета елецкой биржи, он считал делом чести для любого предпринимателя всеми силами содействовать благоустройству родного города. В 1902 г. елецкая биржа принимает решение о замощении за свой счет основных городских, а также подъездных дорог к элеватору и станциям, во всю ширину до 12 сажений, а не 3, как предлагала городская дума.

В голодном 1891 г. Александр Стахович вместе с сестрой Надеждой Александровной предпринимает ряд мер для поддержки кружевного промысла, которым в Елецком уезде занимался каждый восьмой житель. Стаховичи организуют закупку кружева, причем по цене на 50% выше сложившейся, и продажу его в Москве, Петербурге и Европе, что позволило кружевницам прокормить семьи и выйти из ростовщической кабалы. Были созданы школа кружевниц в Пальне и склад-музей кружев в Ельце.

Во время холерной эпидемии 1893 г. в Елецком уезде при нехватке у земства денег Михаил и Александр Стаховичи за свой счет приглашают студентов-медиков в село Измалково и Дрезгаловскую волость. Традицию социальной благотворительности братья Стаховичи восприняли от отца, который еще в 1877 г. пожертвовал на

содержание Земско-Первовской больницы 20 тысяч рублей, положив их на вечные времена в Елецкий городской банк из расчета 7% годовых.

Важнейшим направлением своей общественной деятельности в Елецком уезде Стахович считал развитие народного образования. На протяжении ряда лет возглавляя уездный училищный совет, он пытался, насколько возможно, улучшить работу образовательных учреждений в рамках сложившейся системы, одновременно обосновав обширную программу преобразований в сфере просвещения, в которой первоочередное внимание уделялось реформе начального и среднего образования как основному средству повышения чрезвычайно низкого уровня грамотности крестьянства.

Просвещение крестьян для Стаховича было неотъемлемым условием подъема сельского хозяйства, ибо он был глубоко убежден, что рационально вести хозяйство может только образованный человек. Александр Александрович категорически возражал против утверждения о том, что сначала крестьянина надо накормить, а потом он будет учиться. Помимо того, образованию он отводил роль катализатора политической активности населения, что, в свою очередь, должно было способствовать формированию в России гражданского общества.

В качестве первого шага образовательной реформы Стахович рассматривал распространение всеобщей грамотности, предостерегая, однако, от восприятия этой задачи как конечной цели. «Нельзя считать конечной целью всеобщую грамотность, она лишь первое средство как приучение молодой лошади к удилам и хомуту, но ведь есть еще выездка», – писал Стахович, в образной форме выражая свою мысль.

Реформирование начального образования виделось Стаховичу как комплекс взаимосвязанных мероприятий. Во-первых, необходимо было увеличение количества школ. Во-вторых, предусматривалась замена 3-летнего обучения 4-летним, ибо, три года Стахович считал слишком коротким сроком для освоения даже азов знаний. В-третьих, существенного пересмотра требовало содержание начального образования. Стахович критиковал программы Мини-

стерства народного просвещения за то, что они делали основной упор на освоение учащимися грамматики и написание диктантов. Главной целью обучения в начальной школе, утверждал Александр Александрович, должно быть не заучивание правил, а развитие мышления учащихся, что достигается не грамматикой, а объяснительным чтением. И, наконец, он настаивал на передаче начального образования в заведование органов местного самоуправления, одновременно выступая за усиление общественного контроля за процессом образования. Однако общественный контроль Александр Александрович ни в коем случае не отождествлял с патронажем церкви, категорически возражая против вмешательства духовенства в область надзора за земскими школами. Тревогу у Стаховича вызывало стремление православной церкви контролировать преподавание светских предметов, тогда как, по его убеждению, она имела право наблюдать лишь за изучением Закона Божьего.

В области среднего образования, помимо увеличения количества учебных заведений и внедрения новой методики преподавания (в частности, наглядного метода обучения), Стахович предлагал снижение платы за обучение, что должно было сделать среднее образование более доступным для низших слоев населения. Этой же цели служило предложение об установлении преемственности между начальными и средними школами. В качестве преобладающего типа среднего учебного заведения в аграрной России Стаховичу виделась сельскохозяйственная школа Министерства земледелия.

Ключевую роль в образовательном процессе Александр Александрович отводил личности учителя, отсюда – требование не просто увеличения количества педагогов, но и улучшения их профессиональной подготовки посредством организации различных курсов, семинаров, широкого обмена опытом (в наше время – «августовские педсоветы»). Сознвая необходимость повышения престижа учительской профессии, Стахович предлагал повысить материальное вознаграждение учителей.

В комплекс мер по реформированию системы образования Стахович включал и создание образовательных учреждений для обучения грамотности взрослого населения.

Однако, по убеждению орловского либерала, все задуманное могло остаться благим пожеланием без государственной поддержки образования, ведь у земств для столь масштабных перемен не имелось достаточных финансов.

Помимо образовательной реформы, в качестве действенного средства повышения культурного уровня сельского населения Стахович рассматривал приобщение крестьянства к чтению. С этой целью всячески поощрялось создание библиотек: на 1 января 1911 г. из 138 земских школ Елецкого уезда 65 имели библиотеки.

Стараясь заинтересовать крестьян книгой, Александр Александрович вел непримиримую борьбу с лубочной литературой, являвшейся главной духовной пищей простого народа. По мнению Стаховича, издатели лубочной литературы, преследуя только коммерческую выгоду, всячески потакали самым грубым вкусам и низменным чувствам невежественных людей. В итоге, лубочные издания не только не способствовали просвещению масс, но, напротив, подрывали его основы, убивали высокие нравственные стремления. Лубочную литературу Стахович называл злом даже бóльшим, нежели неграмотность.

Начало борьбы общественности с лубочными изданиями он относил к 60-м гг. XIX в., когда в крупных городах, прежде всего в Санкт-Петербурге и Москве, возникли различные просветительские учреждения. Наряду с изданием хороших книг, они способствовали открытию школ, библиотек, читален. В 70-х гг. в дело просвещения масс включились «Комиссии народных чтений». На рубеже веков важнейшей задачей Стахович считал привлечение к борьбе с распространением лубочной литературы земств, предлагая целую систему мер в этом плане, начиная с организации земского книгоиздательства и заканчивая созданием широкой сети сбыта земских книг. При этом должна быть обеспечена свобода книгоиздательской деятельности земств, элементом которой выступал явочный порядок открытия типографий и книжных складов. Переходя от слов к

делу, Стахович стал инициатором открытия в 1900 г. книжного склада елецкого уездного земства, превратившегося в своеобразный фильтр проникновения в деревню лубочной литературы.

Однако реформаторские устремления Стаховича не замыкались облестью народного образования, он ясно осознавал, что необходимы изменения в различных сферах государственной и общественной жизни.

Александр Александрович был наиболее либеральным членом семьи Стаховичей. Как писал его племянник Михаил Алексеевич, «Паленские Стаховичи, за исключением, быть может одного только дяди Саши, человека искреннего, но неуравновешенного, были все монархистами, но того гуманно-либерального духа, который веял в первые годы царствования Александра II».

С начала 90-х гг. XIX в. Александр Стахович активно включился в либеральное движение: входил в состав кружка «Беседа», «Союза освобождения», был участником съездов земцев-конституционалистов.

В ноябре 1905 г. Стахович возглавил организованную по его инициативе в Ельце уездную кадетскую группу, численность которой к весне 1906 г. составила 119 человек. Александр Александрович сумел привлечь к партийной работе представителей местного чиновничества. В частности, заметной фигурой среди елецких кадетов был барон Александр Константинович Врангель – член окружного суда, имевший репутацию стойкого и убежденного защитника народных прав.

Елецкие кадеты выпускали свой печатный орган – ежедневную газету «Елецкий край», издателем которой был Александр Стахович. Выходу ее первого номера 12 декабря 1906 г. предшествовала годичная переписка Стаховича с канцелярией орловского губернатора. Однако на протяжении всего периода существования газеты (до 1 мая 1907 г.) власти искали любой повод для ее приостановки, а лучше, закрытия. В частности, выпуск газеты был приостановлен почти вскоре после выхода первого номера за статью «14 декабря», посвященную годовщине восстания декабристов. В статье содержался призыв продолжить «великое дело героев 14 декабря».

Речь шла о борьбе за конституцию, причем требование республики, выдвигавшееся некоторыми декабристами, подвергалось критике. «Значительное число декабристов..., – говорилось по этому поводу в статье, – заводили речь о республике. И внуки их не удержались, мечтая о республике и осуществлении в России социализма. Это ведет к торжеству насильников». С большим трудом Стаховичу удалось добиться отмены приостановки газеты в конце января 1907 г. За достаточно непродолжительный срок издания «Елецкий край» завоевал популярность далеко за пределами города и уезда. В газете сотрудничали П.Б. Струве, А.А. Кизеветтер и ряд других столичных литераторов и ученых.

Осенью 1906 г., по примеру кадетских партийных организаций в других регионах, Стахович пытался открыть в Ельце клуб конституционно-демократической партии. На запрос о возможности регистрации последнего был получен отказ губернского об обществах и союзах присутствия, основанием для которого послужило предположение, что клуб «займется противоправительственной деятельностью». Однако Стахович не отступил, и 21 ноября клуб был открыт явочным порядком. На следующий день явившимися на квартиру Стаховича полицмейстером и председателем «Союза русского народа» Рудневым в отсутствие хозяина квартиры была унесена вывеска клуба. Орловский губернатор собирался даже предать суду всех членов елецкого комитета Партии народной свободы, но затем от своего намерения отказался.

Своеобразный центр общественной жизни Стаховичу в Ельце все же удалось создать. Но это был не кадетский клуб, а «Народный дом». Идею его открытия Стахович высказал еще в 1901 г., стремясь приурочить это событие к 50-летию начала реформ Александра II. Торжественное открытие Дома состоялось 13 февраля 1911 г. Весьма показателен тот факт, что брат царя Михаил, за день до этого присутствовавший на освящении Великокняжеской церкви, не захотел задержаться в Ельце, чтобы принять участие в столь знаменательном для провинциального города событии.

Несмотря на активную деятельность в Ельце, Стаховича нельзя назвать кадетом «провинциального масштаба». Он поддерживал

тесный контакт с руководящим ядром партии – ее Центральным комитетом. По просьбе последнего в марте-июне 1907 г. Стахович издавал ежедневную газету «Думский листок». Вообще же он серьезно занимался журналистикой, сотрудничал в центральной прессе: журнале «Русская мысль», газетах «Русские ведомости», «Русское слово», «Русская молва».

Лекционное бюро Московского отдела ЦК, используя ораторский дар Стаховича, неоднократно поручало ему чтение публичных лекций на различные темы и, прежде всего, о программе конституционно-демократической партии.

Популяризируя программу кадетов, стремясь донести ее до самых малограмотных слоев, Стахович писал брошюры. Одна из них – «Как и кого выбирать в Государственную думу. Что такое партийные выборы?» – вышла в преддверии выборов во II Государственную думу и «посвящалась крестьянам и мещанам». В брошюре автор разъяснял значение Государственной думы как «важнейшего после царя государственного учреждения», призванного работать на благо народа. Однако последнее, предупреждал Стахович, напрямую будет определяться степенью сознательности выборов, а, значит, зависеть от позиции каждого избирателя. Тем самым орловский либерал пытался пробудить в каждом потенциальном участнике избирательного процесса чувство гражданской ответственности, сопричастности к происходящему в стране. По сути, речь шла о формировании гражданского общества в России как залога успешности либерального преобразования страны.

Активное участие принял Стахович в обсуждении программы партии и, прежде всего, ее раздела по аграрному вопросу, ибо нужды деревни были близки и понятны Александру Александровичу с детских лет. Еще работая в елецком уездном земстве, он особое внимание уделял проблеме интенсификации земледелия путем внедрения передовой агротехники, оказания финансовой поддержки крестьянским хозяйствам, поощрения производства товарного хлеба, принимал участие в закладке лесов и лесополос, занимался улучшением быта крестьян, в составе елецкого уездного сельско-

хозяйственного общества способствовал развитию потребительской, кредитной и сельской кооперации.

В период работы местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности Стахович поднимал проблему снижения выкупных платежей, составлявших значительную часть крестьянских податей. Однако выдвинуть требование о полной отмене выкупных платежей он тогда не решился, боясь, что такая мера подорвет бюджет, поскольку уменьшит его на 80 млн. рублей. Другим вопросом, бывшим в центре внимания Стаховича, являлась проблема урегулирования арендных отношений, ведь, по его подсчетам, 40% частновладельческих земель в Орловской губернии сдавалось в аренду. Стахович доказывал непосредственную связь высокой арендной платы и хищнического землепользования.

В кадетской партии лидер елецкой группы проявил себя как принципиальный сторонник принудительного отчуждения части помещичьих земель, ибо только в подобном решении видел возможность примирения крестьян с землевладельцами.

Заметной страницей в политической биографии Александра Стаховича стало его участие в думских избирательных кампаниях, причем здесь ему непрестанно приходилось бороться с административным произволом, ибо задачей местных властей было не допустить оппозиционные элементы в народное представительство. Не сумев, несмотря на большую предвыборную активность, пройти в I Думу, Стахович стал депутатом Думы второго созыва. После ее роспуска он попытался баллотироваться в III Думу, но был исключен из списков избирателей, как не проживающий постоянно в Ельце. Для предотвращения возможности повторения данного прецедента на выборах в IV Думу, Стахович в 1911 г. приобрел в Ельце дом, что, впрочем, не помогло ему победить на выборах.

Одновременно он активно выступал в местной прессе, главным образом, в «Елецкой жизни», с критикой российского избирательного законодательства, считая необходимым немедленное исключение из последнего ценза оседлости как проявления недоверия власти к избирателям и инструмента в руках бюрократии для устранения от выборов неугодных лиц. Наряду с этим, Стахович критико-

вал куриальную систему выборов, закрепляющую сословную организацию общества.

В качестве депутата II Думы Александр Стахович призывал к объединению всех оппозиционных сил, поскольку «есть еще много работы, в которой расхождения не так значительны, как кажется». Планомерное законотворчество – вот магистральный путь преобразования России. «Мы не можем принять догмата, что все пути хороши, для нас хорош только путь легальный», утверждал он, критикуя леворадикальные партии, которые хотят «многого сразу...», не видят ближайших, сейчас могущих быть удовлетворенными нужд народа». Основным поприщем приложения сил Стаховича-депутата стали комиссия по местному самоуправлению и продовольственная комиссия.

В период работы IV Думы Стахович взаимодействовал с фракцией конституционно-демократической партии. Так, в 1913 г., выступая на совещании членов фракции с представителями местных кадетских групп по вопросу использования Думой ее бюджетного права в борьбе с правительственной реакцией, он предлагал утверждение народным представительством ассигнований на флот поставить в зависимость от соблюдения властью Манифеста 17 октября.

В обстановке надвигавшейся мировой войны Александр Стахович поддержал идею панславизма – объединения славянских народов под эгидой России с целью совместного противодействия угрозе со стороны Германии.

С началом I мировой войны Стахович, преисполненный патриотических чувств, принял участие в создании общероссийской общественно-политической организации – Всероссийского земского союза, занимавшегося первоначально помощью больным и раненым воинам. Однако окончания войны, равно как и трагических событий, последовавших в ее ходе, Александру Александровичу Стаховичу увидеть не удалось: он скончался в 1915 г. и был похоронен в Пальне-Михайловке.

РЕДКИЙ ОАЗИС КУЛЬТУРЫ*«Старое русское дворянское гнездо...»*

М.А. Стахович.

Одним из «редких оазисов культуры», по словам И.А. Бунина, на Елецкой земле является бывшее имение Стаховичей Пальна, ныне Пальна-Михайловка Становлянского района Липецкой области.

Исконными владельцами Пальны-Михайловки были елецкие столбовые дворяне Перваго, строители дома, возведенного по проекту известного архитектора А.Л. Витберга (1787–1855) в поэтическом сочетании с парковым ансамблем и прихотливой речкой Пальной, то полевой и тихой, то горной и стремительной, оживляющей и красящей усадьбу. «Витберговский дом», как его до сих пор называют Стаховичи, был уникальной жемчужиной русского деревянного классицизма. Паленской достопримечательностью является и церковь – мавзолей в форме ротонды с портиком и куполом на барабане, построенная по плану московского зодчего Д.И. Джилярди (1788–1845). Унаследованная единственной дочерью М.В. Перваго Надеждой Михайловной после ее замужества в 1819 г. Пальна переходит к роду Стаховичей.

Всероссийскую известность Пальна-Михайловка приобретает в связи с хозяйственной, общественной и культурной деятельностью первых паленских уроженцев, братьев Михаила Александровича (1820–1858) и Александра Александровича (1830–1913) Стаховичей. Михаил Александрович пользовался наибольшей популярностью как поэт и драматург демократического направления, писатель, музыкант-теоретик, фольклорист, краевед и общественный деятель. Личность Стаховича в широких общественных и культурных кругах России получает особое признание в 1850-х гг. в связи с подготовкой освобождения крестьян. Его борьба за освобождение с землей, первые практические шаги в этом отношении, горячее выражение сочувствия крестьянству в художественном твор-

честве, гуманность и благородство способствовали, несмотря на сопротивление губернских властей, его единодушному избранию елецким уездным предводителем дворянства перед Крымской войной 1853–1856 гг. Его драматические произведения – «Ночное», «Святки» (первоначально «Изба»), драматизированный рассказ «Наездники» вместе с пьесами Островского способствовали созданию русского национального театра. Они написаны на местном материале Елецкого уезда и прежде всего – жизни крестьян Пальны и ее округи.

Последней опубликованной работой Стаховича является небольшая книга «История, этнография и статистика Елецкого уезда» (М., 1858), краеведчески многоплановая и до сегодняшнего дня не утратившая своей исследовательской значимости.

Описывая Елецкий уезд в период XV-XVII вв., вплоть до начала Петровской эпохи, Стахович отмечает его сближение с Москвою на основе охранительной специфики, передового рубежа, аванпоста степной украины. При этом он развивает географическую концепцию в анализе исторических судеб елецкой земли. Его географическая характеристика уезда поражает всеобъемлющим знанием местного ландшафта, исключительной наблюдательностью краеведа, которому елецкая топография и топонимия знакомы до деталей. Географические описания Стаховича документальны, просты, естественны и в то же время поэтичны, близки тургеневским, но самостоятельны и своеобразны. Взять хотя бы представленные в единстве объяснения и зарисовки «колодези», «ключи», «верхи», которые так характерны для нашей местности, что часто определяют ее топонимию.

Жизнь М.А. Стаховича оборвалась трагически, когда он был в расцвете творческих сил и разносторонней гражданской службы, но сложившиеся в Пальне духовные традиции были продолжены его младшим братом Александром Александровичем, при котором дом Стаховичей, помимо высокой хозяйственной результативности, получил всероссийский резонанс как своеобразный центр культуры и общественно-просветительской деятельности.

А.А. Стахович – выпускник кавалерийского училища, лейбгусар, вышел в отставку в 1871 г. Тайный советник. Шталмейстер Двора Его Императорского Величества. Один из крупных коннозаводчиков в России. Отец большого семейства: 4 сына и 4 дочери. В молодости на одном из смотров на Марсовом поле ехал на белой породистой лошади Лермонтова. Будучи прекрасным чтецом и страстным театралом, самому Гоголю читал его «Женитьбу» и «Ревизора», дружил с М.С. Щепкиным. Более 50 лет находился в дружбе и семейном общении с Л.Н. Толстым, постоянно посещал Ясную Поляну, начиная с 1856 г., когда ему был подарен Толстым экземпляр «Военных рассказов» с подписью: «Любезному и истинно симпатичному А.А. Стаховичу. От автора (надпись с любезностью). Ясная Поляна». Книга находится в семейном архиве в Париже. Дружеские отношения с Толстым год от года крепились. После гибели брата Стахович передал Толстому по его просьбе сюжет повести «Холстомер», задуманный М.А. Стаховичем, о чем Толстой сообщил при ее издании (1886): «Посвящается памяти М.А. Стаховича. Сюжет был задуман М.А. Стаховичем, автором "Ночного" и "Наездники", и передан автору А.А. Стаховичем»¹.

Под впечатлением артистического чтения Стаховичем пьес Гоголя, Островского в Ясной Поляне в октябре 1886 г. Толстой в три недели написал «Власть тьмы», о чем сказал ему: «Вашим чтением вы расшевелили меня. После вас я написал драму... Или я давно не писал для театра. Или действительно вышло чудо, чудо!»².

После ее чтения Стаховичем при царском дворе Александра Ш было получено разрешение на ее постановку, которую ранее цензура запретила.

Систематически, на протяжении многих десятилетий изучая русскую сцену, Стахович стал редкостным знатоком театра и автором подробных записок о петербургско-московском театральном мире «Клочки воспоминаний» (М., 1904). В них автор большое вни-

¹ Толстой Л.Н. Холстомер // Соч.: В 14 т. М., 1951. Т. 3. С. 365.

² Стахович А.А. Клочки воспоминаний. («Власть тьмы», драма Л.Н. Толстого) // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. Соч.: В 2 т. М., 1960. Т. 1. С. 370-374.

мание уделяет пьесам старшего брата М.А. Стаховича в связи с их постановками, начиная с первых проб самого автора в исполнении елецкими любителями, а затем знаменитыми русскими актерами в Ельце, Воронеже, Петербурге и Москве.

В «Клочках воспоминаний» содержится и его стихотворение в прозе, обращенное к покойному брату Михаилу. Оно написано в 1861 г. в связи с отменой крепостного права, чему старший Стахович энергично содействовал. В стихотворении выражена уверенность, что народ вспомнит своего заступника и патриота, какие бы долгие годы ни разделяли гражданственный подвиг и его признание.

В августе 2001 г. в селе Становое был открыт памятник Михаилу Александровичу Стаховичу (скульптор – Н.А. Кравченко).

Александр Александрович, как и его брат Михаил, заботился о благосостоянии своих крестьян, для которых построил школу, больницу и родильный дом. Когда в конце 1950-х гг. фольклорно-краеведческие экспедиции Елецкого пединститута собирали в Пальне-Михайловке мемориальные материалы, в народе еще жива была восхищенная и благодарная память о нем как о неустанном труженике – до самых преклонных лет, рачительном хозяине конного завода, леса, земли, крестьянском кормильце.

В заключение следует коснуться восприятия А.А. Стаховича современниками культурного ранга. Интересен его портрет, написанный И.Е. Репиным, где облик Александра Александровича привлекает внимание зрителя своей одухотворенностью. Запоминается краткая, но впечатляющая зарисовка его писателем В.А. Гиляровским среди интеллектуалов «говорильни» в Английском клубе: «Перед ними стоял старик с белой шевелюрой и бородой. Он делился воспоминаниями с соседями. Слышались имена: Лермонтов, Пушкин, Гоголь...

Это был А.А. Стахович, известный коннозаводчик и автор интересных мемуаров, поклонник Пушкина и друг Гоголя. В своем

имении «Пальне» под Ельцом он поставил в парке памятник Пушкину: бюст на гранитном пьедестале»¹.

В революцию 1917 г. памятник Пушкину был разрушен, но к 200-летию поэта правнуки А.А. Стаховича восстановили его и торжественно открыли в мае 2000 г. (Скульптор Н.А. Кравченко).

В семье Стаховичей воспитывались поколения активных деятелей на поприще культурной и общественной жизни России. Сыновья Стаховича прославились каждый на избранном пути. Алексей Александрович (1856–1919), как и отец, был страстным театралом, одним из учредителей и директоров Московского Художественного театра, последние годы его жизни, тоже оборвавшейся трагически, были отданы сцене: генерал, он предпочел быть актером, а после 1917 г. вплоть до своей смерти возглавлял вторую студию МХТа. В его паленском доме неоднократно гостили артисты театра вместе с К.С. Станиславским.

Второй сын Стаховича – тоже Александр Александрович (1858–1915), был Елецким предводителем дворянства (1895–1904), учредителем школ и библиотек, строителем Народного дома (ныне Елецкий драматический театр), был членом II Государственной Думы, активно сотрудничал в русской прессе, не исключая и местной, отдельными изданиями публиковал работы по вопросам школьного обучения, особенно в сельской приходской школе. Многие его методические рекомендации – объясняющего чтения, наглядности преподавания, подготовки крестьянской молодежи к работе в родных местах, его борьба с низкопробной, но распространенной лубочной книгой, в чем он был сподвижником Л.Н. Толстого, – все эти проблемы были не только актуальными для своего времени, но опередили его и не устарели сегодня².

Третий сын – Михаил Александрович (1861–1923), был все-российски известным общественным деятелем: от уездного и губернского предводителей дворянства – до парламентария, члена Государственного Совета и дипломата. Волею судьбы оказавшись

---

¹ Гиляровский В.А. Львы на воротах // Москва и москвичи. М., 1979. С. 208.

² Стахович А.А. О борьбе земства с лубочной литературой. М., 1901; Он же. Развитие народного образования необходимо для подъема сельскохозяйственных знаний. М., 1902.

на чужбине, оставил краткие, но блестяще написанные воспоминания, в которых паленские масштабы перерастают во всероссийские. В них он глубоко анализирует напряженную жизнь России последней трети XIX в. с ее культурными взлетами (открытие памятника Пушкину в Москве, творчество Достоевского), социально-политическими стрессами (убийство террористами Александра II и казнь убийц), невиданным подъемом научной и общественной мысли (проф.-философ Вл.С. Соловьев, проф.-правовед и публицист А.Ф. Кони) и реакционным правительственным аппаратом, двигавшим страну вспять.

Михаил Александрович Стахович – младший в 1892–1895 гг. был уездным предводителем дворянства в Ельце, в 1895–1907 гг. – губернским в Орле. По семейной традиции увлекался театром. Вот что пишет по этому поводу С.А. Толстая: «1895... В то время везде играли "Власть тьмы". В Ельце ее ставили Стаховичи, причем старик, Александр Александрович, прекрасно, как говорили, играл роль старика – Митрича, а Михаил Александрович, его сын, – роль Никиты. Он весь горел, как и отец, его восторгом к пьесе и интересом постановки ее в Ельце. Не ел, не спал, страшно волновался, и результат был прекрасный»¹.

В бытность губернским предводителем, в 1897 г., Михаил Александрович принимает участие в работе общего собрания елецких библиотекарей, служащих по земству и народных учителей, где выступает с речью «О задачах библиотеки», раскрывая роль книги и тех, в чьих руках она находится, в духовном и нравственном воспитании молодого поколения, так что Елец и его культура были постоянным предметом внимания и забот М.А. Стаховича.

Продолжая семейные связи, через всю жизнь пронес М.А. Стахович неизменное чувство дружбы к Толстому и его окружению; делил с ним пешее путешествие от Москвы до Ясной Поляны, был активным помощником при работе писателя над повестью «Холстомер». Пользуясь петербургскими связями, Стахович хлопотал за всех тех, кого Лев Николаевич защищал или хотел помочь; был од-

---

¹ Толстая С.А. Моя жизнь // Прометей, 1980. Т. 12. С. 188.

ним из организаторов торжеств по случаю 80-летия писателя и учредителем Музея Толстого в Петербурге.

Этим двум братьям Стаховичам благодарные ельчане водрузили в день города (11 сентября 2005 г.) мемориальные доски.

Младший сын – Павел Александрович Стахович (1865–около 1930), кавалергард, офицер генерального штаба. Во время Бурской войны был послан в Южную Африку, где, являясь русским военным агентом при английской армии, провел около полугода, о чем опубликовал «Донесения ген. штаба полковника Стаховича...» (1900). С 1915 г. был во главе всего государственного конезаводства России. Именно ему, страстному любителю и знатоку лошадей, отец завещал свою усадьбу и любимый конный завод.

Последними Стаховичами, родившимися в России и воспитывавшимися в Пальне, являются дети двух старших сыновей Александра Александровича I. У Алексея Александровича Стаховича – две дочери и сын Михаил Алексеевич; у Александра Александровича II – три дочери и двое сыновей-близнецов – Александр Александрович III и Георгий Александрович. И хотя вторую половину жизни им суждено провести на чужбине, каждый из них оставил след в истории своей страны.

Михаил Алексеевич Стахович (1889–1967) по окончании Московского университета избрал дипломатическую карьеру и служил в русских миссиях Норвегии и Швеции. После октябрьского переворота обосновался в австрийском городке Зальцбурге и обратил купленный им старинный крестьянский дом в любимый уголок всех Стаховичей.

Преодолевая тяжкие недуги, бытовые лишения и чувство ностальгии по отчужденной Пальне, Михаил Алексеевич заполнял невольный досуг писанием воспоминаний и оставил рукопись будущей книги «Ушедшее», опубликованной в конце XX века в сокращенном варианте в Ельце¹ и годы спустя – в Зальцбурге на немецком языке, в переводе сына Михаила Михайловича Стаховича².

¹ Стахович М.А. Ушедшее (в сокращении) // Елецкие корни. Елец, 1996. С. 165-212.

² Stachowitsch Michail. Vergangenes. Meinen Kindern. Salzburg, 2001.

«Ушедшее» – книга воспоминаний о паленском мире Стаховичей, многочисленных родственников, о детстве и юности, о своих первых путешествиях по России и за границе. Книга пронизана нежной и гордой любовью, радостной благодарностью стаховичскому дому за прошлое.

Автор так реально воспроизводит паленские пейзажи, полевые и парковые, внешний вид и интерьер старого витберговского дома и нового, выстроенного в начале века «на том боку» за речкой Пальной, а главное – их обитателей, начиная с «патриарха» дедушки Александра Александровича I, бабушки Ольги Павловны, отца и матери, любимых дядюшек и тетюшек до служащих – воспитателей, нянюшек, управляющего, повара, наездников конного завода, горничных, приживалок, что страницы «Ушедшего» являются наглядной иллюстрацией векового уклада паленской усадьбы, типично-русского дворянского гнезда.

Это наиболее полный рассказ очевидца о Пальне, о характерных личностях отцов и дедов, об их необычайной одаренности, талантливости, о родословном древе, цветущем и крепком и вдруг погибшем от налетевшего вихря. Воспоминания «Ушедшее» написаны так увлекательно, что их читаешь, не отрываясь. Впервые мы видим конкретную картину семейного быта, которую автор всегда воспринимал как прообраз семьи, художественно воссозданной Толстым в «Детстве», в «Войне и мире». И нам думается, что Толстой, связанный со Стаховичами более чем полувековой дружбой и не раз, по свидетельству паленских служащих, посещавший Пальну, упоминая об одном из имений Безухова под Ельцом, имел в виду паленский дом Перваго-Стаховичей.

«Ушедшее» в отличие от других источников дает яркие характеристики женской половины семьи, начиная с прабабушки Н.М. Перваго, бабушки О.П. Стахович, рожденной Ушаковой, ее дочерей Н.А. Огаревой, учредившей в Пальне школу кружевоплетения, С.А. Стахович, самой талантливой и прекрасной среди сестер. Она продолжила дружбу семьи с Толстым и его домом, после 1917 г. всю последующую жизнь работала в музее Толстого в Москве и участвовала в подготовке к публикации Полного собрания его сочинений,

особенно его черновики и писем, и эту ее деятельность специалисты определили как подвиг. Фрейлина двух последних императриц, лесовод, бесстрашная наездница, с которой, единственной из женщин, Толстой соглашался ездить верхом, автор изданной «Посредником» книжки «Сиротка», она наиболее полно олицетворяла обаяние женского мира Стаховичей.

Общением с Софьей Александровной и ее семьей вызвана яркая страница в жизни и творчестве И.Е. Репина, которую искусствоведы часто именуют «Паленской эпохой»: посвящение Александру Александровичу, Михаилу Александровичу и Софье Александровне картины «Пушкин на набережной», чувство нежной дружбы к Софье Александровне, посещение Пальны-Михайловки летом 1891 и зимой 1892 гг., портреты А.А. Стаховича, портрет Софьи Александровны, десятилетиями хранимый художником среди самых дорогих полотен, редкая для кисти Репина пейзажная картина «Пальна. Вид с балкона»¹, зарисовки паленских обитателей, коннозаводские этюды, письма, полные волнующих воспоминаний и незабвенных чувств...

Книга «Ушедшее» посвящена родившимся на чужбине детям во избежание отсутствия у них чувства родины и национальной гордости. Автор предваряет текст «Ушедшего» четверостишием из своего стихотворения «Сыну», 1919 г.:

А может быть, в суетке новых стремлений
 Проснется родное чутье,
 Почувствуешь прелесть исчезнувших теней,
 И сердце забьется твое.

Отцу удалось воспитать в своих детях чувство русского патриотизма. Они сохранили русскую речь и стали частыми гостями в России, Ельце и Пальне. В годы перестройки старший сын Алексей Михайлович (1919) на восьмом десятке лет возглавлял немецкую миссию Красного креста в Москве, распределяя гуманитарную помощь, которую систематически доставлял в Елецкий Красный крест и в Пальну-Михайловку младший сын Михаил Михайлович (1921). В свою очередь, подобно отцу, он знакомит с Россией, Ельцом и

¹ Хранится в записках Минского музея.

Пальной свою семью – жену, троих детей и восьмерых внуков, которые, приехав из Австрии, Швеции и Соединенных Штатов Америки, собрались в Ельце в августе 2001 г., посетили Пальну и в результате возобновили занятия русским языком.

Старшим сыном Александра Александровича II был Александр Александрович III (1884–1959). Он рос в Ельце, вместе с братом Георгием учился в Елецкой казенной гимназии, летом возвращаясь в Пальну, где у отца был большой отдельный дом с красно-синим флагом на четырехугольной башне (не сохранился). Гимназию Александр Александрович III окончил с золотой медалью, затем Петербургский политехнический институт со званием кандидата экономических наук. Учившийся во времена бурного экономического развития России, интенсивного строительства железных дорог и множасьихся заграничных займов, Александр Александрович специализировался по вопросам финансов и служил в Кредитной канцелярии Министерства финансов. Благодаря прекрасному знанию французского языка уже в молодые годы принимал участие в заграничных делегациях Министерства финансов, оформлявших в Париже очередные займы.

Александр Александрович всю жизнь увлекался спортом: бегом, легкой атлетикой, борьбой и особенно теннисом, который Россия перенимала от англичан. Бывая в Ясной Поляне, играл в теннис в одной паре со Львом Николаевичем. Был выдающимся спортивным организатором как в России, так и впоследствии в русском зарубежье.

Все четыре года Первой мировой войны Александр Александрович воевал в рядах Преображенского полка и в период формирования Добровольческой армии был командирован в Сибирь к адмиралу Колчаку для возрождения Преображенского полка, о чем рассказал в своих мемуарах «Преображенцы в Сибири» (1920). Рукопись была предоставлена дочерью автора Марией Александровной Стахович Елецкому педагогическому институту для первого издания и опубликована в 1999 г.

Воспоминания о Сибирском походе интересны как искреннее повествование участника героического предприятия – вернуть Рос-

сии созданный Петром I и покрывший себя неувядаемой славой полк. Последний из оставшихся в живых членов сибирской экспедиции А.А. Стахович признавал «нравственную обязанность довести до сведения будущих поколений военных историков о подробностях работы и гибели последних «птенцов гнезда Петрова», заброшенных судьбою в Сибирь в годы российского лихолетия»¹.

Вторую половину жизни Александр Александрович провел в предместье Парижа Аньере, превратив свой домик и небольшой сад в уголок России и Пальны. На седьмом десятке лет он стал коллекционером петровских медалей.

Все последние годы жизни работа над медалями Александра Александровича глубоко удовлетворяла потому, что почти каждая медаль ему напоминала о русской военной славе. Больше всего его радовало то, что путем создания коллекции, равной которой не было даже в Москве (была лишь в Эрмитаже), он, пребывая в изгнании, принес ценный дар родине отцов. И тем самым победил! Преодолеl время, пространство и границы...

По указанию Александра Александровича, желавшего, чтоб медали непременно вернулись в Россию, коллекция была сыном передана в Музей Изобразительных Искусств в Москве, где 6 июня 1989 г. (в годовщину рождения Пушкина) состоялось открытие выставки «Медали на события эпохи Петра I из коллекции А.А. Стаховича».

Говоря о связях Стаховичей с Россией, необходимо упомянуть родного племянника Александра Александровича III, внука Александра Александровича II – Александра Георгиевича Стаховича (1914–1971), который внес свой вклад в историю России. Родился в Петербурге, в Зимнем дворце, электрооборудованием которого ведал его дед, барон Тизен-Гаузен. С 1920 г. вместе с семьей – в зарубежье, воспитывался под Парижем. В 1930-е гг. – живет в Южной Америке, где его застала Вторая мировая война. 18 июля 1940 г., услышав в Аргентине призыв генерала де Голля из Лондона, все бросил и отправился в Англию. Там поступил в воздушный флот и

---

¹ Стахович А.А. Преображенцы в Сибири // Историческое краеведение Липецкой области. Елец, 1999. С. 115.

примкнул к тем, кто создал знаменитую эскадрилью «Нормандия-Неман». «Счастлив был, – пишет его двоюродная сестра Мария Александровна Стахович, – что таким образом довелось ему воевать на родной земле, рука об руку с русским народом»¹.

Спустя десятилетия, не забывшие отцовско-дедовской родины Стаховичи стали вновь приезжать в Москву, Орел, Елец и Пальну-Михайловку. Это уже четвертое-шестое поколения семьи, оказавшейся исключительно дружной и на чужбине. В Пальне они осуществили реставрацию домового церкви-мавзолея Михаила Архангела, построенной по проекту Д. Джилярди в начале XIX в. еще при Перваго. Теперь это действующий храм.

Новые поколения Стаховичей продолжают семейные благотворительные традиции, и через Елецкий Красный крест активизируют социально-медицинскую службу сестер милосердия, опекающих престарелых инвалидов Великой Отечественной войны, труда, одиноких больных пенсионеров (сто человек); оказывают систематическую помощь в лечении и питании тяжело больных детей, детей-инвалидов; финансируют приобретение подарков и калорийное питание тех и других в праздничные дни – новогодне-рождественские, масленичные, пасхальные и др.

В 1994 г. Стаховичи приобрели во Франции в дар городу Ельцу большую православную библиотеку в связи с 50-летием со дня кончины всемирно известного профессора-богослова, протоиерея Сергия Булгакова, окончившего в свое время Елецкую казенную гимназию (1888–1890). Аналогичные библиотеки они передали на родину Сергия Булгакова в г. Ливны Орловской области, а также в областную библиотеку г. Липецка.

Несомненным достижением совместной деятельности преподавателей Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (ЕГУ) с членами семьи Стаховичей является изданная пятитысячным тиражом в 1996 г. (к 850-летию Ельца) книга «Елецкие корни», составленная нами из авторских трудов Стаховичей различных поколений. Помимо уже опубликованных ранее и ставших рарите-

---

¹ Стахович М.А. Стаховичи // Елецкие корни. С. 238.

тами книг – Стахович М.А. (1820–1858). История, этнография и статистика Елецкого уезда. – М., 1858; Стахович А.А. (1830–1913). Ключки воспоминаний. – М., 1904 (избранное), в книгу вошли еще не публиковавшиеся рукописи – «Записки М.А. Стаховича младшего» (1861–1923), бывшего елецкого уездного, орловского губернского предводителя дворянства и члена Государственного Совета – о политической и культурной жизни России конца XIX – начала XX вв. и «Ушедшее» (в сокращении) М.А. Стаховича (1889–1967).

Следует отметить, что переданные нам рукописи представляют собой национальную ценность. Санкт-Петербург и Москва настойчиво советовали наследникам опубликовать указанные материалы в престижных издательствах, но они отдали предпочтение Ельцу, с которым на протяжении столетия были связаны их предки. Книге «Елецкие корни» были посвящены презентации в Ельце, Липецке, Москве при культурном фонде России, она поступила в библиотеки города, области, страны и широко вошла в научный оборот.

Наше сотрудничество с семьей Стаховичей продолжается и сегодня. Одним из соавторов книги «Елецкие корни» Марией Александровной Стахович, составившей генеалогическую таблицу Стаховичей, были переданы для первой публикации на родине отца воспоминания А.А. Стаховича «Преображенцы в Сибири» (опубликованы в 1999 г.), а также уникальная по общественно-мемориальной ценности и богатству биографического материала рукопись «Биографические сведения о жизни и деятельности Владимира Михайловича Андреевского», родственника Стаховичей, тамбовского предводителя дворянства (1906–1917) и выборного члена Государственного Совета. Рукопись издана в 2004 г. В 2001 г. переиздана в ЕГУ сказка М.А. Стаховича, автора «Ушедшего», «Переворот в сказочном царстве», единственный раз увидевшая свет много десятилетий назад (20-е гг.) на страницах уже зарубежного «Сатирикона».

В средней школе Пальны-Михайловки с помощью кафедры историко-культурного наследия ЕГУ им. И.А. Бунина Стаховичи организовали музей, открытие которого состоялось в мае 2000 г., для

чего в Пальне собрались представители рода из Франции, Австрии и Германии. В экспозиции музея предусмотрены разделы: Стаховичи в истории и общественной жизни России; культурные контакты дома Стаховичей (Пушкин, Л. Толстой, Репин, Бунин, Пришвин); родственные связи Стаховичей с историческими фамилиями России. Стаховичи передали для музейной экспозиции различные раритеты: старинные книги, авторские издания и рукописи, богатейшую иконографию из французско-австрийского и американского архивов семьи, личные вещи, альбомы, скульптурные изваяния и др. Одновременно с музеем был открыт возобновленный Стаховичами памятник А.С. Пушкину (скульптор Н.А. Кравченко). Работа по формированию музея продолжается и сегодня.

Инициаторами всех этих начинаний стали дочь Стаховича А.А. III Мария Александровна Стахович (1924) и ее дочь Мария Алексеевна Стахович-Милькович (1954 г.), а также наиболее частый посетитель стаховичского гнезда Михаил Михайлович Стахович (1921), у которого в Ельце и Пальне появилось много друзей и творческих планов по совместной работе.

Как эстафету поколений и завет любви к родине – России и Пальне – передали Стаховичи Паленскому музею стихотворение Стаховича Александра Александровича III, посвященное деду Александру Александровичу I, сменившим его поколениям и самым юным, родившимся на чужбине.

Прошло почти сто лет, и эти деда строки
 Потомок автора в изгнание вспоминал,
 И хлынули из глаз горячих слез потоки –
 Вдруг вспомнилась Пальна, и старый дом, и зал.

И вспомнился завод, и бег, поля, и горы,
 Дубровка, Катухи, где ходят табуны,
 И Выруб-богатырь, верхи, и косогоры,
 Симакино, и сад, и старые дубы...

И вспомнил он про тех, кого уж нету боле,
 Кто прожил здесь свой век и так любил Пальну,

Заботился о всех, чужое тешил горе,
Кто рад был жизнь отдать за родину свою...
Париж, январь 1927 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ**М.А. Стахович****ЗАПИСКИ М.А. СТАХОВИЧА-МЛАДШЕГО
ПИСАНО В АИХ-ЕН-ПРОВЕНС В 1921-23 гг.¹**

Я всегда радовался, что, родившись 8 января 1861 года, я застал еще крепостное право, двадцать лет прожил в царствовании Царя-Освободителя, в эпоху великих реформ, вырос в этой атмосфере. Этой эпохи ни Россия, ни История не забудут.

Конечно, родившись за шесть недель до 19 февраля, я крепостного права не помню, но вырос и жил среди бывших рабовладельцев и крепостных; я не знал его юридических ужасных возможностей, ненавидел его понаслышке, но долго не отдавал себе отчета, что тот бытовой уклад, среди которого я рос, то взаимопонимание слуг и господ, которое я так любил и которое влекло меня всегда в Пальну, в деревню, к простому народу, и служить ему, и жить среди него, та атмосфера мирного и здорового сожительства, конечно, не мною создавалась, а я в нее попал и воспринял ее, как бессознательно, но безошибочно все воспринимаешь в детстве, отрочестве, потом в юности. Ошибаться и судить предвзято начинаешь только в зрелых годах.

Теперь, в 60 лет, разоренный, оторванный от всякой деятельности, бесприютный скиталец в чужих и чуждых странах, я все же наедине с собою говорю, что жизнь есть радость, великая радость, даруемая Богом человеку. Человек, рождаясь, еще не заслужил ее. Но я убежден, что он заслуживает эту радость, понимая и переживая ее в душе, напоминая себе постоянно, что жизнь есть радость и надо за нее благодарить Бога.

В период умственного и духовного роста, бессознательно набравшись того бытового влечения, о котором я упомянул выше, я, кроме первых 11 месяцев моей взрослой жизни, никогда не служил. В наказание за сделанные в Правоведении 2 или 3 тысячи долгу отец приказал мне поступить на казенную службу, а не раз-

---

¹ Печатается по первому изданию: Елецкие корни. Елец, 1996. С. 133-164.

решил поселиться в Пальне. Я поехал в Ковно, где еще были до-реформенные суды, и за 11 месяцев перебивал секретарем прокурора Суда П.Н. Огарева, и. о. судебного следователя, потом и. о. товарища прокурора, потом даже камерного товарища.

Но в ноябре 1883 года отец меня простил и разрешил осуществление моей мечты – не служить, а быть общественным деятелем, но работать только по выборам. На эту деятельность и ушли 36 лет моей жизни. Я вспоминаю о них без горечи и сожаления, хотя теперь, стариком, сижу у разбитого корыта на берегу угрюмого и чужого моря, а золотая рыбка моих надежд и стремлений уплыла, конечно, навсегда. Даже сварливой и виновной старухи нет при мне... Но оглядываясь, припоминая с целью пересказать, как жилось на Руси за эти полвека, я опять повторяю себе и наставляю тех, кто, может быть, прочтет когда-нибудь эти страницы, вызванные больше всего бездействием изгнания, – что жизнь есть радость; я твержу, что это ее самое справедливое и глубокое определение...

Нельзя делать своей жизни по задуманному плану. Она сама складывается и гораздо к лучшему, чем придумывал.

Карьера, успех, власть, богатство, слава – все это мишени. Цель должна быть одна – жить как возможно полнее, глубже, всестороннее¹. Жить на людях и для людей.

В 1883 году я начал общественную деятельность как заведующий призывным участком по всевоинской повинности, введенной Александром II всего в январе 1875 года, с уставами которой не только крестьяне, но и интеллигентные круги еще не освоились; земства вырабатывали жизненное толкование льгот и прав; II департамент Правительствующего Сената (где некогда говорил правду Яков Долгоруков, по язвительному замечанию Щедрина) чутко прислушивался, изучал условия и мотивы жалоб на решения губернских и уездных воинских присутствий или ходатайств на Высо-

---

¹ Как часто теперь в изгнании я вспоминаю мастерское противоположение Виктора Гюго: <...> "Дети, имейте цели, но и не имейте мишеней. Никого не изгоняйте, так как изгнание страшно".

чайшее Имя и давал мудрые определения для руководства присутствий.

Я хочу отметить, что в буйное время, когда мне было 22 года, когда восторженным учеником я шел за самыми либеральными толкователями разрастающегося самоуправления, за Ф.Ф. Самариным, Б.Н. Чичериным (знаменитым профессором, удаленным при Александре III за либерализм из Московского университета вместе с М.М. Ковалевским, И.И. Мечниковым, двоюродным братом Ковалевского, и С.А. Рачинским), кн. И.И. Васильчиковым (автором капитальных трудов, как: «Самоуправление, земледелие и землевладение», «Сельский быт и сельское хозяйство в России») и другими старшими передовыми земцами (больше всего тверскими и московскими), в огне самых бурных споров и заседаний не было того предвзятого, на первый план поставленного принципа оппозиции государственной власти, который так характерно выступает в позднейшей общественной русской жизни. Александра II обожали: народ – за 19 февраля, интеллигентный класс – за великие реформы (освобождение в 1861 г., судебная – 20 ноября 1864 г., самоуправление – 1865 г. и всеобщая воинская повинность – январь 1874 г.). Правительство критиковали, но ему верили и, вечно споря, старались сговориться и помогать.

Понимали инстинктивно, что бороться можно с правительством, а не с государством, которое должно охранять и которое не может обойтись без первого. Уже гораздо позднее, лет через 20-25, под давлением двух реакционных царствований – Александра III и Николая II, как это обыкновенно бывает, ненависть к правительству распространилась на самое понятие государственной власти. Оппозиция была уже не тактическим приемом, а казалась самодовлеющей политической целью... обессилить их, свалить, – хуже не бывает, мол... Умные предчувствовали, что может быть еще гораздо хуже; но сдерживать раздражение перед постоянным в течение 35 лет, систематичным и всесторонним преследованием всякого прогресса или освобождения, всякой самодеятельности, перед постоянно демонстрируемым пренебрежением к общественному мнению, нуждам и желанию масс стало невозможным. Борьба перешла уже

в войну и приобрела стихийный характер. Самую невозможность в будущем бороться со стихийным движением, все нараставшим в народе, создавало правительство.

Управлять массами можно, только организовав их и доведя организацию постепенно до центра, как сложнейший механизм морских заокеанских гигантов до пуговицы на капитанском мостике. Систематически в течение 35 лет правительство не разрешало или прямо разрушало все попытки общественных организаций, все равно в какой бы ни было области: не только в политической, но хозяйственной, экономической, социальной, художественной, даже научной, даже религиозной... Система требовала при отсутствии сотрудничества, при взаимной ненависти и борьбе, ради одного уже осведомления, централизации всей общественной, хозяйственной, умственной жизни в петербургской канцелярии. Без ее распоряжения нельзя было ни родиться, ни жить, тем менее действовать. А путь от народа, общества и ко всемогущей власти не был постепенным, организованным, а иногда совсем пустым, но чаще полным, с одной стороны, подозрительностью, с другой – предубеждением, делающим сотрудничество страны и власти невозможным.

Неорганизованная масса в 180 миллионов, как и всякая масса, впрочем, может подчиняться только двум выражениям власти: или полиции, или анархии. Все промежуточное уже нуждается в организованности. 3/16 марта 1917 года с отречением Николая II рухнула полиция тогдашней России. *Tertium non datum. (Третьего не может быть. - Прим. ред.)*

Больше 40 лет я очень близко стоял к русской общественной жизни, следил за ней и участвовал в ней. Теперь стариком и удалившись от деятельности, но обдумывая все то, что я так близко знал, я прихожу к заключению, что фактическим виновником теперешнего ужаса, исходной его причиной является – честнейший, чистейший и до самозабвения любивший Россию, может быть, самый русский из царей после Петра Великого, – Александр III. Он невольный виновник наших несчастий. Это был добрый и чистый человек (он женился девственником и никогда в жизни не имел лю-

бовниц(ы)); правдивый, он никогда не сказал неправды даже в области дипломатии; на службе и в обиходе всегда прямой, он, словом, мог бы громко и всенародно исповедоваться на Красной площади. Но, будучи неограниченным самодержцем, он был очень ограниченный человек, не хотел царствовать и совсем не понимал назначения Верховной власти. Поэтому, чуть не насильно приняв венец, он правил как бы по примерам, по зарубкам, как старые крепостные бурмистры управляли "по бирке", вместо бухгалтерии, огромнейшими вотчинами, оставаясь неграмотными.

Он раз навсегда сбился 9 марта 1881 года, на восьмой день своего царствования, и как очень цельный человек уже никогда не сходил с несчастного пути. В этот день, как известно, он собрал Верховный Совет (т. е. всех министров и высших сановников, пользующихся его доверием) и поставил на обсуждение: оглашать ли последний манифест Александра II, подписанный им 1 марта за несколько часов до смерти? Манифест устанавливал Государственный Совет не по назначению, а выборный различными установлениями, земствами, городами, дворянскими обществами, духовенством. Нужно помнить, что при этом Государственный Совет имел совещательный, а не законодательный голос, так как самодержавие оставалось неограниченным. Это была умная и осторожная попытка повести Россию эволюционным путем к неизбежному в наше время представительному правлению. Конечно, этот новый порядок привел бы постепенно до ограничения самодержавия, к конституции. Но именно в постепенности и заключался бы спасительный для народов путь неизбежной эволюции, а не отвратительный, при ее отсутствии, путь революции.

Манифест Александра II защищали горячо три министра, его бывших сотрудника: Милютин, А.А. Абаза и автор его, граф М.Т. Лорис-Меликов. Остальные, с Победоносцевым и Строгановым во главе, подняли яркую критику с угрозой неисчислимых бед и с ссылкой на мистический грех передать толпе Богом врученную власть. К.П. Победоносцев одолел, Александр III разорвал манифест своего отца и навсегда определил свое направление – назад! Всею всегда давать задний ход. И вот огромный неуклюжий тяжеловоз

русского правительства 35 лет все шел задним ходом по рытвинам и ухабам примитивного пути (Бог и историки знают, чего только не пережил он в пути), покуда не свалился в пропасть. Все великие реформы были пересмотрены, переделаны, ограничены. Все управление страной стало исключительно полицейским, держалось и сосредоточилось в департаменте полиции. Между тем России приходилось участвовать в мировом движении; ее бюджет с 450 миллионов возрос до 3 миллиардов с лишним и лежал исключительно на крестьянстве, а производительных сил, прав, развития не прибавляли...

К.П. Победоносцев, граф Д.А. Толстой, а затем целая школа их учеников и целое войско чиновников-карьеристов выработали и сумели привить недалекому царю совершенно вымышленное обвинение всей России в грехе цареубийства 1 марта. Ее объявили и виноватой, и больной, и стали лечить строгим режимом реакции, и стали пичкать все время такими сильнодействующими лекарствами, в которых она совсем не нуждалась, но от которых ее лихорадило все сильнее и сильнее... Этот эффект ненужного лечения выдавали за безошибочный диагноз опытных и любящих врачей и все усиливали дозы. Так было все 13 лет царствования Александра III... Потом это выработалось в систему, в традицию: при воцарении Николая II борьба правительства со всей страной зашла так далеко, так впиталась в государственные нравы, что ее можно было только сломить решительному и сильному человеку, а смягчить, поправить уже было невозможно.

Между тем отправная точка была несправедлива и нелепа. В 1881 году страна любила своего Государя, не сомневалась в преимуществах для себя монархического правления; с ужасом и негодованием отозвалась на отвратительный грех цареубийства 1 марта. В самой России группа анархистов была совсем ничтожная. При всем напряжении полицейских (знаменитое III отделение) и судебных властей (Н.Б. Муравьев, прокурор С.-Петербургской Судебной палаты, вел следствие и обвинял), при несомненном общем сочувствии карающей власти и негодовании к преступникам – могли разыскать и привлечь к обвинению всего пятерых: Русакова, бро-

сившего бомбу, – непосредственного убийцу; Перовскую, дочь бывшего петербургского губернатора, сторожившую на Невском с ручной бомбой на случай изменения маршрута; Кибальчича – химика и техника, изготовившего бомбы; Желябова – организатора и руководителя всего заговора и какую-то молодую еврейку Геси Гольфман, скромная роль которой была быть передаточной инстанцией и которой смертная казнь была заменена каторгой, так как она оказалась беременной. Остальные были повешены 3 апреля 1881 г. на Семеновском поле (у Царскосельского вокзала).

Я помню еще живо, как тяжело было ожидать объявления дня казни после обнародования приговора. Все были удручены, задыхались от ужаса, хотя никакого сочувствия к преступникам не было. Но гуманитарные веяния в то время были сильны, и общество на них реагировало. Конечно, не одинаково везде: среда, возраст вносили различия в эти отклики, но все выдавало общее участие граждан в страшном государственном событии и расплате за него.

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский, добрейший и просвещеннейший благотворитель, всю жизнь свою посвятивший делу милосердия (он был начальником IV отделения СЕИВ Канцелярии, ставшего потом Ведомством императрицы Марии) и просвещения в качестве Попечителя Александровского Лицея и выстроенного им Училища Правоведения, бесчисленных женских учебных заведений, институтов и приютов, страстно любивший Александра II (которому он по матери своей, великой княжне Екатерине Павловне, приходился двоюродным братом), почувствовал себя в качестве недостаточно бдительного подданного заслуживающим наказание за такой страшный грех. Он присудил себя к высшей мере: он принудил себя поехать и присутствовать при казни. Ни семья, ни врачи не могли отговорить этого добрейшего семидесятисемилетнего старца не мучить себя... Он принудил себя, поехал, взглянул... упал в обморок в карете и очнулся только через несколько часов во дворце... Он не оправился после этого горя и потрясения и через месяц, 1 мая 1881 года, скончался. Удивительный человек по доброте, по вере в благую силу просвещения и желанию служить ей, по чуткому человеколюбию был этот родной внук Павла Петровича.

Много он сделал доброго и полезного за свою жизнь¹. Земля ему пухом!

Другой ход общественной мысли и нравственного переживания нашел себе другого выразителя в лице тогдашнего профессора философии С.-Петербургского университета Владимира Сергеевича Соловьева, сына Сергея Михайловича – знаменитого историка. Но Владимир Сергеевич перерос даже своего огромного отца и ученостью, и славой, и подъемом духа, и полетом мысли. Ему было тогда не более 25-30 лет, но он уже давно профессорствовал и был высокопочитаем в ученом мире, а студенчество его носило на руках, несмотря на ортодоксальную его религиозность (что было не в моде).

В.С. Соловьев читал ряд публичных лекций в огромном зале Кредитного общества (у Александринского театра). Дня за два до казни я был на его лекции. Теперь, через 40 лет, я уже не припомню ее содержания. Но во второй части он рядом с категорическим императивом Канта поставил как нравственное требование понятие религиозного абсолюта. И при этом в часовой или более, не написанной лекции, а вдохновенной импровизации речи он говорил о переживаниях общественного духа за этот кошмарный месяц; об общем негодовании и возмущении перед отвратительным царевубийством; о подробностях, выясненных на суде; наконец, об ужасе этого ожидания пятиголовой казни. Не только красноречива и благородна была его речь, но она звучала какой-то строгостью и восторгом пророка, когда он доказывал, что казнь не искупит преступления, потому что греха нельзя загладить наказанием, а превзойти его можно только милосердием и жалостью; чтобы действительно стать выше преступников, надо... помиловать. Я повторяю, что уже не помню его выражений, но выражение его лица, общий вид огромной толпы и собственное переживание я помню. Мы были

---

¹ Он был рассеян и наивен, что подавало повод тысяче анекдотам и вымыслам. Но даже его наивность бывала трогательной. Увидав на Прачешном мосту у своего дворца стоящего городского, дрожащего от холода на своем посту в сильную метель, он долго мучился, как помочь городскому, не вредя его служебной бдительности, и, наконец, придумал: поставил круглую будку с зеркальными стеклами, сквозь которые городской мог все видеть, укрываясь от вьюги. Эта будка простояла до самой его смерти на Прачешном мосту.

объединены все в это время и негодованием к цареубийцам, и горем о погибшем, всеми любимом Царе. Но Соловьев заразил нас, проник до самой глубины души нашей, заставил почувствовать, что есть правда сильнее всякого зла, выше всякого горя. Что и отдельный человек, и совокупность толпы, и целый народ могут к ней приобщиться и по ней решить. Это было незабвенное впечатление. И хотя приговор не был перерешен, а Соловьев был отставлен от университета, мы пережили жестокость казни еще не один раз, но вера в подъем человеческого духа, в способность почуять веяние правды вечной над всеми делами людей осталась у нас, конечно, и не один раз в жизни отзывалась в наших чувствах и суждениях.

С Владимиром Соловьевым я потом сошелся очень близко и восхищался многими его сочинениями и статьями (особенно знаменитыми «Тремя разговорами»), но никогда он меня так не восхитил и не умилял, как в тот вечер 31 марта, кажется. Много я потом переживал сенсационных событий и сильных впечатлений, но никогда меня так не потрясала публичная речь, как эта, и, за год перед нею, речь Достоевского в Москве, сказанная на Пушкинских торжествах 8 июня, тогда в Дворянском собрании... «Смирись, гордый человек, потрудись, праздный человек!» – вывел Федор Михайлович из характера и судьбы Алеко (в «Цыганах») и отсюда повел не только мастерскую, но вдохновенную оценку не только пушкинского творчества, но и значения самого явления Пушкина как русского народного гения.

Раньше этого мы знали строки Герцена, как, разбираясь в истории России, наблюдая суждение свысока западных ученых, видя ее отсталость от всех народов, он всегда утешался одним напоминанием, «которого от него пушкой не отшибешь»: нет, не бездарен и не бездушен тот народ, который на строгий приказ грозного царя – всем вдруг образоваться – меньше чем в сто лет ответил необыкновенным явлением Пушкина! Твердили наизусть и «На смерть Пушкина» М.Ю. Лермонтова, и под тем же названием менее известное, но великолепное стихотворение Тютчева:

*Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...*

*Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

Знали, конечно, бесподобные статьи Белинского с его определением: «Пушкин – это гений языка и образа, гений только русский!» Видели, что Пушкин создал не только русскую литературную речь, но и самую русскую литературу. До Пушкина вся русская литература состояла из переводов и од на иллюминации (Белинский). Он, как Бог в 7 дней творения, прикосновением и дуновением своего гения создавал прообразы и повелевал русской земле произвести творения. Разве все поэты не вышли из Пушкинских прообразов? Разве Толстой, Достоевский, Тургенев, Гончаров и вся стая славных не вышла из «Повестей Белкина» и «Капитанской дочки»? Да разве Щедрин и все наши сатирики не зачаты «Историей села Горюхино?»¹ Мы все это знали и твердили.

Открытие памятника было, конечно, всенародным торжеством всей России, а на эстраде представляли художественную и литературную Россию – Тургенев, Достоевский, Писемский, Островский, Майков, Полонский, Голенищев-Кутузов, Потехин (А.А.), Ключевский, Аксаков (И.С.), Соловьев (С.М.), Буслаев, Тихонравов, Р.А. Юрьев, Катков, Максим Ковалевский, Рубинштейн Н.Г., Чайковский П.И., и сколько еще славных имен, которых в эту минуту не припомню! – через 41 год.

---

¹ Между прочим, по иронии судьбы и строгости Императора Николая I перекрещенной при посмертном издании Жуковским в «Летопись села Горохина». Точно также на Опекушинском памятнике (в Москве) 4 стиха:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал.
Что прелести живой стиха я был полезен
И милость к падшим завещал,

хотя они на памятнике Пушкину не его слова, а высечены стихи Жуковского. Вот Пушкинская подлинная строфа:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что в мой суровый век восславил я свободу
И милосердие воспел.

Вот что сам Пушкин отчеканил для своего «Памятника» и что бедный Жуковский должен был так мизерно пересказать по-своему.

Но из тех, кого на эстраде в тот день не было, но кого я близко знал и хорошо помню, назову Л. Толстого, Фета, Чехова, Горького, Короленко, Репина, Ге, Поленова В.Д., Крамского.

Если когда-нибудь эти строки будут читаться потомками, я мысленно шлю им Фамусовскую реплику:

Да-с! Вы, нынешние, - нут-ка!

И, дай Бог, чтобы они меня осрамили, затмив перечисленных мною.

Мы привыкли видеть в Пушкине поэта, писателя и не задумывались дальше. Достоевский в своей замечательной речи так ясно показал нам, что Пушкин еще пророк земли русской, создатель ее величайшей духовной заслуги перед миром – ее литературы. Когда он 9 июня 1880 года часа в 4 пополудни доказал нам, что Пушкин собою явил «русскую всечеловечность и всемирность», когда потом, мертвенно бледный, задыхающийся, договорил свои последние слова: «Но Пушкин унес с собою в гроб некую великую тайну, признаваемую его всечеловеческим гением, а которую мы теперь разгадываем...», то с толпою в несколько тысяч человек произошло что-то небывалое, а вместе общее, повальное: в нем участвовали, его пережили все, начиная с Достоевского, – эстрада, которую я выше частично перечислил, весь огромный зал, все мы, бесчисленная молодежь на хорах, – не то землетрясение, не то невиданный взрыв, не то прорыв огромной плотины и водопад экстаза... Произошло что-то непостижимое, но незабвенное, то, как представляешь себе откровение... Такого повального экстаза, мне кажется, я не наблюдал, как тот, что захватил массу после речи Достоевского о Пушкине и речи Владимира Соловьева об унижении правды – казнью.

На Достоевском ярче, чем на многих других, – потому что он был значительнее и крупнее, – подтверждалось определение Пушкина о независимости житейской мерки человека от доступной поэту высоты духовного подъема и творческой мудрости.

Пока не требует поэта

К священной жертве Аполлон...,

Достоевский мог быть мелочен.

Обиженный несчастным отзывом в маленькой газете (Петербургская – Худекова), что он дурно прочел сцену в подвале из «Скупого рыцаря», он поехал в редакцию узнавать, кто репортер? Просил, настаивал, обещал рассказ или статью и, узнав, что так отозвался об его чтении я, перестал меня принимать или делал вид, что не узнает... Никогда больше не согласился читать в один вечер с моим отцом, который был прекрасным и очень популярным в Петербурге чтецом.

Л.Н. Толстой никогда не встречал Достоевского, но нежно любил заочно, восторженно хвалил и преклонялся перед ним. Достоевский почему-то примешивал его к своей ненависти к Тургеневу и всегда издевался или обвинял их обоих зараз...

С Тургеневым они долго были знакомы мало и издали... Но когда Достоевский затем начал издавать "Время", он обратился к Ивану Сергеевичу с письмом, прося что-нибудь для первого номера. Тургенев ответил правдиво, что у него ничего нет отделанного. Достоевский написал вновь (я это письмо читал в Спасском), прося хоть что-нибудь – отрывок, воспоминание, черновую, – лишь бы подпись «Ив. Тургенев» была в первом номере. Тургенев, извиняясь и сам себя критикуя, послал ему «Довольно». Я не один, много нас, страстных поклонников этого гениального монолога, совершенно исключительного по искренности подъема, чувства, по глубине и уму определений. Мы целыми страницами цитировали его наизусть... И вдруг в «Бесах» (в сцене благотворительного концерта) мы прочли довольно пошлую пародию на «Довольно». Она называется «Мерси... мерси... мерси...», и читает ее автор – Кармазинов, в котором иностранец того времени не мог не угадать Тургенева.

В конце января 1881 года мы хоронили Ф.М. Достоевского. Он проболел, кажется, всего два дня, весть об его болезни не разнеслась еще по городу, когда в 8 часов утра (30 или 31 января) мы собрались в аудитории 11 класса (специального) Императорского Училища Правоведения на лекцию Уголовного Судопроизводства, которую читал Анатолий Феодорович Кони. Профессор вошел бледный, как всегда, с очень выразительными чертами некрасиво-

го, но чудесного лица¹ и особенным, проникновенным, порою дрожащим голосом закричал:

«Мы с вами остановились, господа, на вопросе о роли психологии в исследовании и определении преступления... Коренной вопрос для будущих судебных деятелей, и мы его собирались изучить в научном и юридическом трактовании... Я постараюсь показать и объяснить вам, как не трактует, а проникновенно разгадал его не психолог-профессор и не юрист, а гений-писатель... Сегодня ночью, господа, умер Достоевский. От этого не может отойти, не может еще свыкнуться ни одна русская душа, не может не подчиниться этому явлению и ум лектора, как ни строго он связан ученой программой... Да если вы только поймете анализ Достоевского и проникнитесь необыкновенным типом Порфирия (следователь в «Преступлении и наказании»), вы будете лучше, чем хорошими юристами и превосходными следователями».

Затем Кони разобрал – и не только в плоскости юридической психологии, а как тонкий литературный критик (каким был всю жизнь) – содержание «Преступления и наказания»: заразившаяся от ума и заболевшая воля Раскольников, доводящая его до убийства старухи ростовщицы; потрясающая бездна абсолютной заповеди «Не убий», разверзшаяся перед ним после преступления; об умно подготовленной защите, питаемой несокрушимым убеждением справедливого протеста отвлеченного права против материального зла... Но в борьбу с этим самооправданием Раскольника вступает умный, добрый и страшно опытный следователь Порфирий. Он не только понимает и знает людей и психологию обвиняемых; он еще тверже знает, как недоуменно-мучительно переживание совершенного преступления, как неизбежен для провинившейся, но не загубленной еще души один единственный путь – покаяться, духовно принять наказание как искупление своего страшного греха.

Кони развивал и иллюстрировал свои положения не только цитатами из этих знаменитых сцен романа, но и многими воспоми-

---

¹ Апухтин, кажется, в «Записках сумасшедшего» попробовал его описать: «Есть у меня знакомый прокурор. С задумчивым лицом и грустными глазами».

наниями из своей долгой и знаменитой судебной практики. Пробило 9 часов; протрещал звонок на перерыв; через десять минут опять прозвонили вторую лекцию – в нашей студии никто не копнулся, никто не отвел глаз от лектора... Десять минут из зала к нам заглядывали любопытствующие правоведаы – что же сей сон значит? Наконец, в 9 ч. 15 вошел профессор Политической экономии – скромный, умный и скучный Грифцов – и, видя кафедру занятой, скромно присел на крайнюю парту, стал слушать и, очевидно, искренне интересовался...

Мы продолжали висеть над речью даровитого профессора, образованнейшего человека и тончайшего знатока литературы... Он кончил почти в 10 часов. Пронесся глубокий общий вздох. Несколько недоуменных вопросов от менее впечатлительных и Грифцова. Класс все сидел не колыхнувшись. Но когда со звоном А.Ф. Кони встал, сошел, ковыляя, с кафедры и стал извиняться перед пораженным Грифцовым, что бесцеремонно занял его час, мы как будто очнулись... Захлопали, вскочили, подхватили на руки растерянного профессора и с криками благодарности и восторга пронесли через огромные залы Училища до швейцарской. Прощаясь, А.Ф. сказал нам: «Не старайтесь запомнить мои удачные выражения, показавшиеся вам красноречивыми... Запомните, что я хотел вам объяснить, а в жизни, когда будете следователями или прокурорами, то обдумывайте и перечитывайте Достоевского».

Долго потом, целых 37 лет, не прерывались мои личные и письменные отношения с А.Ф. Кони. Я всегда его читал, слушал, когда только удавалось; у нас были общие друзья; 11 лет (1906-1917) были мы коллегами по Государственному Совету, и я принадлежал к его крайней лево-«академической группе», но никогда, кажется, я так восторженно им не восхищался, не был так благодарен, как после этой двухчасовой импровизированной лекции. Я как-то напомнил ему о ней... – «Вообразите себе, – сказал А.Ф., – я никогда не мог ее восстановить... Выходя из дома, я узнал о смерти Достоевского; пока я ехал на извозчике до Правоведения, эти мысли приходили мне на ум; только решив, что я буду говорить о Порфирии, я стал их искать и нанизывать. Но вообразите, что никогда потом я не

мог восстановить лекции... Отдельные мысли только вспоминались».

Так почти всегда бывает с воистину импровизированными речами. Но в этот день великий учитель, действительно, овладел умом и душой молодых слушателей, научив их, как надо читать Достоевского, продумывать его.

А как профессор он сразу убедил нас, что хороший судебный деятель не только знаток законов и остроумный их толкователь, не только вышколенный диалектик, а должен быть еще вдумчивым и искренним психологом.

Через два дня были похороны Достоевского, целое событие... Была разрешена официально процессия (кажется, впервые). Я нес венки от нашего училища... Венков было много сотен со всевозможными надписями и девизами... Когда катафалк подходил к воротам Александро-Невской Лавры у Владимирского собора (почти 2 версты), последние депутации еще строились... Сколько же было народу? Наверное, не менее двухсот тысяч. Расходились уже в темноте... Я попал домой перед обедом и помню, что нашел в передней бандероль с февральской книжкой «Русского Вестника» и на кушетке у Любаши (друг и воспитательница моей матери, жившая с нами после смерти Бабуся – Софии Гавриловны Ушаковой, урожденной Родзянко) вскрыл и стал взволнованно читать в ней «Похороны Илюши» и последние главы «Братьев Карамазовых».

II

После похорон Достоевского в том же году было для нас два крупных события. Через месяц, 1-го марта 1881 года, будучи на рысистом кругу Семеновского плаца (было воскресенье), мы вдруг услышали какие-то толки, что Государь... убит. Я помню, как мы вскочили из беседки, вскочили на какого-то лихача, велели лететь в Зимний дворец, несмотря, что он нас предупредил: «Господа! Своей первой очереди я дешевле четвертой (25 рублей) не продам». Мы обещали, но по пути сказали, почему так торопимся... Когда мы подъехали и расплачивались, он нам вдруг сказал: «Не нужно денег, я вам заплачу четвертную, если вы меня к Нему проведете... Пусть лошадь пропадает!» Лошадь мы доверили городовому, а из-

возчику посоветовали молча идти за нами... Я потом много раз ходил по Зимнему дворцу и на приемах, и на балах, и показывая его иностранцам, и представляясь... Но никогда, конечно, я так не бежал, не переспрашивал, не метался, покуда мы не дошли до фонаря (спальни Государя). Он уже отходил... Дыхание свистело, а врачи с растерянными лицами шептались у стены. Рождественский (придворный протопресвитер) что-то шептал и широко крестил неподвижное тело Александра II, Царя-Освободителя, любимца своей страны. Я помню, как все метнулись в угол, и вошел с искаженным отчаянием лицом огромных размеров человек, а маленькая женщина настойчиво гладила его рукав... Это был уже Александр III и Императрица Мария Федоровна... Потом старый безголосый А.А. Суворов вышел (помню, как камер-лакеи спешно отбивали замазку с окна) на балкон и объявил народу, что Император Александр II почил в Бозе, что воцарился сын его, Император Всероссийский Александр III. Конечно, он сам себя не слышал, не только никто не слышал его на площади... Но толпа росла стремительно, притекая отовсюду, и когда через какие-нибудь полчаса новый Император вышел и сел в сани (сзади оказался уже императрицын синий лейб-казак!), сани шагом едва пробивались по дворцовой площади, народ кричал ура! и разные сочувственные возгласы, а новый Государь даже не оглядывался, не только не кланялся, а сидел, дрожал и рыдал...

В этот час Александр III был верен себе. Всякое личное, семейное, непосредственное человеческое чувство он проявлял просто, безыскусственно и убедительно искренне! Это был лучший и честнейший, нет, даже чистейший человек из 160 миллионов своих подданных. Но это был вреднейший царь, погубивший династию Романовых. Он говаривал охотно: «Я предпочитаю быть любимым сотней близко меня знающих людей, чем быть популярным среди столько-то миллионов подданных». А что это была за ересь! Частный человек, особенно добросовестный и скромный, может так мыслить... Но раз 160 миллионов не могут воспринять личные впечатления от одного человека, то для них необходимо стараться создавать легенду, профиль на медали, популярность разменную, но

очень обиходную... Царь не должен чувствовать и жить, как частный добросовестный человек... Он непременно должен метить на эффект и стараться всегда преуспевать... Талантливые друзья ему бы помогли, но все предпочтения Александра III шли к бездарностям. Витте единственное, но, правда, блестящее исключение. Но все-таки не Александр III разгадал и выбрал Витте. Витте его победил...

Дело произошло так. Государь ездил осенью отдыхать в Крым. Он, конечно, следовал по Юго-Западным дорогам, директором которых тогда был Витте, который отлично знал службу, начав ее с должности весовщика, потом конторщика, кассира и т.д. В качестве председателя Общества Юго-Западных железных дорог он сопровождал императорский поезд на локомотиве, наблюдая за машинистом. Тут он заметил по дерганьям и задержкам, что что-то неладно: поезд неверно составлен. Он велел подать себе график, изучил его и убедился, что императорский поезд составляется неправильно, что тяжелейшие вагоны то в голове, то в хвосте поезда и что это опасно... Он написал об этом министру Путей сообщения адмиралу Посъету и предупредил, что если расположение императорского поезда не будет изменено согласно требованиям технических законов, он не отвечает за безопасность следования и не поведет поезд. Когда Государь возвращался из Крыма, Витте встретил поезд на первой станции ЮЗ ж. д., но увидав, что он составлен по старому, подошел к Посъету. Министр его успокоил, что есть высочайшее повеление, так как он его (Витте) представление докладывал Государю, но Государь «отмахнул», переговорив кое с кем. Тогда Витте отказался вести поезд, а стал на площадку какого-то свитского вагона и так сопутствовал, покуда императорский поезд шел по участку ЮЗ ж. д. По пути был завтрак, на который Витте не пригласили, хотя подчиненные ему чины сидели за высочайшим столом. Не помню, на какой предельной станции (может быть, Фастово, может быть, нет), поезд с ЮЗ переходил в район Курско-Киевской ж. д. Витте, как и весь персонал, выстроился... Государь вышел лично поблагодарить и проститься... Не узнал или не заметил Витте, не поздоровался, не подал руки, а прочим чинам ирони-

чески сказал: «Мы прекрасно проехали, как ни старались перемудрить наши вершители...» Витте понял, в кого намечен камушек... Но через два с половиной часа произошли Борки, т.е. крушение на завороте, подозрение в покушении, следствие Кони и заключение, что несчастье произошло от технически неправильного состава поезда... Императорские вагоны были расставлены несоответственно своему весу.

Через полтора года, кажется¹, Иван Алексеевич Вышеградский, министр финансов, понял, какую роль должны играть в бюджете России железные дороги и необходимость пристально ими заняться. По человеческой слабости или по глубокой оценке своих коллег он решил учредить Департамент Железнодорожных Дел (все тарифное и строительное дело) при своем Министерстве Финансов, а не чужом – Путей сообщения. Государь соизволил; тогда Вышеградский представил в директора Департамента своего бывшего помощника по Обществу Юго-Западных железных дорог – Сергея Юльевича Витте. Александр III сказал: «Витте? Я что-то слышал как будто... Представляйте...» Но когда назначенный Витте представлялся Государю, Государь, припомнив или будучи предупрежден, вдруг подошел к очень боязливо стоящему директору Департамента, дал руку, держал его, покуда говорил, очевидно, намеренно громко: «Я помню ваш спор в моем поезде. Вы были правы. Я приказывал, а надо было понимать дело, как вы... Я вам верю». Известно, что цельный, всегда искренний Александр III, раз поверив Витте, сделал его потом и министром Путей сообщения, а через несколько месяцев – министром Финансов (по болезни Вышеградского), всегда ему верил и своей поддержкой дал этому замечательному государственному человеку возможность положить все силы и совершенно исключительные дарования свои на служение к процветанию финансово-экономических нужд России. И при этом я много лет видел и убедился, что даже 15 или более лет после смерти Александра III, у него из 160 миллионов, наверное, не было

---

¹ Пиша в изгнании, не имею под рукой ни материалов, ни возможности проверить свою память.

более беззаветного, восторженного, убежденного верноподданного, чем С.Ю. Витте.

Мне, вероятно, не раз придется упоминать о нем в этих «клочках воспоминаний», так как я долго с ним дружил, близко его видел и знал, совершенно сознательно преклонялся перед ним как государственным деятелем, сердечно любил как честного человека. Но сейчас я не хочу отвлекаться описанием его; я еще пытаюсь наладить, направить свои воспоминания...

Вторым (для нас, правоведов) событием несчастного 1881-го года была – не помню, 1-го или 2-го мая – смерть нашего попечителя, старого принца Петра Георгиевича Ольденбургского... Это странно. Он чуть не ежедневно заезжал в училище. Мы привыкли его постоянно видеть и трунить над ним. Его рассеянное, всегда чем-то другим поглощенное выражение лица (что французы называют *une absence*), его неожиданные замечания, казалось, плодили среди непочтительных воспитанников только анекдоты на его счет, бесконечные, иногда очень смешные. Последним был упомянутый мною раньше рассказ, как в наказание себе он поехал присутствовать на казни цареубийц 1-го марта, не выдержал и упал в глубокий обморок. Мы потом его уже не видали. Поговаривали, что наш принц болен... И вдруг узнали, что наш принц умер... Что будет дежурство при его гробе. Но когда мы, сменяясь каждые 2 часа, стояли над ним и молча о нем подумали, мы вдруг почувяли, как давно и нежно мы его все любим; как мы сжились с этой личностью, как бессознательно и благодарно привязались... Видя его в гробу, мы почему-то особенно ясно сознали, сколько отдавал он нам, сорванцам, любви и непрестанной заботы; скольких, кроме нас, он любил и опекал, покуда мы сочиняли анекдоты о нем и острили...

*О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха,
Жрецы минутного, поклонники успеха,
Как часто мимо нас проходит человек!*

Мне помнится, что этот стих Пушкина пришел мне на память во время дежурства, когда я заглядывал в это доброе, но уже безжизненное лицо, перебирал в памяти богатую событиями жизнь

этого Просвещенного Благотворителя¹, умилялся на нее и спрашивал себя, почему же мы, постоянно с ним общавшиеся, реагировали только шутками, иногда похожими на насмешки? Разве это справедливо и достойно?

Я тогда не знал еще людей и потому недоумевал и упрекал себя...

Через год я кончил Училище и подал прошение о зачислении меня вольноопределяющимся для отбытия воинской повинности. Противно петербургским обычаям и советам, которыми меня убеждали поступить в один из гвардейских полков, где столько было знакомых и родных (в Кавалергардском и Лейб-Гусарском у меня было по брату офицерами), я решил присмотреться к армейской, провинциальной, тогда незнакомой мне среде и поступить рядовым в 142-й Звенигородский пехотный полк 36-й пехотной армейской дивизии.

Уже едучи представляться (к 1 июля) в Орел, под которым был расположен лагерь, я остановился на несколько часов в Москве и случайно встретил в Славянском Базаре своего знакомого, графа Алексея Павловича Баранова, Алешку Баранова, как звала и знала его вся Москва. Это был редкий тип умного, способного, очень хорошо поставленного по связям в свете и служебном обществе (*tres bien apparente*) человека, но который настойчиво и сознательно посвящал всю свою жизнь шутке и жуирству. Чего только с ним в жизни не случилось! Чего только он не выкидывал! Но внешность у него была подкупающая, хотя не соблазнительная: огромный, толстый, басистый, а обращение в шуточном всегда тоне, но необыкновенно и тонко остроумное, было соблазнительно увлекательно... Я встречал его раньше у Апухтина, первого поклонника его острословия, в котором он и сам преуспевал. Потом мы с ним даже породнились. Но в конце июня 1882 года он случайно меня встретил, едущего в Орел в полк, уговорил остаться, соблазнив обедом у Яра, а потом вечером в цыганском хоре (я слыл по последним школьным годам отчаянным цыганистом) в компании его двоюрод-

---

¹ Надпись на памятнике, кажется, работы Опекушина, воздвигнутом ему против Мариинской больницы на Литейной.

ного брата Михаила Дмитриевича Скобелева (матери обоих были сестры Полтавцевы. В мать Скобелева был влюблен Алексей Степанович Хомяков, и ей посвящено знаменитое «Когда гляжу, как чистозеркально твое чело...»).

Я сразу забыл наложенные на себя клятвы исправиться, жить экономно и строго, не ездить к цыганам, вообще не кутить... Обаяние Скобелева среди тогдашней молодежи было огромное, легендарное. Его азиатские походы уже расплодили поклонников, но больше в офицерстве. Но его энергичная, талантливая и всегда молодецкая деятельность в русско-турецкую войну (Зеленые Горы, взятие Плевны при третьем штурме, его настойчивое требование взятия Константинополя раньше мира), потом молодецкий Текинский поход, покорение Мерви, наконец, совсем еще свежая речь его в Париже о будущей неизбежной войне с Германией и как Франция и Россия ее осияют, – словом, все то, что компрометировало его служебную карьеру в придворных и административных кругах, – все это создавало ему легендарную популярность не только в армии, но и в народе, а еще большую среди молодежи. Мы бредили Скобелевым, и я не боролся с соблазном, остался на лишний вечер в Москве, чтобы в тесном кругу познакомиться со Скобелевым.

Для меня на его имени было пятнышко: он был сын Дмитрия Ивановича Скобелева 1, ничем незаметного генерала, хотя и наказного атамана, и внук Ивана Хрисанфовича (или Ксенофонтовича, не припомню) Скобелева, храбростью и умом выслужившегося из солдат (правда, потеряв руку в 1812 году) до генерала и бывшего помощника гр. Бенкендорфа по III отделению Собственной ЕИ Величества канцелярии, т.е. тайной жандармской полиции. Это он на запрос Бенкендорфа: «Что это за Пушкин?» – в рапорте написал: «Ефто тот самый Пушкин из Псковских дворян, которому 7 лет назад было мною воспрещено, чтоп виршей больше не строчил». К счастью для России, Пушкин его не послушался.

Конечно, это представляется диким... Но в 30-х годах и не такое было возможно.

Разбирая бумаги Аксакова и готовя с его вдовой Анной Федоровной (дочь поэта Ф.И. Тютчева) в Троице-Сергиевской Лавре

полное собрание его сочинений в 1887-1888 году, я сам видел в его архиве среди бесчисленных автографов Пушкина, Гоголя и остальных из стаи славных – видел большой конверт с императорской печатью, на котором рукой Николая Павловича гусиным пером было начертано: «Фрейлине А.О. Россетти». А несколько ниже: «Советую переделать в роман» и росчерк... Это Государь, бывший цензором Пушкина, возвращал через А.О. рукопись «Бориса Годунова», решив почему-то, что лучше бессмертную трагедию переделать в роман, и не задумался изобразить высочайшее повеление... А.Ф. Аксакова рассказывала мне, что Пушкин скромно ответил: «Я боюсь, что у меня не хватит таланта...» Вот поистине деликатное *Ne tolle supre crepidem!*

Я надеюсь еще упомянуть об издании полного собрания сочинений И.С. Аксакова и тогда поговорить об удивительной его вдове Анне Феодоровне, умнейшей женщине, когда-либо в жизни мною встреченной; а теперь доскажу в нескольких строчках мое впечатление о Скобелеве в этот бурный вечер конца июня 1882 года.

Скобелев сразу производил то особенное, прежде всего яркое, выпуклое впечатление, по которому позже и долго я всегда отличал людей исключительного дарования и несомненно крупных как личности. От случайного разговора в вагоне, как-нибудь на пикнике, на придворном балу или светском вечере, на охоте или в больнице, но такие собеседники всегда дают вам впечатление своего роста и веса. Вы невольно их запоминаете и безотчетно помните не только сказанное ими, но и свое тогдашнее впечатление. Сколько раз я проверял это, вспоминая встречи с Толстым, Тургеневым, Пастером, Гладстоном, Репиным, Горбуновым... *J'en passe et des meilleurs!*

У Скобелева был необыкновенно живой и яркий ум, который блистал одинаково, шутил ли он, отзывался ли о каком-нибудь явлении в серьезной или общественной жизни и особенно, если затрагивал случайно «свое», т. е. военное дело, вспоминая прошлые войны, а еще больше – загадывая о будущих, ожидавших Россию. И как он работал, читал, путешествовал...

**РЕЧЬ М.А. СТАХОВИЧА
НА «МИССИОНЕРСКОМ СЪЕЗДЕ» В г. ОРЛЕ (1901 г.)¹**

Ваше Преосвященство! Дорогие Отцы и Братие! С почтительным и глубокоблагодарным вниманием сосредоточивался я на занятиях миссионерского съезда, заранее предвкусив всестороннее удовлетворение моего одинокого пытливого, как и бессильного знания этих самых больных вопросов с тоской и тревогой переживаемого нами тяжелого времени. Обширность программы первая же подсказала мне утешительную надежду. Она обнимала почти все оглашенные смущения последних годов, обещала облегчить или уничтожить недоуменное сострадание, произвольно вызванное, неуверенно высказываемое при слухах о гонимых, высылаемых, приговариваемых людях за дикие изуверства, за отвратительные, а иногда умильные, хотя и чуждые нам, их верования.

Отбыв весь Ваш съезд, я горячо сожалею, отцы и братие, что ваше служительское смирение отозвалось сугубой скромностью в этой профессиональной области, к которой приобщены и мы, менее просвещенные чада православной Церкви. Что ваши в высшей степени наставительные собрания не получили достойной их огласки, что испытанное мною удовлетворение выпало на долю еще немногих, что званными были только избранные.

Как общественный деятель, я знаю, как много было жаждущих просветиться, услышать от достоверных авторитетов сущность и оценку всяких лжеучений, расколов, ересей, сектантств, нарушающих величавый мир нашей Церкви, смущающих и пугающих богословскую темноту ее смиренных сынов.

Они бы, как я, воочию увидели, что вы научно и практично, неколебимо и гуманно, так умело и просто раскрывали нам далекие корни этих острых болезней, этих ужасных страданий множества русских людей и, поставив убедительный диагноз, все сообща, старательно, внимательно перебирали методы лечения и лекарства.

---

¹Печатается по изданию: Миссионерский съезд в г. Орле, 16-24 сентября 1901 г. Орел, 1902. С. 278-294. См. также: Орловский вестник. 1901. 25 сентября. № 254.

Причины исторические, этнографические, социальные и словесные поочередно проходили перед нами, всегда старательно обдуманые и блестяще изложенные.

Громко свидетельствую – как ни ничтожно мое свидетельство – что слушая Вас, я был поражен тем, как вы много знаете, как много добросовестного труда, старательных исканий и обдумываний было вами положено на это, очевидно дорогое вам дело, как трудолюбиво и тщательно строите вы свое огромное здание, где все обдумано и предусмотрено.

Теперь, при конце наших занятий, я, допущенный оглядеть эти удивительные планы, не хочу оставить без обсуждения один мучивший меня все время «недоуменный вопрос», скорее сомнение, которое я выскажу прямо, думая, что только полной откровенностью могу оплатить ваше искреннее радушие. Это сомнение мое следующее: – среди столь многого не забыто ли то, что мне непосвященному мирянину, представляется единым на потребу? Не пренебрегли ли вы, умелые строители, случайно или невольно, краевым угольным камнем?

Само вставало передо мною пропущенное в огромной программе, ни разу не произнесенное здесь, среди пылких, ученых, многосторонних и искренних прений, – вековое слово: *свобода совести*.

«Иде же Дух Господень – ту свобода». Значит ли это, что где, по нашему, дух не Господень, там не должно быть и свободы? Или, м.б., это значит, что где нет свободы, там нет и Духа Господня, без которого Православие не может творить ничесоже... Где нет свободы для слова, свободы для мнения, свободы для сомнения, свободы для исповедания, – там нет и места для дела веры, там не повеет Дух Господень, там пребудут бессильными все старания, всякое рвение!

Перед приведенной цитатой казалась бы излишней всякая другая, меньшая. Но идея тоже нуждается в брэнном воплощении, и как тело в одежде, нуждается в мотивировке.

Вот как лет 40 тому назад писал об этом Гизо, которого так же трудно не признать христианином, как не признать великим государственным мудрецом.

«В течение 18-ти веков – говорит Гизо – христиане были поочередно то гонимыми, то гонителями; гонимыми, как христиане – и гонителями нехристиан, или даже друг друга, между собою, внутри пределов христианского общества. Преследование было, смотря по месту и времени, более или менее, непреклонное, более или менее действительное, – но, несмотря на все различия церковей, государственных форм и наказаний, на преобладание строгости или мягкости в приложении, – принцип однако же оставался один и тот же. Претерпев мученичество и гонение под скипетром языческих императоров, христианская религия жила, в свою очередь, под стражею гражданского закона, защищаемая оружием светской власти.

Она живет теперь перед лицом и в присутствии свободы.

Она имеет дело со свободною мыслию, со свободным суждением. Ей приходится теперь защищаться уже самой, самой охранять себя, свидетельствовать непрестанно, и противу всякого встречного, свою истину нравственную и историческую, свое право на разум и душу человеческую. Католики, протестанты, жиды, христиане и философы, все теперь по крайней мере между нами (во Франции), ограждены от всякого преследования; наружное выражение верования равно свободно для каждого. Свобода религиозная, то есть свобода верить, верить различно, или вообще не верить, еще не вполне принята и обеспечена в разных государствах, но, очевидно, что она более и более становится всеобщим фактом и станет отныне обычным правом просвещенного мира. Одна из причин, дающих такое могущественное значение этому факту – та именно, что он не одинок; он состоит в связи с великою умственною и социальною революциею, которая после многовекового брожения, разразилась и совершается в наши дни. Дух науки, преобладание демократического начала и политическая свобода – вот существенные черты и неотвратимые влечения этой революции. Эти новые могучие власти могут впасть в громадные вины, совершив громадные ошибки, за которые им всякий раз придется жестоко рас-

плачиваться, но сие уже окончательно утвердилось в современном обществе. Это те отныне господствующие явления, к которым должны будут прилаживаться все политические учреждения и с которыми всем государственным властям нужно будет жить в мире. Христианская религия не избавлена от этого испытания, она преодолет его, как преодолела множество других.

Дело крайней важности и необходимости, чтобы христиане не обольщались на счет предстоящей им борьбы, на счет ее опасностей и тех орудий, которые им возможно будет употребить в дело... Нападение, направленное теперь на христианскую религию, нападение пламенное и совершаемое то с грубым фанатизмом, то с хитрыми искусством, – то во имя самых низких страстей, то во имя самых искренних убеждений; иные (на Западе) оспаривают ее, как лживую, другие отвергают ее, как слишком требовательную и стеснительную, – большая часть страшится ее, как тирании. Не скоро забываются несправедливый суд и страдания, не легко излечиваются от боязни. Воспоминания о религиозных гонениях еще живы и ее продолжают питать во множестве умов злые предубеждения и жгучие опасения. Христиане, со своей стороны, с трудом допускают новое социальное положение и с трудом прилаживаются к нему; они на каждом шагу чувствуют себя оскорбленными, раздраженными, испуганными, – от мыслей и речей, раздающихся в обществе. Не легко перейти от привилегии к общности права, и от господства – к свободе. Нельзя, видно, без особенных над собой усилий покориться свободе дерзкого противоречия и необходимости постоянно защищаться, постоянно одолевая. Действия свободы еще страстнее и чувствительнее в области религиозной, чем в политической; верующим еще труднее сносить неверующих, чем правительствам оппозицию. И однако же они к этому вынуждены обстоятельствами, – они уже нигде, как в свободе суждения и воспользовавшись всей полнотою их собственной свободы, могут обрести нужную им силу, чтобы возвыситься над опасностями и сделать тщетными нападения своих яростных противников».

И.С. Аксаков так отзывался об этом мнении Гизо. «Если вместо выражения: христианская религия, мы поставим церковь, в

смысле иерархического правительственного института и в смысле внешнего авторитета, или же, наконец, и самую религию будем здесь разуметь в том виде и на той степени развития, как она проявляется в обиходном сознании большинства (как духовенства, так и мирян), то нельзя не признать, что Гизо с поразительной верно-стью определил настоящее положение дела, настоящие опасности, грозящие торжеству христианской истины, и так сказать, ткнул пальцем в самые болезненные места современного христианского общества. В самом деле, победа может остаться за христианской истиной только тогда, когда защитники этой истины будут вполне ей верны и будут защищать ее единым соответственным ее достоинству орудием, когда они убедятся, что только в свободе суждения, в свободе совести, и воспользовавшись всею полностью собственной свободой, они могут обрести необходимую им силу для победы над могуществом лжи и мрака, для одоления своих многочисленных и искусных врагов.

Что выражается требованием свободы совести? Для кого и для чего оно нужно? Для торжества ли лживых и суеверных учений? Выражается ли этим требованием сострадание к расколу или просто увлечение современными либеральными требованиями цивилизации, прогресса и проч.? Ничуть не бывало. До цивилизации и прогресса нам и дела нет, ибо превыше всякой цивилизации и прогресса – идеал препоставленный человечеству Христом, и требование свободы совести опирается лишь на самом слове Божиим. Требование свободы совести – есть требование свободы для самой церкви, – эта свобода необходима для ее собственной жизни духа, для ее торжества, для ее побед.

И так мы видим, что рядом с историей внешних событий есть история внутреннего развития. Иначе и быть не может. Это предвечный закон. Человечество не топчется на одном месте, а растут по слову Апостола «в меру возраста и исполнения Христова». Забывать об этом – ошибка; игнорировать – ложь, которую никакими строгостями не сделать правдой. И оттого-то я считаю, что именно Вам, миссионерам, разносителям вечной правды и заботникам о больных и об отпавших по немощи ума и воли, Вам надлежит

прежде всего указать на эту старую ересь, на этот Государственный грех, на отсутствие свободы совести в стране – носительнице православия.

Вы лучше всех знаете, что проповедь православной истины не возбранена и не гонима в других иноверческих странах. Что 50 лет тому назад в Париже начал издаваться журнал «Union Chretienne», который редактировал отец Владимир Геттэ, перешедший в православие из католических священников, и в нем обличавший неправду и ложь папизма, изобличавший открыто, резко и не стесненно. В Англии стал с 1867 г. выходить журнал «The Ortodoxy Review», – орган англичан, принявших и проповедующих православие. В Германии пастор Овербек издал брошюру «Ex Oriente Lux», в которой провозглашал православную – единой кафолической церковью, сохранившей от апостолов истинную веру. В наши дни ту же проповедь и ту же задачу преследуют так называемые старокатолики не возбранно, во всех странах, при участии наших богословов. Итак, схизматики и еретики Франции, Англии, Германии, Австрии смелее и справедливее относятся к иноверным христианам, нежели православие.

У нас уверяют, что есть свобода верования, только нет свободы исповедания... Вот эту-то ошибку, выдаваемую врагами за прямой обман, следует раскрыть ближайшим ревнителям о церкви и дать ей властно высказать, что без последней не может быть первой.

Вера есть союз совести человеческой с Богом. Она в сердце зарождается и в нем обитает, зажигая и вдохновляя его. И сердце человеческое расширяется ее бытием. Сердце человеческое восторженно подчиняться наитию веры. «От избытка сердца уста глаголют». Можно ли запечатать их на живом образе человеческом, не превратив веры в изуверство или не вытравив ее совсем из сердца.

Думаю, что нельзя.

Законодательство вправе говорить любому подданному: «Ты можешь верить во что хочешь и как хочешь, или совсем не верить – мне все равно. Только не смей в этом признаваться ни мне, ни другим». Но церковь не может повторять за ним тех же слов. Больше

она не может не сказать государству: Нет! Предоставь мне, мне единой на то уполномоченной, ведать дела совести, и я исцелю или убежду всякого очевидностью истины, которая во мне и на которой я созиждена и которой не одолеть не только разные уклонения слабого ума человеческого, но и сами врата адовы. Меня научил апостол «в союзе мира блюсти единение духа», а не в союзе запрета со строгой карой. Если оно временно нарушено, церковь восстанавливает его, но убеждением, а не суровостью угроз. Уже в самом понятии «убеждение» очевидно заключено понятие и право «зablуждения».

Церковь также не может запретить заблуждаться, запретить терять веру, как никто не может сознательно отказаться от истинной веры, которая приносит человеку спасение в ужасе смерти, и свет в потемках истины, особенно в наши дни мучительного, ошалевшего недоумения. Среди нас есть несколько (м.б. и много) заведомо бывших еретиками и сектантами. Скажите, не радостно ли обрели вы истину православия, не свободно ли к ней вернулись? Помогал ли Вам принять и примкнуть XV?

Меня спросят: – Чего же Вы хотите? Разрешения не только безнаказанного отпадения от православия, но и права безнаказанного исповедания своей веры, т.е. совращая других? Это подразумевается под свободой совести? Особенно уверенно среди вас, миссионеров, я отвечу: да. Только это называется свободой совести. Только при этом может жить и действовать, спасать и спасаться, вера истинная и неистинная, обращаемая и обращающая. Запретным пусть будет не вера, а дела; не чувство, а поступки, ущербы, изуверство, все то, что уголовный закон карает во всех, не спросясь церкви независимо от вероисповедания, за что уходит в тюрьму и ссылку всякий православный.

Меня сейчас же переспросят, ссылаясь на темноту простого народа: как? – не карать за проповедь, за совращение?

И я опять отвечу: за проповедь перед взрослыми, за совращение сознательных людей – нельзя и бесцельно карать. Нельзя потому, что если допустить, что темные люди бросают православие не вольно и не сознательно, то я раньше должен признать, что они

невольно и не сознательно пребывают в православии. Тогда – это только принадлежность к культу без принадлежности к церкви и выражается она не верой, а суевериями, близкими к язычеству, и равнодушием, далеким от всякой философии и науки. Этим нечего дорожить, ни беречь.

Бесцельно карать потому, что наказание за веру, которую считаешь истинной, пугает только самых робких проповедников, а они не опасны, как плохие апологеты.

Орудия церкви, говорит Аксаков, могут быть только духовные, способные соблюсти свободу совести человека в самом послушании веры, в самом плену истины. Если же церковь в деле веры прибегает к орудиям не духовным, к грубому вещественному насилию, то это значит, что она отрекается от своей собственной духовной стихии, сама себя отрицает, перестает быть «церковью», – становится государственным учреждением, т.е. государством, «царством от мира сего», – сама обрекает себя на судьбу мирских царств...

Таким образом, закон гражданский невольно, вместо охранения церкви, только растлевает ее духовную целостность. Если церковь верует в свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она в содействии земной силы. А если нуждается, то не свидетельствуется ли сим недостаток дерзновения веры?... А если проявляется недовольное дерзновение веры со стороны официальных охранителей веры, то как же остановить и в обществе тот дух неверия, которым обуреваются совести – оскорбленные в своем святом праве свободы?...

Теперь остается еще определить: кто же запретил свободу совести в России и кто карает? Разобравшись в законах, выходит, что карает гражданская власть вместе с духовною. При этом они не только соединились, но и перепутали свои несовместимые области. Тот же Аксаков насчитывает более 1000 отдельных статей в тт. II, особенно XIV, XV, XVI с зак., которыми на полицейские власти возложено ограждать душеспасение и руководить самой совестью православных. Чего-чего там только нет? Указано, как начальству наблюдать за бытием подчиненных на исповеди и св. причастии,

наблюдать как стоят в церкви с благоговением и без усилия, какие иметь в домах образа – искусной резьбы, как дозволять по рвению верующих приносить святые иконы в дома, но не иначе как на руках, или в каретах.

Каких только не слышишь оскорбительных курьезов! Да возьмите сейчас в миссионерской библиотеке Братства справочную книжку о законах и вы прочтете, что одна и та же 783 ст. II т. I ч. Среди забот Станового об искоренении дуэлей, пасквилей, пьянства, неправильной охоты, совмещения мужского пола и женского в торговых банях, поручает ему наблюдение за спорами против догматов веры православной и совращением православных в иную веру и раскол.

Гражданская власть, забрав опеку над областью духа, установив строгие кары по делам веры, в то же время коварно возложила нравственную ответственность за них на власть духовную. Ст. 1006 т. XVI говорит: «предварительное следствие по делам о совращении из православия или отступления от веры христианской начинается не иначе, как по требованию духовного начальства».

И вот нам невольно вспоминается, как за последние годы часто поступали эти требования духовного начальства. Мы боимся надеяться, что с установлением и развитием миссионерства прекратится обращение к материальной власти в этой области убеждения и воздействия на душу, хотя ни на ком в России не лежит более, чем на миссионерском съезде, долг провозгласить необходимость свободы совести, необходимость отмены всякой уголовной кары за отпадение от православия и за принятие и исповедание иной веры. И я предлагаю орловскому миссионерскому съезду так прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство пригодным порядком.

Только тогда миссионерство будет вправе говорить, что оно ведет борьбу за православную веру совсем иными средствами, чем та трубчевская деревня, о которой здесь было рассказано одним из батюшек. Вы помните? С согласия и ведома и священника, и начальства заперли заподозренных штундистов церкви, принесли стол, накрыли чистой скатертью, поставили икону и стали выводить

по одному: «Приложись!» – Не хочу прикладываться к идолам... «А!» – пороть тут же. Послабже которые, после первого же раза, возвращались в православие. Ну, а которые до 4 раз выдерживали.

Только тогда у миссионера, у священника не сойдет с языка тот ответ, который мы тоже здесь слышали: – Вы говорите, батюшка, их было вначале 40 семей, а теперь 4. Что ж остальные? – А милостью Божьей сосланы в Закавказье и в Сибирь. Я приглашаю съезд так высказаться, несмотря на то, что в изданной на днях миссионерской «Памятке» после упреков приходскому духовенству за равнодушие, доходящее до предубеждения, к миссионерской деятельности, после уговора действовать на заблудших милосердующей отеческой любовью, но никак не угрозой наказания, мерами суда и полицейской расправы – тюрьмой, ссылкой и пр., после упоминания, что так как полицейские меры – *не меры Церкви* (курсив подлинника), то священник, по миссионерскому принципу, не должен бы совсем входить в непосредственное сношение с гражданской властью; после этих несомненных и прекрасных рассуждений в следующем же параграфе 18 предписывается: возбуждать судебные дела против раскольников, не только если они позвонят в колокол во время собраний или допустят публичное пение при погребении умершего, или если раскольник публично оденет клубок, рясу или монашескую одежду, а предписывается возбуждать уголовные дела, когда священник заметит и убедится в действиях могущих производить соблазн среди православных, *каковы всякие действия*, противные православной вере, и в особенности публичные хулы и насмешки над правилами и обычаями православной Церкви и *над теми, кто их соблюдает*.

Да извинят меня составители этой «Миссионерской памятки», но я более сочувствую тем попущениям, за которые они попрекнули наших простых сельских батюшек, чем преподаваемому ими ревнительству. Скажу еще. Я считаю первое более согласным с долготерпением и достоинством православной церкви... Я не одинок. Я нахожу у того же замечательного русского человека подтверждение моей мысли.

«Совращение членов, говорит Аксаков, – господствующей церкви в иноверное учение, – не путем насилия, а свободного убеждения, есть ли само по себе, в существе своем, деяние преступное? Совершила ли преступление русская церковь, когда подсягнула на совращение католического аббата и французского подданного Геттэ в православие? Скажут ли: *нет* потому только, что французские законы не считают этого деяния преступным? Однако же такое совращение признано преступным в России и по государственным законам подлежит тяжкому наказанию. По этим законам отец Васильев, русский священник при посольстве в Париже, сохративший аббата Геттэ, должен бы быть подвергнут французским судом заключению в тюрьме или ссылке (Улож. о нак., ст.187 и 188). Если же это деяние само по себе не преступно, ибо было делом не насилия, а мирного проповедования со стороны совратителя и искреннего согласия совести со стороны совращенного, – то почему же при тех же условиях, такое деяние преступно в России, почему допущены разные ему оценки и мерки? Потому ли, что наша вера истинная, а всякая другая вера ложная? Но потому именно, что наша вера истинная – она и должна быть истинной верой, то есть свободным изволением духа, как и учит православная Церковь: она не может требовать от своих чад иного убеждения, как искреннего, т.е. вполне свободного, а не лицемерного?...

Откроем Хомякова, этого столпа православия, Киреевского, Юрия Самарина и так недавно еще, и так безвременно ушедшего к Богу, Влад. Соловьева, которого «Миссионерское Обозрение» совершенно справедливо оплакивало и назвало великим сподвижником церкви православной. Разве они не скажут того же самого? Да, наконец, разве не чувствуют это, хотя не могут выразить многие и многие простые русские люди?

Я же вам это высказал не только потому, что могу опереться на такие авторитеты, но и потому что для думающего так высказать – долг совести, которого не вправе замолчать ни их скромности перед вашей ученостью специалистов, ниже по робости перед несочувствием гражданской или духовной власти. Ведь самый последний и ничтожный из нас не только принадлежит к Церкви, но тоже

составляет Церковь, ту совокупную Церковь, которая есть от Бога установленное общество человеков, соединенных православной верою.

Не именем духовного начальства, не от имени духовенства, а во имя Церкви надо высказать, что насилие над совестью бессовестно, что где нет свободы, там нет искренности, что где нет искренности, – нет веры правой и неправой. Церковь может сказать, что область совести и веры – ее область, Она одна в ней властна. Она может сказать Кесарю: Оставь, это не твое, это – Божье в вечности; это мое на земле! Мне, мне единой дана власть вязать и разрешать, дана без права передоверия прокурорам и судьям. Я одна могу судить живым и живительным началом любви.

Уже 366 лет духовная и гражданская власти с земными законами и материальными средствами в руках борются с расколом, и не дал им Бог побороения. Я не знаю, сколькими миллионами сосчитаны отпавшие дети православия, но я знаю, что не считаны большие миллионы оставшихся за это время суеверными до язычества, равнодушными до отчаяния! 366 лет плачет православная церковь от этого раздиранья! 366 лет от мучительства и отчаяния страдает многое множество русских людей. Не столько при ссылке и в темнице, сколько страдает от сомнений, колебаний, искания и жажды истинной веры... За 366 лет из одного раскола стало 118 расколов, ересей, сект. Разве это не грех всех? Разве это не общее горе? Разве это не наказание нам? «Все за то, что церковь Божию святотатственной рукой приковали мы к подножью власти суетной, земной!» И только когда она, матушка, примется лечить духом и истинною все нужды и грехи нашей совести, своей любовью будет сама и одна вязать и разрешать их, только тогда может исполниться ежедневная молитва, и дух истины, это сокровище добрых, придет и вселится в нас и очистит от этой скверны, и спасет души наши...